

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Б.Х.Тодаева

Язык монголов Внутренней Монголии

Очерк диалектов

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор

Г. Д. САНЖЕЕВ

В работе дано описание трех диалектов Внутренней Монголии. Описание базируется на материалах, собранных автором в полевых условиях. Используются также данные других экспедиционных групп, работавших в различных местах поселения монголов.

Исследование является продолжением книги того же автора «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (М., 1981).

Т $\frac{4602010000-137}{013(02) - 85}$ 154-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом нашего исследования являются говоры и диалекты Внутренней Монголии, носители которых, монголы Автономного района Внутренняя Монголия, уже несколько веков проживают в пределах Китая.

Изучение говоров восточной части Внутренней Монголии связано с именем известного русского монголоведа А. Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Летом 1903 г. А. Д. Руднев по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ездил в Восточную Монголию. Он писал: «Посещены Харбин, Цицикар, Куан-Чэн-дзы, Мукден... и совершена экскурсия из Фулярди в ставку Дурбут-бэйсэ и его монастырь и обратно на ст. Сяо-Хэ-дза. На обратном пути заехал в Гусино-озерский, Джидивский дацаны и в Ургу. Эта экскурсия дала мне главный, основной материал для настоящей работы» /7, с. xxii/. А. Д. Руднев писал, что о восточных монголах знают чрезвычайно мало. Известно лишь, что в их языке аффрикаты *ч* и *ц* употребляются в тех случаях, где письменным монгольским *с* и *у* соответствуют халха-ургинские *ч* и *з*, и что имеются различия в лексике. И, наконец, что будто бы «восточные монголы все окитаены и забыли свой язык» /7, с. 229/. В связи с последним тезисом автор отмечает, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски.

А. Д. Руднев устанавливает две группы говоров: 1) дурбут-бэйсэ, северный горлос и джалайт, 2) все остальные восточные — джасту, уджумчин, ордос и др. По поводу последних А. Д. Руднев писал: «В языке остальных вост. монголов я не замечал различий, которые бы дали мне право выделять еще другие подгруппы» /7, с. 230/. Отличительной чертой первой группы говоров он считал наличие в них согласного *ж*, соответствующего письменному монгольскому, халха-ургинскому, восточным и калмыцкому *с*, бурятскому *h*.

Труд А. Д. Руднева является первым опытом описания основных фонетических и морфологических особенностей речи дурбет, горлос и отчасти хорчин, проживающих на самой окраинной части северо-востока Внутренней Монголии. Следует заметить, что ученый изучал речь лишь отдельных монгольских племен — дурбут-бэйсэ, горлос, хорчин (джасту). Основная же масса монголов (в том числе и часть хорчин) Джоудаского (арухорчины, барины, хешиктены), Чахарского, Джостуского (харчины и туметы), Шидингольского, Уланцабского и Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймаков Внутренней Монголии осталась вне поля наблюдений исследователя.

А.Д. Руднев отмечал, что по восточным говорам большой материал собрал П.Ж. Жамцарано. «Из его писем видно, что он обследовал ордос, урат, дурбет (дурбен хухет), сунит, абага, уджумчин и баргу» /7, с. 61, примеч. 3/. К сожалению, материалы, собранные П.Ж. Жамцарано, не были опубликованы, и судьба их неизвестна.

В дальнейшем изучение говоров Восточной Монголии приостановилось. После А.Д. Руднева никто из монголистов (ни до революции, ни после нее) ими не занимался. Таким образом, выходом в свет книги А.Д. Руднева, собственно, и ограничивается изучение в России говоров Внутренней Монголии.

Между тем южная часть Восточной Монголии привлекла внимание иностранных специалистов. В 1906 г. А. Мостарт, бельгийский миссионер, ставший затем известным ученым, начал изучение ордосского диалекта. Его пребывание в Китае с 1906 по 1925 г. было весьма плодотворным. Он опубликовал несколько капитальных трудов, посвященных исследованию ордосского диалекта: «Диалект монголов ордос», «Тексты ордос», «Словарь ордос» /12; 13; 14/.

Изучение отдельных говоров не давало целостного представления о языке монголов Внутренней Монголии и близлежащих провинций Китая, о современном состоянии говоров и месте, занимаемом ими как в группе диалектных подразделений языка самих восточных монголов, так и среди других монгольских языков. При рассмотрении говоров Внутренней Монголии обычно ссылаются на ордосский как на самый известный в литературе и сохраняющийся в «чистом» виде некоторые черты старописьменного монгольского языка (СПМЯ). Однако во всех остальных говорах заметны отличия, характерные для речи монголов разных племен. Следует принять во внимание и то, что частичное переселение монголов, занятие животноводством и, следовательно, перекочевки с места на место в поисках лучших пастбищ, социальные перемены в их жизни (особенно в начале 50-х годов XX в.) — все это положило начало известному смешению отдельных черт внутри групп говоров (главным образом тех, которые распространены в Чахарском, Шилингольском, Иехе-Чжоуском (Ордос) и Уланцабском аймаках).

ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ

В 1954–1957 гг. в КНР была развернута большая работа по широкому полевому обследованию и изучению языков многочисленных национальных меньшинств. Эти исследования должны были предшествовать созданию для многих из них новой письменности или реформе старой письменности и разработке литературных языков.

1954 год стал примечательным в истории всех монгольскоязычных народностей Китая — монголов Внутренней Монголии, дагуров, монгоров, дунсян, баоаней, ойратов, живущих в провинциях Ганьсу, Синхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Языки этих народностей стали предметом специального исследования. До этого они в КНР не изучались.

Первым шагом к подготовке и проведению экспедиции было накопление предварительных данных о границах распространения, общем положении (ис-

торические, этнографические и другие сведения монголов, выяснение основных контуров отдельных говоров и диалектов¹. Общая задача экспедиций была ясна — установить реальную языковую ситуацию на территории Внутренней Монголии и наметить границы между диалектами и говорами. Но сначала необходимо было тщательно продумать и решить наиболее существенные вопросы практического и методического характера, например: а) выяснить, какие говоры обследовать, где они распространены и как их именовать; б) выработать транскрипцию; в) составить единую программу для сбора материалов по говорам; г) определить маршруты и сроки обследования того или иного говора.

Ответственным и трудным мероприятием была выработка транскрипции и составление единой программы с единой методикой записи и сбора материала. Было признано целесообразным принять за основу практический алфавит языка монголов МНР с добавлением некоторых диакритических знаков. Очень важно было также определить объект сравнения изучаемого говора. Многомесячная подготовительная работа завершилась к маю 1955 г., и настало время самой экспедиции.

Экспедиция 1955 г. была организована Центральной академией национальных меньшинств в Пекине, Институтом языкознания АН Китая и Обществом по изучению монгольского языка и письменности во Внутренней Монголии² под общим руководством Академии наук Китая и Комитета по делам национальностей.

Группы по обследованию монгольских языков и диалектов входили в состав V-го отряда лингвистической экспедиции 1955 г. В ней принимали участие 60 человек — представители различных монгольских народностей. Членами экспедиционных групп были сотрудники, преподаватели, аспиранты кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств, сотрудники Института языкознания АН Китая, преподаватели восточного факультета Пекинского университета. Были приглашены и 40 человек из Автономного района Внутренняя Монголия — преподаватели и учащиеся старших курсов техникума монгольского языка, работники издательств, переводчики, прошедшие специальные краткосрочные курсы.

Было создано 13 групп: 1) баргу-бурятская, 2) дагурская, 3) хинганская, 4) джеримская, 5) жоудаская, 6) харчинская, 7) чахарская, 8) шилингольская, 9) уланцабская, 10) ордосская, 11) ганьсуская, 12) цинхайская, 13) синьцзянская.

---

¹ Мы не останавливаемся на экспедиционном изучении остальных монгольских языков — дагурского, дунсянского, монгорского и баоаньского, а также речи ойратов в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

² Общество, созданное в 1953 г., состояло из 160 членов. Задачи Общества: 1) унификация монгольской терминологии, 2) изучение языка (составление учебно-методических пособий) и переводы на монгольский и с монгольского на китайский, 3) изучение нового монгольского письма (на кириллице), 4) собрание памятников старой письменности и устного народного творчества), 5) издание журнала «Монгол хэл бичиг».

Существовала и специальная группа, куда входил и советский специалист со своим маршрутом и планом обследования. Ее члены изучали язык дагуров в провинции Хэйлунцзян (цицикарский говор) и дагуров в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии (бутхаский говор), а также язык монгольского населения Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского, Шилингольского и Чахарского аймаков Автономного района Внутренняя Монголия.

Экспедиционные группы работали на местах поселения монголов от трех до шести месяцев. В итоге широких полевых обследований в распоряжении специалистов оказалось большое количество материалов (правда, неодинаковых по своей значимости), которые давали возможность представить целостную картину общего состояния изучаемых говоров и диалектов, распространенных на весьма обширной территории, начиная с Маньчжурии на севере и кончая Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе.

Подведение итогов работы, даже предварительных, было делом нелегким. Задача состояла не только в том, чтобы дать подробное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов и говоров для определения путей дальнейшего развития языка монголов Китая, но и в том, чтобы на основе собранных материалов помочь правильно решить вопрос о возможности перевода письменности прежде всего монголов Автономного района Внутренняя Монголия со старомонгольской графики на новую (кириллицу).

Следует отметить, что до экспедиционного обследования языка монголов Внутренней Монголии не раз ставился вопрос на местах о реформе старомонгольской письменности и замене ее письменностью на основе русской графики, применяемой в соседней братской стране — МНР. Выбор китайскими монголами этой графики объяснялся историческими связями, единой основой их языка, наглядными примерами успешного развития культуры и просвещения монголов МНР.

Подготовительные работы по языковому строительству, в частности мероприятия по дальнейшему развитию языка монголов Китая, и осуществлению реформы старомонгольской письменности были неразрывно связаны между собой и в целях подведения итогов нуждались в обобщении.

В этой связи возникло много практических и теоретических вопросов, например: классификация монгольских диалектов и говоров, выбор опорного диалекта и установление норм литературного произношения, степень понятности нового литературного языка для всего населения и т.д.

Особенно сложным и дискуссионным оказался вопрос о членении монгольского языка, к которому китайские ученые сочли возможным отнести язык баргутов и бурят Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии, а также ойратов провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эта проблема требовала самого серьезного внимания — учета не только лингвистических данных, но и общественно-политических факторов.

Результатом деятельности экспедиции явился доклад кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине, который был прочитан на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Основной доклад на этой конференции был посвящен общему обзору состояния работы по обследованию языков и тому, что делается в области со-

здания и реформирования письменностей. На конференции развернулся широкий обмен опытом работы по изучению различных групп языков национальных меньшинств, а также были намечены конкретные планы осуществления их на ближайшие годы.

Решение конференции о необходимости завершить основную работу по обследованию языков национальных меньшинств Китая и оказанию содействия им в разработке и усовершенствовании письменностей в ближайшие три года (1956—1958) касалось и монгольских народностей. Подготовка к осуществлению плана экспедиции 1956 г. началась сразу же после завершения этой конференции.

В промежутке между созывом научной конференции по языкам народов КНР и проведением экспедиции 1956 г. произошло еще одно важное событие в истории изучения монгольских языков Китая — это созыв первой научной конференции по актуальным проблемам монгольских языков и письменностей. Она состоялась в Автономном районе Внутренняя Монголия, в г. Хухэ-Хото (в мае 1956 г.), в ее работе принимали участие представители всех монгольских народностей: дагуры, монгоры, дунсяне, баоане, монголы, ойраты, баргуты и буряты.

В докладе кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине «Об итогах работы монгольской экспедиции 1955 г.» освещались современное состояние изученности говоров и диалектов, их классификация, взаимоотношение не только между диалектами монголов Китая, но и между диалектами последних и халхаским, легшим в основу литературного языка монголов МНР, и как итог высказывалось предварительное мнение по вопросу о перспективах дальнейшего развития монгольского языка в Китае, о возможном переходе на новый алфавит.

Конференции предшествовали большая подготовительная работа, множество обсуждений и споров, поиски лучших вариантов решения проблемы. Мнения сторон резко расходились, и намечались два возможных пути решения главного вопроса:

1) в качестве основы литературного монгольского языка целиком принять халхаский диалект, признав тем самым исконное единство языка монголов МНР и монголов Внутренней Монголии;

2) в основу литературного языка положить один из диалектов Внутренней Монголии и, следовательно, дать возможность самостоятельному существованию и развитию литературного языка на территории Внутренней Монголии в пределах КНР.

Те, кто настаивал на сохранении самобытности языка монголов Внутренней Монголии, считали целесообразным за основу их литературного языка взять восточный диалект (хорчинский говор). Мотивировалось это тем, что на нем говорит 80% (свыше миллиона) населения Внутренней Монголии, культура их более развита, они живут компактно, ведя полуседлый или оседлый образ жизни.

Мнение, высказанное кафедрой монгольского языка, заключалось в следующем: учитывая то, что после освобождения Китая связи с монголами МНР стали более тесными и литературный монгольский язык МНР оказывает известное влияние на интеллигенцию и население Внутренней Монголии, жела-

тельно для дальнейшего подъема культуры широких народных масс в соответствии с планами социалистического строительства в стране объединить усилия монголов в развитии общего национального языка. Кафедра считала возможным рекомендовать в качестве опорного — центральный диалект (с его шилигольским произношением), занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами, общепонятный для монголов, живущих в Китае и наиболее близкий к языку монголов МНР. После обмена мнениями и долгих споров участники конференции пришли к решению: на территории Автономного района Внутренняя Монголия культивировать единый с монголами МНР общелитературный монгольский язык и расширять его базу за счет центрального диалекта языка монголов КНР как наиболее близкого к халхаскому диалекту.

Широко обсуждался вопрос и о переходе монголов на новый алфавит, применяемый ныне у монголов МНР³. Это касалось не только основной массы монгольского населения Внутренней Монголии, но и прилегающих к ней китайских провинций северо-востока — Хэйлунцзян, Гирич, Ляонин, где живет часть монголов. На конференции ойраты Синьцзян-Уйгурского автономного района высказались за возможность использования и распространения новой монгольской письменности и среди ойратов. Конференция рекомендовала распространить новую монгольскую письменность не только в пределах Внутренней Монголии, но и среди ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района и провинций Ганьсу и Цинхай.

В 1956 г. в Урумчи на научной конференции по языкам и письменностям народностей Синьцзян-Уйгурского автономного района был рассмотрен вопрос и об использовании новой монгольской письменности ойратами, живущими в регионе.

Ойраты высказались за переход на новую монгольскую письменность. В тот период подобное мероприятие должно было объединять монголов и ойратов КНР, содействовать росту их культуры, сдочению всего монголыязычного населения.

Экспедиция 1956 г. отличалась от экспедиции 1955 г. более широким охватом объектов изучения, маршрутом, сроками и составом участников и т.д. Несмотря на определенные успехи в работе, в экспедиции 1955 г. имелись недостатки, упущения, которые выявились как в процессе работы, так и при подведении предварительных итогов. В экспедиции 1955 г. не изучались языки баоаней и шира югуров, оказались необследованными и некоторые группы монголов. При этом записанные материалы требовали дополнительного изучения, повторной проверки на местах у носителей того или другого говора.

В этот раз самостоятельно функционировали группы по изучению монгорского, дунсянского и баоаньского языков. Специальная группа, в которую

³ Следует отметить, что решение о переходе на новую монгольскую письменность было опубликовано Народным комитетом Автономного района Внутренняя Монголия еще в июле 1955 г. Этим решением предусматривалось с июля 1955 до половины 1958 г. проведение должной подготовки и частичного перехода, а с мая 1962 г. — полный переход на новую графику. Следовательно, параллельно с обсуждением этой проблемы на научной конференции уже шло и ознакомление населения с новой письменностью.

входила и пишущая эти строки, обследовала языки монголов в провинции Внхай, дунсян, баоаней и омонголившейся группы шира югуров в провинции Ганьсу, а также язык цинхайских или куку-норских монголов (в частности, монголов-мусульман уезда Хайянь) и ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района (торгуты, элюты и хошуты).

По возвращении всех экспедиционных отрядов в конце 1956 г. началась кропотливая работа по подведению итогов экспедиции и составлению отчетов каждым отрядом по заранее разработанным и обсужденным проспектам. Особых усилий требовала обработка материалов по лексике, которые должны были стать основой для предполагаемого словаря диалектов.

В целом работа была результативной, она дала ценные сведения и материалы по всем монгольским языкам, что позволило представить языковую ситуацию, создать базу для расширения дальнейших исследований, приступить к составлению грамматических очерков, словарей и т.д.

Однако деятельность полевых лингвистических экспедиций по исследованию монгольского языка, выбор основы литературного языка монголов Внутренней Монголии и начавшееся распространение новой монгольской письменности рассматривались лишь как первые шаги в решении проблем национально-языкового строительства, непосредственно связанного с подъемом и развитием национальной культуры монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Этим мероприятиям не суждено было осуществиться в силу определенных обстоятельств, сложившихся в последующие годы. В частности, этому способствовали и меры правительства Автономного района Внутренняя Монголия, отменившего принятое в 1958 г. решение о реформе монгольской письменности.

Языковая ситуация и языковая политика в Автономном районе Внутренняя Монголия в связи с проблемами развития монгольского языка и реформы письменности подробно рассматриваются в книге А.А. Москалева, посвященной характеристике национально-языковой политики КНР /5/.

В 1957—1965 гг. позиция китайского руководства в вопросе о реформе графики национальных письменностей существенно изменилась. Национальные меньшинства были лишены свободы выбора формы графики своей письменности, им предлагали брать за основу латинский алфавит, тем самым добиваясь унификации с китайской латинизированной слоговой орфографией. Курс на пересмотр основных принципов реформы иди разработку национальных письменностей начал сразу же осуществляться во многих местах.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКА МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

А.Д. Руднев в своем схематическом обзоре монголов делил их по наречиям на три группы: восточные (монголы), северные (буряты) и западные (ойраты) /7, с. IV/. К восточным монголам он относил: 1) южных — ордос, чахары, тумуты, суниты и др. и 2) северо-восточных, куда входит: а) юго-восточ-

ные (хорчин, харачин, оннют, барин, хешиктен, уджумчин и др.); б) северо-восточные (горлос, дурбут); в) халха — восточные и западные.

Г.И. Рамстедт к восточным монголам также относил всех собственно монголов (внешних и внутренних) и делил восточномонгольские наречия на три группы: 1) южномонгольскую группу (чахар, ордос, тумут и т.п.), 2) северо-восточную группу, которая охватывает многие мелкие племена у границ Маньчжурии (хорчин, оннют, уджумчин и т.п., а также горлос и дурбут-бэйсэ, имеющие особый говор) и 3) халхаское наречие /6, с. 5/.

Г.И. Рамстедт считал, что язык современных восточных монголов состоит из многих наречий, но различия между ними невелики и они без особого труда понимают друг друга. В отличие от А.Д. Руднева он не выделяет в особую подгруппу горлос и дурбут.

Большого внимания заслуживает классификация монгольских наречий и говоров, предложенная Б.Я. Владимирцовым. Б.Я. Владимирцов исходил из того положения, что общего монгольского языка не существует вовсе, а имеется несколько наречий и множество говоров, на которых изъясняются их носители в различных местах поселения монгольских племен. Эти наречия и говоры он условно делил на две ветви — западную и восточную. Западную ветвь составляют: а) ойратское наречие, б) наречие афганских моголов. К восточной ветви он относил наречия: а) бурятское, б) баргу-бурятское, в) дагурское, г) южномонгольское, д) халхаское.

По Б.Я. Владимирцову, в состав южномонгольского наречия входит несколько групп говоров: восточная, харачинская, чахарская и ордосская. К восточной группе он относил говоры населения северо-восточной части Внутренней Монголии (монголы Джиримского и Джоудаского сеймов), и, так же как и А.Д. Руднев, различал в ней две подгруппы: а) северо-восточную (говоры населения Дурбут-Бэйсэ, Сев. Горлос и Джалайт) и б) юго-восточную (все остальные говоры).

К харачинской группе он относил говоры монголов Джостуского аймака (племена харачины и тумуты). В чахарскую он включал говоры монголов Чахарского и Шилингольского аймаков. Такой же обобщенно расширительной оказалась и ордосская группа, включавшая говоры, на которых изъяснялись монголы Ихе-Чжоуского (Ордос) и Уланцабского аймаков. Говор уджумчин квалифицировался Б.Я. Владимирцовым как переходный к восточной группе /2, с. 8-9/.

При этом Б.Я. Владимирцов предупреждал, что «нельзя забывать того, что каждое наречие является в действительности в виде нескольких близких между собой, но все-таки отдельных говоров, а также того, что говоры чаще всего как бы волной переливаются друг в друга; в пределах же одного говора тоже можно наблюдать разные отличия» /2, с. 5/. Важно то, что распределение по говорам им намечалось в условиях, когда был исследован лишь ордосский и часть говоров восточной группы, да и то недостаточно полно. Он считал, что как следствие всего этого «классификация говоров южномонгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям» /2, с. 9/.

Г.Д. Санжеев не дает частной классификации говоров Внутренней Монголии, он рассматривает носителей этих говоров как собственно монголов и считает, что «как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и др. Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, является свистящим (*цаг* 'время', *олам* 'дорога'), то диалекты внутренних монголов — шипящими (*цаг* 'время', *олам* 'дорога'). Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру» /8, с. 10/.

Известна классификация монгольских языков, предложенная Н.Н. Поппе, который делит монгольские языки на две основные ветви: восточномонгольскую, куда включаются: 1) дагурский язык, 2) монгорский язык, 3) восточномонгольский язык (иначе — халха и диалекты Внутренней Монголии), 4) бурятский язык, и западномонгольскую, включающую: 1) могольский язык, 2) ойратский язык (иначе — речь всего ойратского населения МНР и КНР), 3) калмыцкий язык.

Н.Н. Поппе диалекты Внешней и Внутренней Монголии считает диалектами одного языка, называемого им восточномонгольским языком. Важным он полагает то, что племена, которые общаются на этих диалектах, называют себя «монголами», в то время как другие монгольские народности не употребляют этого названия /15, с. 19/.

Восточномонгольский язык Н.Н. Поппе делит на следующие диалекты: а) халха, б) уланцаб, в) ордос, г) чахар (помимо чахар автор включает сюда и речь монголов Шилингольского аймака), д) харчин, е) джоуда (найман, арухорчин, джарут, кешиктен, барин, аохан, чохор халха и онют), т.е. сюда включается речь монголов, населяющих территорию Джеримского аймака: хорчин, джалайт, дурбут и горлос /15, с. 20—21/. Н.Н. Поппе различает в качестве самостоятельных диалектов ордос и уланцаб, тогда как, например, у Б.Я. Владимировца уланцабский включался в состав ордосской группы.

Широкое экспедиционное изучение языка монголов КНР способствовало дальнейшему уточнению и пересмотру схемы их распределения на говоры и диалекты.

Первая такого рода классификация была предложена группой авторов в докладе, прочитанном на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Она основывалась на совершенно новых данных, полученных путем фронтального экспедиционного обследования языка монголов во всех местах их поселения. Авторы исходили из того, что как фонетические и морфологические, так и лексические особенности дают основание делить язык монголов Внутренней Монголии на отдельные говоры и диалекты. Таких диалектов насчитывается пять: 1) баргу-бурятский (шинэ-баргуский и хучин-баргуский говоры); 2) восточный (хорчинский, арухорчин-баринский и харчин-туметский говоры); 3) центральный (шилингольский, чахарский и ордосский говоры); 4) за-

надный (алашанско-эдзинский и цинхайский говоры); 5) ойратский (торгутский говор)⁴.

Опираясь на новые материалы и построенная с учетом реальных данных по языку, истории и границам расселения монголов, эта классификация в основном соответствовала действительному положению. Однако авторы сознавали, что последующая экспедиция дополнит, уточнит ее.

Незначительные уточнения в эту классификацию вносились и позднее, когда была завершена экспедиция 1956 г. и подведены итоги работы всех групп. Но следует заметить, что и при последующих изысканиях в основе сохранялась именно эта первоначальная классификация.

В 1957 и 1958 гг. были опубликованы статьи Чингэлтэя, посвященные краткому обзору монгольских языков Китая и диалектов собственно монгольского языка. Чингэлтэй делит собственно монгольский язык на следующие диалекты и говоры: 1) баргу-бурятский диалект (шинэ-баргуский, хучин-баргуский и бурятский говоры); 2) восточный диалект (джудаский, джеримский и джостуский говоры); 3) центральный диалект (шилинольский, чахарский и ордосский говоры); 4) западный диалект (эдзинско-алашаньский и кукунорский говоры) и 5) ойратский диалект (торгутский говор) /16/.

Классификация Чингэлтэя отличается от предшествующей классификации тем, что в ней признается бурятский в качестве отдельного говора, а говоры восточного диалекта именуется согласно территориальной принадлежности их носителей.

В тот период вопрос о делении языка монголов КНР на отдельные диалекты и говоры (в уже указанном выше широком понимании) был далеко не простым и бесспорным. Включение в его состав в качестве самостоятельных единиц баргу-бурятского, западного и ойратского диалектов, несомненно, было искусственным, но отвечавшим в то время целям и задачам развития языка и распространения новой письменности и в целом национально-языковой политике, проводившейся в отношении различных этнических групп монголов Китая. Впоследствии по мере накопления и анализа материалов выявились неточности существующей классификации.

Нам представляется, что они состояли не только в том, что баргу-бурятский, западный и ойратский диалекты были неправомерно включены в состав языка монголов Автономного района Внутренняя Монголия, но и в том, что не были четко определены и точно установлены границы говоров самого языка монголов Внутренней Монголии.

И в настоящее время не удастся с достоверностью отнести речь некоторых этнических групп монголов к какому-либо определенному говору восточного или центрального диалекта. Это происходит не потому, что они не подверглись

⁴ В тот период, когда основное внимание обращалось на реформу старых письменностей и подготовку к практическому ее осуществлению — распространению новой письменности, работу по ликвидации неграмотности и поднятию общей культуры населения, язык монголов КНР понимался более широко — как речь всех этнических групп, населяющих не только Автономный район Внутренняя Монголия, но также провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

экспедиционному обследованию и нет по ним данных, а в силу сохранения в них переходных явлений и смешения отдельных черт, присущих говорам разных диалектов. Поэтому мы рассматриваем их как единицы переходного типа, подразделив на подговоры.

Экспедиционное изучение показывает, что диалекты и говоры языка монголов Внутренней Монголии наряду со значительным сходством отличаются друг от друга. Каждый из них характеризуется известными, зачастую весьма устойчивыми локальными признаками.

Учитывая определенные исторические условия жизни, территорию расселения монголов, особенности их речи — фонетические, морфологические и лексические, т.е. базируясь на историко-географическом и лингвистическом критериях, мы предлагаем новую схему классификации языка монголов Внутренней Монголии, сохраняя при этом наше первоначальное наименование диалектов (восточный и центральный). Ордосский мы выделяем в отдельный южный диалект⁵.

Язык монголов Автономного района Внутренняя Монголия распадается на три диалекта: восточный, центральный и южный, каждый из которых, в свою очередь, дробится на ряд говоров и подговоров.

А. Восточный диалект. Он делится на говоры: 1) хорчинский (с подговорами джасагтуским и джалайт-дурбетским); 2) харчин-туметский; 3) арухорчин-баринский (с подговорами оншют-найманским и их-мянганским).

Б. Центральный диалект. В нем два говора: 1) чахарский (с подговором хешиктенским); 2) шилингольский.

В. Южный (ордосский) диалект.

Вне этой схемы оказываются небольшие группы монголов, живущих в провинциях Хэйлунцзян и Гири (северные и южные гордосы) и в Джеримском аймаке Внутренней Монголии (джаруты), по своей речи близкие к хорчинам.

В основу исследования положен материал, собранный автором в экспедициях. Использовались также и отчетные данные других экспедиционных групп, которые работали среди населения различных монгольских племен, проживающих в пределах Китайской Народной Республики.

---

⁵ Предварительно необходимо сделать следующие замечания: 1) баргуты и буряты, населяющие Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия, по своей речи близки к бурятам, проживающим в СССР; 2) ойратское население провинций Ганьсу и Цинхай по своей речи занимает промежуточное положение, среднее между ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района и монголами самого крайнего запада Внутренней Монголии; 3) ойратское население Синьцзян-Уйгурского автономного района по языку резко отличается от монголов Внутренней Монголии и ближе всего к ойратам провинций Ганьсу и Цинхай, а также к калмыкам, живущим в СССР.

По числу носителей и по количеству говоров и подговоров это один из крупных диалектов. На восточном диалекте говорит население Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского и Джостуского аймаков Внутренней Монголии, включая также монголов в провинциях Хэйлуцзян, Гирин и Ляонин северо-восточной части Китая, общей численностью более 1 060 000 человек¹.

ХОРЧИНСКИЙ ГОВОР

В качестве основы описания хорчинского говора взята речь жителей хошуна Дархан-ван. Хорчинский говор представляет особый интерес не только тем, что относится к территориально окраинному, но и тем, что является преобладающим по количеству говорящих на нем людей. Кроме того, данный говор выступает как наиболее типичный для языка восточных монголов, отличаясь в то же время от остальных говоров своеобразием фонетики и морфологии. Поэтому хорчинский говор исследуется нами более полно.

На хорчинском говоре общаются жители Хулунбуирского и Джеримского аймаков, расположенных на северо-востоке Внутренней Монголии. К хорчинскому говору близка речь джарут (два хошуна — Джарут восточный и западный) на территории Джеримского аймака и речь северных (в провинции Хэйлуцзян) и южных (в провинции Гирин) горлос.

ФОНЕТИКА

Гласные

Краткие гласные

a — широкий неогубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале, середине и конце слова: *ав* 'облава', *гал* 'огонь', *алиа* 'ладонь'.
В единичных словах *a* первого слога становится огубленным благодаря влия-

¹ Данные о численности монголов, проживающих в различных аймаках Внутренней Монголии, относятся к моменту их экспедиционного обследования (1955—1956).

нию окружающих звуков, в частности непосредственно следующего за ним губного согласного, например: хорч. *ǰǰa-* 'идти' (ср. в речи ойратов Сийнцзын-Уйгурского автономного района *joa-*).

Старописьменному монгольскому *a* в первом слоге некоторых хорчинских слов соответствует гласный переднего ряда ξ . Это связано с влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога на широкий гласный предшествующего слога, ср.: *amin*² 'жизнь'; *šabi* 'послушник'; *alǰıyur* 'платок'; *anǰısun* 'плуг' — хорч. *эм, шев, элшүр, эндас*. Гласный ξ во всех говорах восточного диалекта произносится несколько своеобразно — как звук более продвинутый вперед, чем *a*, но в то же время более отодвинутый назад по сравнению, например, с калмыкским $\tilde{a}$.

o — широкий огубленный гласный заднего ряда, который может находиться в любой позиции в слове: *ол-* 'найти, находить'; *сохор* 'слепой'; *шоно* 'волк'.

Старописьменный монгольский *o* в первом слоге некоторых хорчинских слов отражается в виде гласного переднего ряда $\tilde{o}$, что обусловлено влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога: *mörin* 'конь'; *ǰačın* 'гость'; *sorbi* 'рубец от шрама'; *točči* 'пуговица' — хорч. *мөр(ин), джочин, сөрвэ, төвш*.

y — узкий огубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале и середине слова: *ус(ан)* 'вода'; *тул* 'знамя'. Иногда произносится ближе к широкому *o*. Нами зафиксированы слова, в которых заметно произношение *y*, как *o*, ср.: *numun* 'лук (оружие)'; *ungsi-* 'читать'; *buduy* 'краска' — хорч. *ном, омши-, бодог*.

$\tilde{o}$ — узкий огубленный гласный среднего ряда, употребляющийся во всех позициях: *өлгі* 'колыбель, люлька'; *мөр* 'след, путь'; *өмнө* 'юг, южный'. В СПМЯ ему соответствует гласный переднего ряда $\tilde{o}$, ср.: *köi* 'нога'; *möndür* 'град'; *könggen* 'легкий' — хорч. *хөл, мөндөр, хөхөн*.

В хорчинском говоре $\tilde{o}$ СПМЯ нередко замещается гласным узким того же ряда *y*. Однако эта тенденция к сужению более заметна в анлауте, ср.: *böglege* 'пробка'; *bndür* 'высокий' — хорч. *булгэ, үндөр*, совр. монг. (халха) *бөглөө, өндөр*.

$\tilde{y}$ — узкий огубленный гласный среднего ряда, который встречается в начале и середине слова: *үд* 'полдень'; *бүтэн* 'целый'; исправный'. Ему соответствует в СПМЯ гласный переднего ряда $\tilde{y}$, ср.: *üliger* 'образец'; *ünegen* 'лисица'; *büse* 'пояс' — хорч. *үлгер, үмэг, бүс*.

e — широкий неогубленный гласный переднего ряда. Он встречается в любой позиции в слове: *ев* 'дружба, согласие'; *өмдөг* 'примета, признак'; *хелс-* 'говорить, сказать'.

Укажем и на своеобразие отражения *e*: а) иногда он становится настолько узким и передним, что переходит в *i* (это заметно еще под влиянием среднеязычного согласного *j*), например: *beje* 'тело'; *veke* 'большой'; *del* 'грива' — хорч. *бије, јил, дил*; б) гласный первого слога *e* в позиции перед огубленным $\tilde{y}$ иногда подвергается в хорчинском регрессивной ассимиляции, ср.: *emne* 'вперед'; *ebügen* 'старец'; *emüs-* 'одеваться' — хорч. *өмнө, өбгөн, өмсө-*.

² В дальнейшем изложении все примеры, которые взяты из старописьменного монгольского языка (СПМЯ), даются на латинской графике.

i — узкий неогубленный гласный переднего ряда. Ему в СПМЯ соответствует гласный *i*, восходящий в прошлом к двум гласным типа *i* — переднему и заднему *i*. Впоследствии эти два гласных слились в один гласный *i*.

О «переломе» гласного *i*. Отличительной чертой говоров и диалектов языка монголов Внутренней Монголии по сравнению с СПМЯ является то, что гласный *i* первого слога ассимилируется в говорах гласным последующего, второго слога. Однако это не означает, что «перелом» имеет место во всех случаях. Известно много примеров, когда гласный *i* в первом слоге не меняется. Вопросом о «переломе» гласного *i* занимались многие исследователи. Наиболее полно суть «перелома» сформулирована Б.Я. Владимирцовым. Явление это объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т.е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между *i* и последующим гласным согласного *ʃ* /2, с. 176/. Это предвосхищение последующего звука при произнесении предшествующего (ср. СПМЯ *ʃida* > хорч. *дждид* 'копье') привело к возникновению специфической черты, типичной для монгольских языков, к фонетическому видоизменению слов.

Однако следует отметить, что в различных монгольских говорах «перелом» гласного *i* получает разное развитие, как следствие этого в каждом из них находятся слова с гласным *i*, ассимилирующимся гласным второго слога или неассимилирующимся. И в хорчинском говоре наряду с нормальным развитием известны многие исключения и непоследовательности.

В хорчинском наблюдаются разные результаты «перелома»:

1. Гласный *i* первого слога перед гласным *a* второго слога переходит в гласный *a*, т.е. подвергается «перелому», например: *мига* 'мясо', *ʒidal* 'сала', *ʃiʒusun* 'рыба' — хорч. *маг(ан)*, *шадал*, *джатас(ан)*.

Инициальный *i* нуждается в протетическом *j*: *имаган* 'коза', *ируйал* 'дно' — хорч. *жамй(н)*, *юрдл*.

2. Гласный *i* первого слога перед гласным *u* второго слога переходит в хорчинском в гласный *y*: *nidurya* 'кулак', *kituya* 'нож', *ʒlsun* 'кровь' — хорч. *нудрат*, *хутат*, *шус(ан)*.

3. Гласный *i* первого слога перед гласным *ü* второго слога дал в хорчинском *y*: *nidün* 'глаза', *ʃisün* 'цвет, масть', *ʒidür* 'путы-треноги' — хорч. *нүд(ен)*, *джус(ен)*, *шүдер*.

Начальный *i* также нуждается в протетическом согласном *j*, но «перелом» гласного *i* не происходит, например: *iidü* 'меч', *ileg ü* 'излишек' — хорч. *йилд*, *йилү*.

Гласный *i* первого слога слова подвергается «перелому» чаще всего в словах с гласными заднего ряда.

Однако гласный *i* первого слога сохраняется как *i* в хорчинском, если во втором слоге после гласного *i* находится гласный *e*, например: *ider* 'юная молодая', *irgen* 'народ', *inder* 'трибуна', *ire-* 'прийти' — хорч. *идер*, *ирген*, *индер* (*индер*), *ире* (*ире*).

Инициальные слоги со спирантом *ш* и аффрикатой *дж* имеют тенденцию к сохранению *i* первого слога: *sitbe* 'голень', *ʃiʃig* 'маленький' — хорч. *шилөө*, *джджиг*.

Не наблюдается «перелом» гласного / и в следующих словах: *bilegü* 'точильный камень'; *kilyasun* 'волос (конский)'; *siregün* 'грубый' — хорч. *bilγ*, *хилγас(ан)*, *ширγүн*.

Таким образом, приходится констатировать, что хорчинскому говору, как и всем остальным говорам восточного диалекта, свойствен «перелом» гласного / не во всех словах.

Гласные непервых слогов хорошо зафиксированы в СПМЯ, тогда как во всех диалектах и говорах Внутренней Монголии (кроме ордосского, в котором заметна частичная редукция) они артикулируются неясно и подвержены редукции.

Известно, что все гласные непервых слогов видоизменились под ассимилирующим влиянием гласных первого ударенного слога. В СПМЯ и в хорчинском говоре мы находим несколько иные соответствия. В говоре гласные непервых слогов или стали редуцированными, или вовсе утратились.

Для простоты и по техническим условиям мы в своей работе не пользуемся знаком для указания на редукцию гласных непервых слогов.

Долгие гласные

Краткие и долгие гласные фонологически самостоятельны и представляют собой отдельные фонемы. Очевидность того, что долгие гласные служат для различения смысла слов, подкрепляют обычно примерами парных противопоставлений слов, в которых краткие и соответствующие им долгие гласные находятся в одинаковых условиях. Однако, как и во всех остальных говорах, сфера употребления таких оппозиций слов в хорчинском лексически ограничена. Ср. несколько примеров: *шас(ан)* 'снег' — *шās(ан)* 'бумага'; *ул* 'подошва' — *ūл* 'гора'; *дел* 'грива' — *dēл* 'шуба'; *хол* 'далеко' — *хōл* 'пища'; *мос(он)* 'масло' — *mōс(он)* 'пыль'; *дер* 'подушка' — *dēr* 'наверху'; *бол* 'стать' — *bōл* 'раб'.

В СПМЯ не было долгих гласных, в нем сохранились древние комплексы из соответствующих гласных и интервокального согласного γ (*г*). Примечательно, что с распадом древних комплексов с интервокальным согласным были связаны значительные изменения в фонетической структуре всех современных монгольских языков и диалектов — возникновение впоследствии системы долгих гласных и дифтонгов.

В хорчинском, как и во всех других говорах языка монголов Внутренней Монголии, долгие гласные — явление вторичного, более позднего происхождения, обусловленное позиционными изменениями.

Общеизвестная точка зрения о происхождении долгих гласных в монгольских языках — образование долгих гласных из древних комплексов $v + c + v$. Интервокальными согласными в подобных комплексах были γ , *г* или *н*. В среднемонгольском интервокальные γ , *г* постепенно стали ослабевать, а затем утратились вовсе. Вследствие этого оказались рядом два гласных, которые потом подверглись стяжению в один долгий.

Б.Я. Владимирцов обращает особое внимание на взаимоотношение компонентов сочетания, в частности на характер интервокального согласного. Он писал: «В очень раннюю эпоху междувокальные $\gamma \sim g$, а еще раньше γ начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря

Этому $y \sim g$ или исчезли вовсе, или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \ddot{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый, был $i \sim \ddot{i}$. В дальнейшем началось ослабление этих w и y и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшиеся рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время /2, с. 215–216/.

Об образовании долгих гласных в результате постепенного выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных в монгольских языках свидетельствуют сохраняющиеся наряду со стяженными формами и формы полные, где ныне нет долготы, ср., например: СПМЯ *abaγa* 'дядя' — хорч. *abaγ*, орд. *abaγa*.

Однако стяжение их в один долгий гласный происходило длительно и неравномерно в зависимости от того, какие гласные были в составе древнего комплекса, т.е. два одинаковых или же два разных. Комплексы с двумя разными гласными сохранялись значительно дольше. Таким образом, отдельные монгольские языки оказались на разных ступенях трансформации комплекса; ср. образование долгих гласных в языках центральной ветви (монгольский, бурятский и калмыцкий) и сохранение некоторых прежних двугласных в языках изолированной маргинальной ветви (дагурский, дунсянский).

С образованием долгих гласных непервых слогов связаны значительные расхождения между отдельными монгольскими языками, обусловленные правилами гармонии гласных, в частности действием в них явления губного притяжения — одного из видов прогрессивной ассимиляции. Следует заметить, что все древние комплексы с интервокальным согласным составляли два слога, т.е. гласные этого комплекса относились к двум разным слогам.

1. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух одинаковых гласных.

Комплексы СПМЯ *aγa* в хорчинском $> \bar{a}$ (в первом слоге), $\bar{a}$, $\bar{o}$ (в непервом слоге): *sayadaγ* 'колчан для стрел' — *sādaγ*; *bayatur* 'герой, богатырь' — *bātar*; *dulayan* 'тепло, теплый' — *dūlān*; *uqayun* 'ум, разум' — *uqān*; *ḡabaγa* 'мучить' — *ḡabōō*; *bolḡaya* 'условие, уговор' — *bolḡō*.

ege $> \bar{e}$ (в первом слоге), $\bar{e}$, $\bar{o}$ (в непервом слоге): *degebüri* 'крыша, кровля' — *dēber*; *begetei* 'рукавицы' — *bēlā*; *ḡegerde* 'рыжий (масть коня)' — *ḡḡērḡ*; *emegei* 'седло' — *emēl*; *tügege-* 'распределять, раздавать' — *tūḡē*; *kōdege* 'степь, поле' — *xōḡ*; *kōbege* 'берег, край' — *xōbō*.

В непервых слогах комплексы *aγa* и *ege*, развившие долготу, меняют и свою качественную характеристику в результате прогрессивной губной ассимиляции (*aγa* после o под лабиализующим его влиянием развивается в $\bar{o}$, тогда как *ege* после $\bar{o}$ $> \bar{e}$).

uyu $> \bar{y}$: *buγudai* 'пшеница' — *būḡḡ*; *quγur* — смычковый музыкальный инструмент — *qūr*; *uγuray* 'молозиво' — *ūrai*; *qaduḡur* 'коса (орудие)' — *xaduḡr*; *uγuy* 'вниз, книзу' — *uḡy*; *soγuyul* 'мундштук' — *soḡul*.

ügü $> \bar{y}$: *bügürge* 'седельная лука' — *būrḡe*; *tügükei* 'незрелый, сырой' — *tūḡi*; *ügüre-* 'разламываться на части' — *ūrē*; *küḡgün* 'шея' — *xüḡḡ(n)*; *büdügün* 'толстый, грубый' — *būdḡn*; *sirügün* 'жесткий, грубый' — *širḡn*, *šyrḡn*.

igl $> \bar{i}$: *ḡigl-* 'вытягивать, протянуть ноги' — *ḡḡi-*; *ḡigig* 'сырость' — *širḡ*; *siḡre* 'ноги (у животных)' — *šir*.

2. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух неодинаковых гласных.

Развитие этой подгруппы долгих гласных было более длительным.

Комплексы СПМЯ *iyā* в хорчинском > *ā*: *ᠶᠢᠶᠠᠭᠠᠨ* 'маленький' — *джāхан*; *siyārda* 'требование' — *шārдал*; *aryamᠶiya* 'веревка, привязь' — *арямджā*; *namurᠶiya* 'осеннее стойбище' — *намарджā(н)*.

iyu > *ū*: *niyu* 'прятать, скрывать' — *нū*; *ᠶᠢᠶᠠᠭᠠ* 'месить, разводить' — *джūра*; *ᠶᠤᠰᠢᠶᠠᠨ* 'горький' — *гашūн*; *qasiᠶun* 'клюв' — *хашū(н)*; *unᠶiya* 'опущенный книзу' — *унджū*.

ige > *ē*: *ᠶᠢᠭᠡ* 'племянник, внук' — *джē*; *kūlige* 'связка, веревка' — *хүлē*; *belčiger* 'пастбище' — *белшэр*.

igü > *ȳ*: *niᠭūl* 'грех' — *нūл*; *sigūsün* 'сок, жидкость' — *шүс(ен)*; *ülktigür* 'ключ' — *түлхүр*; *kögᠶigül* 'развивать' — *хөгджүл*; *delligün* 'селезенка' — *деллүн*; *čimktigür* 'щипцы' — *чимхүр*.

egü > *ȳ*: *ᠶᠡᠭᠦᠨ* 'иголка' — *джүн*; *egüden* 'дверь' — *үден*; *bütegür* 'мутовка' — *бүлүр*; *deldegür* 'магазин' — *деллүр*.

aγu > *ū*: *bayu* 'спускаться' — *бū*; *dayuda* 'звать, позвать' — *дūда*; *aγula* 'гора' — *үл*; *asayuda* 'вопрос' — *асудал*; *γoldayū* 'в основном' — *голдū*; *dutayū* 'недостача' — *дутū*.

oγa > *ō*: *toγa* 'число' — *тō*; *toγala* 'считать' — *тōло*; *oboγa* 'куча, груда' — *обō*; *tomoγa* 'рассудок, степенность' — *томō*.

oγu > *ō*: *boγu* 'завязывать' — *бō*; *toγusun* 'пыль, прах' — *тōс(он)*; *oγusun* 'шнур, веревка' — *босор*; *moγoγu* 'тупить, притуплять' — *мохō*.

ōge > *ō*: *bōge* 'шаман' — *бō*; *ᠶᠠᠭᠡᠯᠡᠨ* 'мягкий' — *джōлөн*; *sānōge* 'уничтожать' — *сөнō*; *nōkōgesun* 'заплата' — *нөхōсөн*.

ōgü > *ō*: *sōgüt* 'малая пядь' — *сōл*; *čōgūken* 'мало, немного' — *шōтөн*.

uγa > *ō* (в первом слоге), *ā*, *ō* (в непервом слоге): *ᠶᠠᠶᠠᠭᠠ* 'кушанье, трапеза' — *джō*; *unūγa* 'верховое животное' — *унā*; *moγūγa* 'спор, конфликт' — *маргā(н)*; *ᠶᠢᠭᠠᠶᠠᠨ* 'шесть' — *джургā(н)*; *boγūγa* 'дождь' — *борō*; *poγūγa* 'зеленый' — *ногōн*; *ᠶᠢᠯᠠᠭᠠ* 'поводья, вожжи' — *джолō*.

ūge > *ō* (в первом слоге), *ē*, *ō* (в непервом слоге); *kūger* 'гордый, надменный' — *хөр*; *ūgerl* 'гной' — *өр*; *ūdūgerl* 'тонкие кожаные ремни' — *үдөр*; *bürkūgesen* 'крышка, покрывало' — *бүрхес(ен)*; *dōrūge* 'стремя' — *дөрō*; *āvlūge* 'влияние' — *нөлō*.

Старописьменным монгольским комплексам *iyā* ~ *iyē* соответствуют в хорчинском долгие гласные:

iyā > *ā*, *ō*, *ō*: *tariyan* 'хлеб, пашня' — *тэрā(н)*; *takiya* 'курица' — *тэхā*; *dakiya* 'сигнал, знак' — *дōхō*; *oriya* 'завертывать' — *орō*; *ᠶᠠᠪᠰᠢᠶᠠ* 'одобряя, соглашаясь' — *джобшō*.

iyē > *ē*, *ō*: *ᠶᠢᠰᠢᠶᠡ* 'пример, образец' — *джшē*; *iniyedun* 'смех' — *инēд(ен)*; *ijēd(ен)*; *örüsiyel* 'милость, милосердие' — *өршōл*.

Таким образом, долгие гласные в хорчинском говоре по своему происхождению представляют собой различное отражение древних комплексов *v + y + g* и *v + y + i*. Характерно, что некоторые древние комплексы с интервокальным согласным дали долгие гласные в непервых слогах в зависимости от того, какой гласный входил в состав первого слога. Это относится прежде всего к гласным *o* и *ō*, встречавшимся в СПМЯ лишь в первом слоге, в то время как

все остальные гласные могли находиться в любом слоге слова. Возникновение гласных *o* и *ö* в первых слогах (как в основе слов, так и в составе разных суффиксов) относится к фактам более позднего периода развития языка монголов Внутренней Монголии.

Хотя структура долгих гласных в основе слова и в суффиксах аналогична, однако разница в том, что долгие гласные в суффиксах образуются часто на стыке морфем: суффикс, начинающийся на согласный $\gamma \sim g$, присоединяясь к основе изменяемого слова с конечным гласным, создает интервокальное положение для согласного. Ср.: *Yari-* 'стремиться' + *-yad* (суффикс разделительного дееспричастия) > *Yariyad* 'устремившись' — хорч. *дэбрэдэ; сэндэ* 'гибнуть, уничтожаться' + *-ge* (суффикс побудительного залога) > *sündöge-* 'уничтожать, истреблять' — хорч. *сөндөгэ; маргуу-* 'спорить' + *-yaп* (суффикс образования имен от глаголов) > *marгууyaп* 'спор' — хорч. *маргайн*.

Долгие монофтонги

Общим для всех говоров восточного диалекта (в том числе и для хорчинского) является то, что в них нет дифтонгов. Комплексы $v + \gamma + i$ или $v + w + i$ имеют тенденцию в хорчинском перейти в долгие монофтонги.

Об образовании подобных комплексов в монгольском Б.Я. Владимирцов писал, что «монг. письм. начертания $v + \gamma + i$ восходят к комплексам $*v + \gamma \sim g + i$ и $*v + w + i$ аналогично с другими явлениями; $*v + \gamma \sim g + v$ и $*v + w + v$ > долгие v в халхаском. На монгольской почве, следовательно, $*\gamma \sim g$ и $*w$ перед i > $-y$ » /2, с. 166/.

Позиционное распределение комплексов $v + \gamma + i$ в СПМЯ почти такое же, как и распределение комплексов $v + \gamma \sim g + v$, т.е. сочетания $v + \gamma + i$ встречаются в любом слоге, тогда как $v + i$ — лишь в конце слова.

Комплекс СПМЯ *ayi* в хорчинском > $\bar{e}, \bar{o}, \bar{i}$: *ayil* 'группа юрт' — $\bar{e}$ *ayil* *ongуayil* 'отвориться, открыться' — $\bar{o}$ *ayil*; *aiᠵayil* 'расставить ноги' — $\bar{i}$ *ayil* > $\bar{a}, \bar{e}, \bar{o}, \bar{i}$: *γaqai* 'свинья' — $\bar{a}$ *ayil*; *dalai* 'море' — $\bar{e}$ *ayil*; *tolуayil* 'голова' — $\bar{o}$ *ayil*; *qorma* 'подол' — $\bar{i}$ *ayil*.

oyi > $\bar{o}$: *noyir* 'сон' — $\bar{o}$ *oyil*; *oyimasun* 'чулки' — $\bar{o}$ *oyil*; *gotoyil* 'гнуть-ся' — $\bar{o}$ *oyil*.

oi > $\bar{u}, \bar{ö}$: *oi* 'лес' — $\bar{ö}$ *oi*; *oroil* 'вечер' — $\bar{ö}$ *oi*; *siroil* 'пыль, прах' — $\bar{u}$ *oi*.

uyil > $\bar{y}, \bar{i}$: *uyila-* 'плакать' — $\bar{y}$ *uyil*; *duyuyilang* 'кружок' — $\bar{i}$ *uyil*.

ui > $\bar{y}, \bar{i}$: *ayui* 'великий' — $\bar{i}$ *ui*; *qanᠵui* 'рукав' — $\bar{y}$ *ui*.

üyl и *üil* > $\bar{y}, \bar{i}$: *güyl* 'бегать' — $\bar{y}$ *üyl*; *үйил* 'дело' — $\bar{i}$ *üyl*; *bögdүйil* 'горбиться' — $\bar{i}$ *üyl*; *bürül* 'сумрак' — $\bar{i}$ *üyl*.

eyil, *eil* > $\bar{i}$: *neyil* 'согласие' — $\bar{i}$ *eyil*; *düleyilre-* 'глохнуть' — $\bar{i}$ *eyil*; *erekel* 'большой палец' — $\bar{i}$ *eyil*; *tügekei* 'незрелый, сырой' — $\bar{i}$ *eyil*.

Необходимо отметить, что в говоре заметна последовательная тенденция развития *ai*, *ei* на конце слов (в суффиксе совместного падежа) в долгий гласный $\bar{e}$, ср.: *amital*, *eketei* — хорч. Σ *амтэ* 'с жизнью', *ектэ* 'с матерью'.

Наличие в незначительном количестве слов хорчинского говора долгих гласных $\bar{e}, \bar{o}, \bar{y}$ связано в основном с монофтонгизацией комплексов СПМЯ *ayi*, *oyil*, *uyil*, *үйил*, а в конце слов — с *ai*, *oi*.

Следовательно, здесь наблюдаются значительные изменения: во всех говорах восточного диалекта, в том числе и в хорчинском, результатом эволюции комплексов СПМЯ явилось развитие долгих гласных, а в говорах центрального диалекта в тех же условиях древние комплексы преобразовались в долгие гласные, и в дифтонги.

Гармония гласных

Гармония гласных, фонетически обусловленная ведущей ролью гласного корня, проявляется в том, что в одном и том же слове могут находиться только гласные одного ряда. В хорчинском наряду с палатальной гармонией развилось и явление губного притяжения, в соответствии с которым при огубленном гласном первого слога гласные основы и наращиваемого к ней суффикса должны быть также огубленными. Губное притяжение, появившееся относительно поздно, развилось последовательно лишь в монгольском (халхаском и в диалектах и говорах Внутренней Монголии) и бурятском языках, тогда как во всех остальных монгольских языках (в калмыцком и во всех языках маргинальной ветви — монгорском, дунсянском, баованьском) оно не распространилось.

Явление губного притяжения особое место занимает при взаимодействии первого и непервого слогов. Оно проявляется в том, что гласный, содержащийся в непервых слогах, должен быть не только одного ряда, но также огубленным или неогубленным, как того требует гласный корневой морфемы.

Слова с гласными ε , $\bar{\varepsilon}$, $\bar{o}$, $\bar{ö}$ в первом слоге в последующих слогах имеют гласные заднего ряда, например: б $\bar{\varepsilon}$ - 'быть, находиться' — б $\bar{\varepsilon}$ г $\bar{ä}$ д 'находясь'; м $\bar{o}$ р(т) 'конь' — м $\bar{o}$ р $\bar{o}$ р 'конем'.

Согласные

Таблица 1

Согласные хорчинского говора

		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Глубоко-задне-язычные
Смычные	сильные	п ^г	т ^г			
	слабые	б	д		г	
Аффрикаты	сильные					
	слабые		дж			
Спиранты	сильные		с, ш			х
	слабые	в		л		
Носовые		м	н		ŋ	
Латеральные			л			
Дрожащие			р			

Губные согласные

Губно-губной *п* встречается в говоре лишь в начале нескольких исконно монгольских (в основном звукоподражательных) слов (ср. *хар* 'черный' — *пад хар* 'совершенно черный'). Напротив, он обычен в словах, заимствованных из других языков: *Пурев* — имя собственное (< тиб.), *пүджү* 'ракета' (< кит.).

Губно-губной слабый смычный *б* сохранился в хорчинском как *б* в начальной позиции или после некоторых сонорных согласных, например: *батар* 'герой, богатырь'; *бүс* 'пояс'; *бөмөг* 'мячик'; *холбиро* 'свалиться'.

Согласный *в* заменяется смычным *б*, если он находится в конце слова или в середине, в интервокальной позиции, например: *тевер-/тебер-* 'обнимать'; *ав-/аб-* 'взять, брать'.

Этому развитию способствует и наличие дрожащего *p*, который в таких случаях предшествует спиранту *в*, например: *арав/арбан* 'десять'; *дүрев/дүрбен* 'четыре'.

Однако следует отметить, что хорчинский заметно отличается от других говоров восточного и центрального диалектов весьма частым чередованием согласных *б* и *в*. Известна также замена *б* согласным *п*, ср.: *бууда-* > хорч. *пүда-* 'стрелять'.

Губно-губной слабый спирант *в* не встречается в начале исконно монгольских слов. По Б.Я. Владимирцову, он артикулируется при небольшой губной работе, которая состоит в том, что нижняя губа немного поднимается; сильного шума при прохождении воздуха между губами при этом не замечается, напр.: халх. *давд* 'горный перевал'; *дүгү* 'старик'; *ав* 'бери'; *вар* 'черепаха' /2, с. 378/.

Губно-губной носовой *м* не меняет своих характеристик во всех говорах: *намар* 'осень'; *мү* 'плохой'; *ем* 'лекарство'.

Согласный *м* в середине некоторых слов становится в говоре переднеязычным носовым *н* под ассимилирующим влиянием следующего за ним смычного согласного: *думда*, *дунда* 'в середине'; *умта-*, *унта-* 'спать' — хорч. *дунд*, *унта-*.

Переднеязычные согласные

Сильный смычный *т* в говоре произносится с придыханием (т.е. *т'*) и встречается во всех позициях в слове, например: *тэн/-* 'узнавать'; *йт* 'мешок'; *хатү* 'твердый'.

Данные говоров восточного диалекта свидетельствуют, что в них инициальный сильный *т* перед звуками аналогичного характера второго слога не теряет своего качества и не изменяется в слабый смычный *д*, как в говорах центрального диалекта, ср.:

	Восточный диалект		Центральный диалект	
	хорчин	тумет	чахар	шилингол
<i>tata-</i>	'тянуть' <i>тата-</i>	<i>тата-</i>	<i>дата-</i>	<i>дата</i>
<i>tes-</i>	'терпеть' <i>тес-</i>	<i>тес-</i>	<i>дес-</i>	<i>дес-</i>
<i>takiya</i>	'курица' <i>тэхя</i>	<i>тэхя</i>	<i>дахя</i>	<i>дахя</i>

Переднеязычный слабый смычный *д* в хорчинском говоре в абсолютном конце слова иногда становится глухим, например: *maγad* 'несомненно', *ireged* 'пришедши' — хорч. *магад* (*магат*), *јирег* (*јирет*).

В хорчинском известно также чередование *д* и аффрикаты *дж*. Однако результаты этого чередования неодинаковы по говорам восточного и остельных диалектов: в одних то же самое слово имеет *д*, а в других — *дж*, например: *anγisun* 'плуг' — хорч. *эндас*, дурб. *эндат*, тум. *энджас*, чах. *андас*, анд-*жас*, орд. *анджасу*.

Отличительной чертой хорчинского говора и подговора джалайт-дурбет является то, что в них зафиксирована лишь одна шипящая аффриката. Это сильно смягченная переднеязычная шипящая аффриката *дж*, развившаяся из *γ* и сохраняющая свое исконное качество. Следовательно, СПМЯ *γ* отражается в хорчинском говоре как перед гласной *і*, так и перед другими гласными в виде одной фонемы *дж*, в то время как, например, в шилингольском говоре центрального диалекта и в халхаском диалекте она отражается перед гласной *і* в виде шипящей аффрикаты *дж*, а перед остальными гласными соответствует свистящей аффрикате *дз*, ср.: *γiyasun* 'рыба', *γaiqayū* 'ленивый' — хорч. *джас* (*ан*), *джалху*, шгол. *дзас* (*ан*), *дзалху*, совр. монг. *зас* (*ан*), *залху*.

В некоторых словах аффрикате *γ* СПМЯ в середине слова соответствует в хорчинском смычный *д*, например: *konγile* 'одеяло', *degūγile* 'подвесить' — хорч. *хондй*, *дудле*.

Следовательно, во всех говорах восточного диалекта, а также в чахарском (и в речи урат, дурбен хухет) говоре центрального диалекта и в ордосском отсутствует свистящая аффриката *дз*, развившаяся из *γ* перед всеми остальными гласными, кроме *і*.

Древний спирант *s* в положении перед гласным *і* развился в шипящий сплант *ш* (чаще палатализованный): *siregūn* 'грубый', *sira* 'желтый', *γasiγun* 'горький', *gesigūn* 'ветвь' — хорч. *ширүн*, *шар*, *гашүн*, *гешүн*.

В положении перед всеми остальными гласными спирант *s* сохраняет свое исконное качество: *sabayun* 'дума', *γayasun* 'бумага' — хорч. *санй* (*ан*), *шас* (*ан*).

В немногих словах спиранту *s* соответствуют в хорчинском смычные *д* или *т*: *geriyes* 'завещание', *asqa-* 'лить, выливать' — хорч. *геред*, *аста* (*атта*).

Подобная замена наиболее широко и последовательно наблюдается в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора, в котором все коренные монгольские слова со спирантом *s* произносятся как *ш*: *sonus-* 'слушать', *bos-* 'вставать' — джал.-дурб. *шонто*, *бото*.

В научной литературе утвердилось мнение, что говоры языка монголов Внутренней Монголии в основном единообразны и относятся к *ts*-говорам. При этом главным образом исходили из ордосского и не принимали во внимание говоры северо-восточной части Внутренней Монголии, а также прилегающих к ней китайских провинций. Именно в речи монголов этого региона отсутствует древняя шипящая аффриката *γ*.

Отличительной чертой хорчинского говора и джалайт-дурбетского подговора на всей территории их распространения является отражение древней шипящей аффрикаты *γ* как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными

как спиранта *ш*, т.е. ее дезаффрикация. В этом смысле хорчинский говор условно можно назвать *ʃ*-говором, ср.:

	Хорчин	Арухорчин	Чахар	Шидингол	Уланцад
<i>ʃulb uγur</i> 'чембур, повод'	<i>шулбур</i>	<i>чолбур</i>	<i>чулур</i>	<i>чулеур</i> (сунит)	<i>чулеур</i> (урат)
<i>ʃarʃayal</i> 'саранча'	<i>шаршахэ</i>	<i>чарчахэ</i>	<i>джарчага</i>	<i>чарча</i> (дарх.)	<i>чарча</i> (урат)
				<i>джарча</i> (сунит)	

В хорчинском дезаффрикация — явление относительно позднее. Однако хронология развития спиранта и утрата аффрикаты *ʃ* неясны. Заметим лишь, что подобное явление свойственно некоторым говорам бурятского, а также частично и дагурскому языку.

Консонантная структура хорчинского говора отличается от остальных групп говоров избыточным употреблением спиранта *ш*, тогда как в бурятском языке этот избыток устраняется частичным переходом *ʃ* в спирант *с*.

Латеральный согласный *л* в начале слова употребляется сравнительно редко, в основном в некоторых звукоподражательных словах [*лутэв* — гулко раздаваться (при падении чего-л.)] или в словах, заимствованных из других языков. Он встречается преимущественно в середине и на конце слов: *гал* 'огонь', *белен* 'готовый', *алдар* 'слава'.

Известно чередование *л* и *р*, когда они стоят в слове близко друг от друга, ср.: *γullr, γurll* 'мука' — хорч. *γулр, γурл* и *γурр*.

Носовой переднеязычный *н* встречается во всех позициях в слове, например: *нар(ан)* 'солнце', *дунд* 'середина', *уран* 'искусный'.

Иногда замечается соответствие СПМЯ *л* хорчинскому *л*, например: *павд* 'листья', *пөйдө* 'надеяться' — хорч. *лэвн, лэда*.

В результате палатализации носовой *н* может соответствовать и спирант *й*: *зонлн* 'новость', *үнлге, үнлүен* 'корова', *зонлн* 'овца' — хорч. *сөйлн (сөйлн), үлэ (үлэ), хөй (хөй)*. Слова-соответствия со спирантом *й* являются достоянием разговорной речи.

Дрожащий согласный *р* не встречается в начале слов. В словах, заимствованных из других языков, начальному *р* обычно предшествует протетический гласный: *гэслүен* 'целебная вода' — *аршаэн*. В других позициях, т.е. в середине и в конце слов, он такой же, как в СПМЯ, например: *борүен* 'дождь', *гер* 'юрта' — *борб, зер*.

Среднеязычные согласные

К среднеязычным относится слабый спирант *й*. Он идентичен СПМЯ *у* в начале слов и в интервокальной позиции: *γасун* 'кость', *γадаγу* 'неимущий', *буγан* 'благодаяние' — хорч. *јас(ан), јадү, бујан*.

Известно, что СПМЯ инициальный *л* в словах с гласными заднего ряда соответствует хорчинскому *ја*, например: *лмәγән* 'коза', *лмәγә* 'муха, мошка' *јамә(н), јалә* (но в джалайт, дурбет и горлос *ллә*).

Протеза / в хорчинском встречается иногда перед гласным /: *ire-* 'приятн', *ile* 'ясный' — хорч. *jire-* (*ire-*), *ila*.

Заднеязычные согласные

Заднеязычный *ɣ* в хорчинском употребляется в основах с гласными переднего или среднего ряда в любой позиции в слове: *könggen* 'легкий', *degege* 'крюк', *güyldei* 'бер' — хорч. *xəngxən, deɣe, ɣüdel*.

Однако согласный *ɣ*, который закрывает слог, является глухим, например: *xereg* 'дело', *jüg* 'сторона' — хорч. *xereg* (произносится *xerex*), *dʒü* (произносится *dʒux*).

Аллофон *ɣʰ* в хорчинском встречается лишь в основах с гласными заднего ряда: *yal* 'огонь', *doɣuləŋ* 'хромой', *moɣvi* 'змея' — хорч. *ʰal, doɣʰlən, moɣʰ*.

В позиции перед сильным смычным *ʃ* он переходит иногда в спирант *ɣ̥*: *taytaɣ* 'голубь', *maɣta-* 'хватить' — хорч. *ʰaɣʰa, maɣʰa*.

Носовой заднеязычный *ŋ* встречается в середине и конце слов. В исходе слога он стоит главным образом перед согласными заднеязычными *ɣ* и *x*: *qarəŋgüi* 'темнота', *məŋqan* 'бархан', *ʃəŋ* 'нрав, характер' — хорч. *qaraŋgü, məŋqan, dʒəŋ*.

Глубокозаднеязычные согласные

В хорчинском имеется сильный спирант *x*, который встречается в любой позиции в слове: *saxal* 'борода', *ax* 'старший брат', *xereg* 'дело'.

В единичных случаях имеет место замена *x* спирантом *ʃ*, например: *alʃim*, *alʃam* 'шаг'.

Структура слога и ударение

Структура слога во всех говорах одинакова. Можно выделить два типа слогов: 1) начинающиеся с гласного и имеющие структуру: а) один долгий *v* (*õ* 'порошок'), б) *v* + *c* (*eɣ* 'лекарство'), в) *v* + *c* + *c* (*ylc* 'народ, государство'); 2) начинающиеся с согласного и имеющие структуру: а) *c* + *v* (*liü* 'дракон'), б) *c* + *v* + *c* (*xõn* 'овца'), в) *c* + *v* + *c* + *c* (*sovd* 'жемчуг').

Общим правилом является то, что в начале слога не могут встречаться группы согласных, а заканчиваться слог может лишь двумя согласными. При этом далеко не все согласные могут сочетаться в одной группе. Количество и характер тех или других слогов в говорах могут зависеть и от таких фонетических явлений, как выпадение гласных в конце или внутри слова, а также от перестановки гласных в слове. По сравнению с СПМЯ в говорах слоги имеют тенденцию становиться краткими и замкнутыми (закрытыми). Тенденция к открытости слога прослеживается лишь в ордовском диалекте.

Ударение в говорах постоянное, оно падает на первый слог слова.

³ В силу того что в хорчинском слабо различают *ɣ* и *ɣʰ*, в дальнейшем мы будем пользоваться лишь одной графемой *ɣ*.

Имя существительное

Имя существительное в хорчинском языке имеет категории числа, падежа и принадлежности.

Множественное число. Значение множественного числа имен существительных выражается агглютинативными суффиксами, выбор которых зависит от характера исхода основы существительного и его семантики. Своеобразие хорчинского и остальных говоров состоит в том, что оформление имени существительного показателем множественного числа является менее строгим, зачастую не подчиняющимся регулярному правилу, ср.: *шуву(н)* 'птица' — *шувуд, шувуиуд, шувунуд* 'птицы'.

В говоре зафиксированы следующие суффиксы:

1) *-д*, присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) долгий гласный: *нозд* 'собака' — *ноздд*; б) согласные *н, р, л*, которые при присоединении суффикса *-д* выпадают: *ноjin* 'князь' — *ноjid*; *нохер* 'товариш' — *ноход*; *тугал* 'теленок' — *тугад*;

2) *-с*, присоединяется к единичным основам с конечным согласным (в частности, *н, р*): *ем* 'женщина' — *емс*; *нер* 'имя' — *нерс*; в говоре он используется редко. В СПМЯ он присоединялся к основам, оканчивающимся на гласный или дифтонг. В говоре же подобные основы не сохранили гласный исход, и потому они употребляются с другими суффиксами, ср. *вула* 'гора' — *вулас* — хорч. *ул* 'гора' — *улуд, улнуд*;

3) *-уд*⁴, широко употребителен и присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) согласные: *эл* 'аил, деревня' — *элуд*; *мал* 'скот' — *малуд*; *ширег* 'воин, солдат' — *шириуд*; *хот* 'город' — *хотуд*; *ном* 'книга' — *номуд*; б) долгие гласные, при этом между основой и суффиксом появляется соединительный согласный *и*: *пү* 'винтовка' — *пүиуд*, *гах* 'свинья' — *гахииуд*;

4) *-нуд*, употребляется после основ, оканчивающихся как на гласные, так и на согласные: *херэ* 'ворона' — *херэнуд*; *шиег* 'цветок' — *шиегнуд*; *джехдаз* 'письмо' — *джехдалнуд*. В говоре наблюдается известное колебание в употреблении суффиксов *-уд* и *-нуд* при некоторых основах: *гахииуд, гакануд* 'свиньи', *ширегид, ширенуд* 'столы', *темеид, теменуд* 'верблюды';

5) *-шуд*, употребляется редко, преимущественно при основах имен, обозначающих разные категории людей в собирательном значении: *джалу* 'молодой' — *джалунуд* 'молодежь'; *өөг* (өөгон) 'старик' — *өөгшуд* 'старика, старцы'; *ежегэ* 'женщина' — *ежегэшуд* 'женщины';

6) *-тан*, употребляется чаще при обозначении собирательного множества или принадлежности к группе: *джиур* 'крылья, крыло' — *джиуртен* 'пернатые'; *ардн* 'коренной зуб' — *ардтан* 'хищные (звери)';

7) *нар*, выделяется среди остальных суффиксов тем, что пишется отдельно от основы имени. Случаи употребления имен с суффиксом *нар* сравнительно

⁴ Большинство суффиксов словообразования и словоизменения имеет несколько сингармонических вариантов. В дальнейшем изложении приводится лишь один из алломорфов.

но немногочисленны, что связано с семантикой исходных основ, обозначающих людей одной профессии или находящихся в одинаковых родственных отношениях: *ах* 'старший брат' — *ах нар*; *дже* 'племянник' — *дже нар*. В отличие от других суффиксов он не имеет фонетического варианта.

В говоре имеются и удвоенные показатели множественного числа. Записанные нами материалы фиксируют такие удвоенные суффиксы лишь при существительных, обозначающих людей и их профессию. В этом случае вторым компонентом выступает в основном суффикс *-ūd*, наиболее распространенный в говоре, например: основа + *-d + ūd* (*нојин* 'князь' — *нојид*, *нојидūd*); основа + *-с + -ūd* (*ем* 'женщина' — *емс*, *емсūd*).

Помимо морфологического способа выражения значения множественного числа существует и лексико-семантический, когда наименование предмета само по себе обозначает совокупность, собирательное множество, например: *сурег* 'стая, стадо'.

Падежи. Имена существительные в хорчинском говоре склоняются по единственному типу. Разные падежные варианты суффиксов употребляются в зависимости от исхода основы существительных. Имена существительные единственного и множественного числа имеют одинаковую парадигму.

В хорчинском зафиксированы следующие падежи: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, орудный и совместный.

Именительный падеж не имеет специального показателя, например: *гал* 'огонь', *ўр* 'гнев, злоба', *медё* 'сведения, известие', *ус(ан)* 'вода', *шас(ан)* 'снег'.

Родительный падеж образуется при помощи суффиксов:

- 1) *-ē* после основ на неустойчивый *-н*, например: *однē* 'звезды', *шувнē* (*шувнјн*) 'птицы', *шулүнē* (*шулүнјн*) 'камня';
- 2) *-н* после основ на: а) долгий гласный; между основой и суффиксом вставляется *г*: *дўгн* 'младшего брата'; б) любой согласный, кроме *н*: *голн* 'реки', *улсн* 'народа', *герн* 'юрты', *сулн* 'топора';
- 3) *-н* после основ на долгий гласный: *нохон* 'собаки', *дегн* 'крючка', *манан* 'шапки'.

Употребление суффиксов родительного падежа не отличается строгостью: в именах существительных с исходом как на гласные, так и на согласные заметно смешение форм, их параллельное использование, например: *манн*, *маннē* 'скота'; *сарн*, *сарнē* 'луны'; *шулүнн*, *шулүннē* 'камня'; *шувнн*, *шувннē* 'птицы'; *нохонн*, *нохонн*, *нохоннē* 'собаки'; *далснн*, *далсн*, *далсннē* 'океана-моря'. Это особенно заметно в текстах, которые мы записывали у хорчин. Одни и те же имена существительные, встречающиеся в разных текстах, имеют разные показатели родительного падежа.

Дательно-местный падеж образуется посредством суффикса *-d* (*-dal*). Он употребляется после основ на: а) долгие гласные: *дўд* 'младшему брату'; *серēd* 'вилке'; *салād* 'разветвлению'; б) согласные сонорные и спонданти *д*: *майда* 'скоту'; *сарда* 'месяцу'; *сацда* 'казне'; *āда* 'отцу'; *ердежде* 'знанию'. Если основа существительного оканчивается на некоторые смычные и спонданти, то между ними и суффиксом падежа появляется вставной гласный, например: *ардад* 'арату, трудящемуся'; *мсад* 'государству'. Вариант суффикса *-т(-та)* менее употребителен.

Употребление в СПМЯ формы дательно-местного падежа *-dur* наряду с формой *-d* в говоре обнаруживается лишь в текстах песен, записанных у хур (певцов-сказителей), больших знатоков песенного фольклора, ср.: *шегэрег нершиг ... дүрбен джүг-дүр мандан гарбал, нөтөрлөхө ах дү маш олон...* 'когда светлое имя твое... прославится всюду, тогда и друзей (у тебя) становится много...'. .

Винительный падеж образуется при помощи суффиксов:

1) *-i* (*-iḡ*) после основ, оканчивающихся на согласные: *гарі* 'руку', *сургалі* 'школу', *шасіг* 'бумагу', *джаміг* 'дорогу';

2) *-i* (*-iḡ*) после основ, оканчивающихся на долгие гласные: *шрэг* 'сто', *могог* 'змею', *малгаг* 'шапку', *адүгг* 'табун'. .

В говоре одно и то же слово в винительном падеже может встречаться в обеих формах, т.е. с суффиксами *-i* (*-iḡ*) или *-i* (*-iḡ*). Чаще употребляются имена в винительном падеже с суффиксами, чем без суффиксов, в нулевой форме: *адүгг хөтөр охсон* 'он ушел, чтобы пригнать табун'; *сүдж бэх хүн* 'дүда' 'позови того, который сидит'. Но в живой речи, где большую роль играет интонация, часто обходятся без грамматического оформления слова, например: *бид ус үлгэр ирдэж* 'мы пришли, чтобы выпить воды'; *жер шимг мөр унж явдэж* 'он уехал на твоём коне'. .

Исходный падеж образуется посредством присоединения к основе суффикса *-ās*. При этом наблюдается следующее:

а) когда основа имеет в исходе краткий гласный или согласный (кроме заднеязычного *ŋ*), то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *аргаас* 'из способа'; *кемрэс* 'из прибавок'; *галас* 'из огня'; *голос* 'из реки';

б) когда основа имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный *ŋ*, то перед падежным суффиксом *-ās* вставляются согласные *г* или *н*, например: *хүрэнэс* 'от ограда, изгороди'; *бөгэс* 'от шамана'; *еүнэс* 'из ширины (тканя)';

Вставные согласные *г* или *н* могут употребляться и в параллельных формах: *нохгогэс*, *нохгогнэс* 'от собаки'; *шувүгэс*, *шувүгнэс* 'от птицы'; *үгјэгэс*, *үгјэгнэс* 'от коровы'; *адүгэс*, *адүгнэс* 'от табуна'. Основы имен, оканчивающиеся на заднеязычный *ŋ*, в хорчинском говоре могут присоединить суффикс исходного падежа и непосредственно к основе: *саң* 'казна' — *саңас*, *саңнас*.

Следует отметить также, что иногда вставной согласный *н* появляется и по аналогии и в тех словах, которые исторически его не имели, например: *м* 'скот' — *малас*, *малнас*.

Орудный падеж образуется посредством суффикса *-ār*. При этом можно отметить:

а) если основа слова оканчивается на согласный, кроме заднеязычного, то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *джэдār* 'копьем'; *сүхәр* 'топором'; *голār* 'рекой';

б) если основа слова имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный, то перед падежным показателем *-ār* вставляется согласный *г*: *шэгār* 'чаем'; *деңгәр*, *деңгәр* 'лампой'.

Совместный падеж образуется при помощи суффикса *-тг*, который присоединяется к любой основе: *агтг* 'со старшим братом'; *тежтг* 'с верблюдом'; *нертг* 'с именем'.

Двойные падежи. Они образованы прибавлением к основе слова одновременно двух падежных суффиксов. Однако подобное образование имеет ограничения: а) к основе нелюбого имени можно присоединять суффиксы двойных падежей; б) не всякая падежная форма может быть основой для присоединения показателя второго падежа; в) не каждая падежная форма может быть присоединена к другой падежной форме.

В хорчинском говоре двойные падежные формы образуются от родительного, дательного-местного или совместного падежей.

Остановимся лишь на дательном-местном падеже. К основе с показателем в дательном-местном падеже может быть присоединен лишь суффикс исходного падежа. В литературе известно только одно имя существительное, встречающееся в дательном-местно-исходном падеже. Это слово со значением «из юрты»: совр. монг. *гэртээс*, калм. *гертэс*, в говорах Внутренней Монголии *гертёс*. В хорчинском говоре нами зафиксировано еще одно имя существительное — *гар* «рука», которое по аналогии со словом *гэр* «юрта» после показателя дательного-местного падежа принимает суффикс исходного падежа: *хүнэ гартас бүүрү жимэ шаңадж авā* «не вырывай ничего из чужих рук». Ср. совр. монг. *гарааснь чангаа* «вырвать из рук», где отсутствует показатель дательного-местного падежа.

Категория принадлежности во всех говорах образуется присоединением к соответствующим падежным формам имен частиц местоименного происхождения. Они делятся на частицы возвратного (или безличного) и личного притяжаний.

Частицы возвратного притяжания употребляются с именами в форме косвенного падежа для обозначения отнесенности объекта к лицу вообще. В хорчинском говоре такими частицами являются для имен: а) в родительном падеже *-хән*; б) в винительном падеже *-ән(-гән)*; в) в дательном-местном, исходном, орудном падежах *-ән*; г) в совместном падеже *-гән*.

Подобное оформление имен частицами возвратного притяжания типично для хорчинского говора, тогда как в халха-монгольском частица притяжания утрачивает конечный согласный *н*. Ср. хорч. *ахāsән*, халха *ахаасаа* «от своего старшего брата».

В отличие от всех остальных падежей имя в винительном падеже при присоединении к нему частицы возвратного притяжания теряет падежный показатель и в зависимости от исхода основы слова принимает частицу *-ән(-гән)*: *галән* «свой огонь», *тэргэлән* «свое поле».

Частицы личного притяжания по своей употребительности уступают частицам возвратного притяжания. В говоре зафиксированы: *мин* «мой», *шин* «твой», *н* «его, их», а также *ман* «наш», *тан* «ваш» (используются редко).

При наличии во фразе полной формы личного местоимения в функции определения эти частицы употребляются редко. Наиболее активной из них является *н* как для единственного, так и для множественного числа.

Влиянием СПМЯ можно объяснить употребление письменных форм местоимений *минү* (ср. *minu*), *шинү* (ср. *šinu*), *нү* (ср. *inu*) в говоре при исполнении

народных песен⁵. Так, в тексте одной песни нами зафиксировано: *шигел бо мод-шину делгред ирхэн үгесдө...* «когда приходит время распускаться цветам и деревьям твоим...»; *шаг-ину тулад, эхрү лэшаг унахдә...* «когда приходит время и листья с них начинают опадать...».

Частицы возвратного и личного притяжений присоединяются к имени в или иной форме и пишутся слитно.

Парадигма склонения имен существительных в говоре довольно проста, некоторые трудности представляет лишь имя существительное в родительном падеже, который в зависимости от исхода основы имеет несколько суффиксов (табл. 2).

Словообразование. Имена существительные во всех говорах образуются путем присоединения к основам разных деривационных суффиксов. Имеющиеся небольшие отклонения связаны со звуковым составом говоров.

В силу того, что инвентарь словообразовательных суффиксов в СПИЯ языках центральной ветви (современный монгольский, бурятский и калмыцкий) в основном идентичен, мы ограничиваемся указанием лишь тех суффиксов, которые бытуют в хорчинском говоре.

1. Суффиксы, образующие существительные от основ существительных: *-ши (-ши)*: *хурүши* «наперсток» (*хурү* «палец»); *джүши* «игольник» (*джү* «игла»); *хүджүши* «ошейник» (*хүжү* «шея»); *хетеш* «футляр для огнива» (*хет* «огниво»);

-ш(н): *адүш(н)* «конюх, табунщик» (*адү* «табун лошадей»); *хөнш(н)* «пастух овец» (*хөн, хөй* «овца»); *эджлш(н)* «рабочий» (*эджл* «работа»); *дүш(н)* «певец» (*дү* «песня»).

2. Суффиксы, образующие существительные от глагольных основ:

-а(н): *сана(н)* «дума, мысль» (*сана-* «думать, мыслить»); *медэ* «весть, известие» (*меде-* «знать, узнавать»); *холбо(н)* «связь, контакт» (*холбо-* «соединять, связывать»);

-ас(ан): *хадас(ан)* «гвоздь» (*хада-* «прибивать, вбивать»); *үдэс(ен)* «сшивака» («соединение шитьем»); *нохвс(ен)* «заплата» (*нохо-* «ставить заплату»).

-вар: *шадвар* «умение, способность» (*шада-* «мочь, уметь»); *еделбер* «угодья, владения» (*едле-* «пользоваться чем-л.»); *тэлбар* «объяснение, толкование» (*тэл-* «объяснять, разгадывать»); *джавар* «указание, наставление» (*джā-* «указывать»);

-и: *бодог* «краска» (*бодо-* «красить»); *бишиг* «письмо» (*биши-* «писать»); *хоног* «ночевка» (*хоно-* «ночевать»); *джураг* «рисунок» (*джура-* «рисовать, чертить»);

-д(ан): *хэнэд(ан)*, *хэйд(ан)* «кашель» (*хэнā-* «кашлять»); *мөд(ен)*, *ийэд(ен)* «смех» (*мө-, ийэ-* «смеяться»);

-дай: *жавдал* «ход, походка» (*жава-* «ходить, идти»); *гүддел* «бег» (*гү-* «бежать, бегать»); *бодол* «перевязка, связка» (*бб-* «завязывать»);

⁵ Б.Я. Владимирцов отмечал, что «язык, песен, героических эпосей...редко бывает чисто народным, по большей части он насыщается элементами литературного письменного языка монголов» /2, с. 40/.

Склонение существительных

Падеж	Суффикс	Частица возвратного притяжания	Примеры		
Именительный	—	—	шулу(н) 'камень'	юл 'река'	нозо 'собака'
Родительный	-ĕ	-xān	шулу ^н ĕxān		
	-īn	-xēn		юлīnхōn	
	-n	-xōn			нохōnхōn
Дательный-местный	-ō(-da)	-ān -ēn -ōn -ōn	шулу ^н ān	юлōn	нозо(n)ōn
Винительный	-ī(-ī)	-ān, -ēn -ōn, -ōn		юлōn	
	-i((-i))	-iān, -iēn -iōn, -iōn	шулу ^н iān		нохōiōn
Исходный	-ās -ēs -ōs -ōs	-ān -ēn -ōn -ōn	шулу ^н āsān	юлōsōn	нозоiōsōn
	-ār -ēr -ōr -ōr		шулу ^н ārān	юлōrōn	нохōiōrōn
Совместный	-tĕ	-iān, -iēn -iōn, -iōn	шулу ^н tĕiān	юлтĕiān	нохōtĕiān

-дж(ā): гардж, гарджā 'ущерб, потеря' (гар- 'выходить'); олдж, олджō находка, добыча (ол- 'находить');
 -ĕ: тежиĕл 'борьба' (тежи- 'бороться'); джаргал 'счастье, блаженство' джарга- 'блаженствовать, наслаждаться';
 -лаi: джарлаг 'расход, издержки' (джарла- 'использовать'); бодлог соображение, мнение (бодо- 'думать, соображать');
 -лац: хадлац 'покос, сенокос' (хада- 'косить, жать'); джовлоц (джоблоц) мучение, страдание (джово- 'мучиться, страдать'); өлсгөлөц 'голод' (өлсгө- 'морить голодом');
 -лт: асулт 'вопрос' (-асу- 'спрашивать'); ургалт 'рост, всход' (урга- 'расти'); уналт 'падение' (уна- 'падать'); бөлт 'повязка, бинт' (бө- 'завязывать');
 -м: алхам 'шаг' (алха- 'шагать'); бэрим 'мера в обхват пальцами руки' эри- 'держать в руке'; хершим 'кусочек, ломоть' (херши- 'нарезать, разрезать');

-*мав*: шаршамат 'желе' (шарша- 'стынуть, сгущаться'); хълмог 'смесь' (хъл- 'смешивать, перемешивать'); ёдмег 'заквашенное молоко' (ёде- 'киснуть, заквашиваться');

-*мдж*: тусламдж 'помощь, содействие' (тусла- 'помогать'); бутемдж 'успех, достижение' (буте- 'исполняться, осуществляться'); хурамдж 'порядок, надлежащее положение' (хурā- 'убирать');

-*мт*: бэришт 'основание, довод' (бэри- 'опираться, придерживаться'); ббгошт 'преграда, препятствие' (бб- 'преграждать, заграждать');

-*мшиг*: э́мшиг 'страх, боязнь' (э- 'бояться, страшиться'); гутамшиг 'стыд, позор' (гута- 'стыдиться'); гехамшиг 'чудо, диво' (геха- 'удивляться, изумляться');

-*р*: белшёр 'пастбище' (белшёр- 'выпускать, выгонять пастись'); шавег 'глина' (шава- 'обмазывать');

-*с(ам)*: нолбос(он) 'слеза' (нолбос умага- 'прослезиться'); хёс(он) 'надуваться' (хё- 'пухнуть, подниматься');

-*ул*: шургул 'выдвижной ящик' (шурга- 'пролезать, проникать'); ёрул 'веретено' (ёре- 'прясть');

-*ур*: гапур 'спайка, паяние' (гапна- 'паять'); шимхур 'шипы' (шимхё- 'шипеть'); делеур 'магазин' (деле- 'раскладывать'); табур 'серп, коса' (тада- 'косить, жать');

-*ш*: нүш 'тайна, секрет' (нү- 'скрывать, прятать'); яваш 'ход, процесс' (ява- 'ходить, идти'); буш 'стоянка' (бү- 'останавливаясь, располагаться'); хешеш 'лежка' (наприме́р, скота) (хеште- 'лежать, ложиться');

Имя прилагательное

Обозначая качество, свойство или признак предмета, прилагательные делятся на два основных разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся прилагательные непроизводные (первичная форма) и производные, образованные посредством некоторых суффиксов. Относительные прилагательные, обозначающие признаки и свойства, выражающие отношение одного предмета к другим предметам, а также к месту или времени, образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов (модорог 'лесистый', шаст 'снежный', шити 'влажный' и др.).

Имя прилагательное в функции определения не изменяется; оно не согласуется с определяемым словом в числе и падеже, присоединяется к нему с помощью примыкания, например: тер үндер үлї даад, өргөн голї гатлїд гар. 'он перевалил высокую гору, переправился через широкую реку'.

Как и во всех говорах и диалектах, интенсивная степень качества, но сопоставления предмета с подобным ему предметом передается двумя способами:

1) постановкой усилительных слов перед определяемым именем прилагательным, например: маш ил 'очень большой', туң голо 'очень далекий', та хар 'совершенно черный', шас шаган 'совсем белый', шал төх 'совершенно синий';

2) посредством частичной редукации, т.е. когда перед прилагательным в полной форме повторяется первый слог этого прилагательного с наращен-

согласного *в (б)*, например: *ув улән* 'красный-прекрасный', *ув урт* 'длинный-предлинный', *шав шар* 'желтый-прежелтый'.

В говоре имеется и специальная сравнительная конструкция, которая употребляется лишь при сравнении одинаковых качественных признаков, присущих двум или нескольким предметам. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой, передается именем в исходном падеже, за ним следует прилагательное в форме основы, например: *шнї бїр мнї бїрїс сїн* 'твоя ручка лучше моей ручки'; *тернї мбр Самбуи мбрнїс өндөр* 'его конь выше (ростом) коня Самбу; *мүгїс мү хүн* 'худший из худших (о человеке)'. .

Словообразование

1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных основ:

-*лат*: *авїяслаи* 'даровитый' (*авїас* 'дар, талант'); *амтлаи* 'вкусный' (*амт* 'вкус'); *тослог* 'жирный, маслянистый' (*тос(он)* 'масло'); *бијелег* 'рослый' (*бије* 'тело');

-*мсаи*: *гојомсои* 'нарядный, красивый' (*гојд* 'красивый, чудесный'); *їїхемсеи* 'высокомерный' (*їїх* 'большой');

-*рзаи*: *усаргаи* 'обильный водой, водянистый' (*ус(ан)* 'вода'); *модоргои* 'лесистый' (*мод(он)* 'дерево, лес');

-*рхї*: *үлархї* 'горный, гористый' (*үл* 'гора'); *јасархї* 'костистый, костлявый' (*јас(ан)* 'кость');

-*саи*: *авсаи* 'любящий отца' (*ав* 'отец'); *нөхөрсөи* 'любящий друзей' (*нөхөр* 'друг'); *елегсеи* 'почитающий родственников' (*елег* 'родственников');

-*т*: *галт* 'огненный' (*гал* 'огонь'); *хорт* 'ядовитый' (*хор* 'яд'); *хүшт* 'сильный' (*хүш(т)* 'сила'); *хамт* 'родственный' (*хамā* 'родство').

2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ:

-*гā*: *шамдгā* 'старательный, прилежный' (*шамда-* 'быть прилежным, стараться'); *сїмгē* 'редкий, просвечивающийся' (*сїм-* 'быть редким, просвечивающимся');

-*лар*: *агджлар* 'коротенький, приземистый' (*агджи-* 'сокращаться'); *дегдгөр* 'торчащий, оттопыренный' (*дегдгē-* 'оттопыриваться');

-*маи*: *шадмаи* 'умелый' (*шад-* 'уметь, мочь'); *шөшмои* 'внезапный' (*шөш-* 'вздрагивать от испуга'); *хүрмаи* 'обманчивый' (*хүр-* 'обманывать');

-*маи*: *тунмаи* 'прозрачный, отстоявшийся' (*туна-* 'отстояться'); *гүрмел* 'плетеный' (*гүрл-* 'плести');

ојомл 'шитый' (*ојо-* 'шить, прошивать');

-*мгā*: *дасамгā* 'привычный' (*даса-* 'привыкать'); *медеггē* 'хвастающийся знанием' (*меде-* 'знать');

-*мтгā*: *сїмтгā* 'боязливый' (*сї-* 'бояться'); *шїмтгē* 'стыдливый, застенчивый' (*шї-* 'стыдиться');

-*ң*: *дүрең* 'полный, наполненный' (*дүре-* 'наполняться'); *сергїлең* 'бодрствующий, чуткий' (*сергїле-* 'быть осторожным, чутким');

-*ңгā*: *тураңгā* 'тощий, истощенный' (*тура-* 'доводить до истощения');

елеңгē 'изношенный, поношенный' (*еле-* 'изнашиваться');

-*ү*: *шаршү* 'застывший, затвердевший' (*шарша-* 'застыть'); *хөлдү* 'мерзлый' (*хөлдө-* 'замерзнуть');

джөрү 'встречный' (*джөрл-* 'направляться, устремляться');

хатү 'твердый' (*хата-* 'сохнуть, засыхать');

-*уи*: *ахиуи* 'густой, сгущенный' (*ахи-* 'становиться густым'); *хошӯи* 'неподатливый, упрямый' (*хоши-* 'упорствовать, упрямиться');

-*хā*: *Ēхāд* 'боязливый, трусливый' (*Ē-* 'бояться, страшиться'); *хетерх* 'чрезмерный, непомерный' (*хетре-* 'превышать, превосходить').

Как показатели степени проявления качества употребляются суффиксы
-*стар*: *шагāстар* 'беловатый' (*шагāн* 'белый'); *боростор* 'сероватый' (*бор* 'серый'); *серӯотер* 'довольно прохладный' (*серӯн* 'свежий, прохладный');
-*хан*: *багахан* 'маленький' (*бага* 'малый, небольшой'); *джалӯхан* 'молоденький' (*джалӯ* 'молодой'); *шӯвертен* 'чистенький' (*шӯвер* 'чистый').

Имя числительное

Имя числительное, обозначая отвлеченные числа, а также порядок предметов, последовательность их или группировку, делится на несколько разрядов. Числительные в говоре склоняются так же, как и имена существительные, выполняя те же синтаксические функции. Если склоняются составные числительные, то падежный суффикс присоединяется только к последнему из числительных.

Количественные числительные обозначают количество (в виде определенного числа предметов) или же счетное понятие (в отвлечении от конкретных предметов). Как и в других говорах, в хорчинском все другие ряды числительных образуются от основ количественных числительных.

Единицы	Десятки
<i>нег(ен)</i> 'один'	<i>арав, арван</i> 'десять'
<i>хогор</i> 'два'	<i>хōр(и)</i> 'двадцать'
<i>гурав, гурван</i> 'три'	<i>гуш(и)</i> 'тридцать'
<i>дӯрев, дӯроен</i> 'четыре'	<i>дӯш(и)</i> 'сорок'
<i>тав(ан)</i> 'пять'	<i>тāv(и)</i> 'пятьдесят'
<i>джургā(и)</i> 'шесть'	<i>джәр(ан)</i> 'шестьдесят'
<i>долб(и)</i> 'семь'	<i>дал(ан)</i> 'семьдесят'
<i>нēж(ан)</i> 'восемь'	<i>нај(ан)</i> 'восемьдесят'
<i>јус(ен)</i> 'девять'	<i>јир(ен)</i> 'девяносто'
	<i>джӯ(и)</i> 'сто'

В функции определения и компонента составных числительных эти числительные восстанавливают конечный *н* (*таван хӯхедтē* 'имеет пятерых детей', *тāvин дӯрев* 'пятьдесят четыре'), исключение составляет числительное *јус(ен)* 'девять', при котором предшествующее ему числительное теряет конечный согласный *н*, например: *гушн тав* 'тридцать пять', но *гуш јус* 'тридцать девять'.

Для передачи чисел более высокого разряда употребляются числительные *мең* (*м₂ нган*) 'тысяча', *тӯм* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *сај* 'миллион', *душшӯр* 'сто миллионов'.

Количественные числительные могут принимать после себя частицы притяжаний (например, *тедиң хогорин мōртē*, *гурванан јавган јирджē* 'из них дв

приехали верхом, а трое пешком пришли»; *бид джамдан таван гегид хурла* 'в пути мы пятерых потеряли').

Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при счете. Они образуются посредством присоединения к основе количественных числительных суффикса *-дугар*, например: *хогор* 'два' — *хогордугар* 'второй'; *тав(ан)* 'пять' — *тавдугар* 'пятый'; *дүрөс* 'четыре' — *дүрөсдугар* 'четвертый' и т.д. Числительные 'три' и 'четыре' в говоре сохраняют параллельно и более древние их письменные формы, например: *гуравдугар* 'третий' — *гутгар* (ср. *gutuyar*); *дүрөсдугар* 'четвертый' — *дүтгёр* (ср. *dötüger*), а также *негдугар* 'первый' и *анхдугар* (ср. *engqa* 'впервые, вначале').

Собирательные числительные обозначают количество предметов как одно целое, как их совокупность. Собирательные числительные в говоре образуются от основ количественных числительных посредством суффикса *-ул*, например: *гурүүл* 'втроем'; *тавул* 'впятером'; *дүрүүл* 'вчетвером'; *йусул* 'вдевятиером'.

Разделительные числительные выражают количественное распределение предметов по однородным группам. Когда речь идет о равном количестве предметов, они образуются от основ количественных числительных прибавлением суффикса *-ад*, например: *тгөөд* 'по пятьдесят'; *арөөд* 'по десять'; *йрөөд* 'по девяносто'; *дүрөөд* 'по четыре' или путем повторения одного и того же количественного числительного, например: *хогор хогор харандә түгөөжө* 'раздали нам по два карандаша'; *ене хөнї тгө тгөөр сал аджөн* 'этих овец распределяют на группы по пятьдесят голов'. Разделительные числительные от *нег(ен)* 'один' и *хогор* 'два' образуются несколько иначе, чем остальные числительные, а именно: а) чередуются согласные и б) в *хогор* 'два' выпадает конечный согласный *р*: *нег(ен)* 'один' — *неджөд* 'по одному'; *хогор* 'два' — *хошөд* 'по два'.

Значение приблизительности передается путем сочетания двух количественных числительных, при котором название меньшего числа предшествует названию большего, например: *манг нутаг мөндөс долө-кэман гаджир холө бэн* 'наше кочевье находится за семь-восемь верст отсюда'; *тер ем тав-джурган хүхөдтг* 'у той женщины пять или шесть детей'.

Значение приблизительного счета может быть передано путем сочетания количественного числительного со словами *шахү*, *бараг*, *хир*, *оршим* с общим значением 'около, приблизительно', например: *теднө адү далад шахү бэн* 'их табун насчитывает около семидесяти голов'; *Батүн мал бараг хөрөд бэхимба* 'У Бату должно быть около двадцати голов скота'.

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных числительных и образуются путем сочетания двух количественных числительных. При этом первый компонент, выражающий знаменатель дроби, ставится в родительном падеже, а второй компонент, выражающий числитель дроби, — в форме основы, например: *дүрөснө нег* — $1/4$; *арван тавнө гурав* — $3/15$. Дробные числительные передаются и описательно, используя в качестве знаменателя и числительное, и слово *хөв* 'часть, доля' в родительном падеже, например: *джүн хөвнө арван тав* — $0,15$ — букв. 'пятнадцать из ста ча-

стей»; *гурван хбонѣ нег* — 1/3 — букв. 'одна из трех частей'. При склонении падежный суффикс прибавляется ко второму компоненту сочетания, т.е. к числителю.

Встречаются в хорчинском говоре и так называемые счетные слова. В этом случае предметами счета служат имена существительные, указывавшие на определенную количественную совокупность предметов. Им предшествует количественное числительное. Следовательно, счетные слова состоят из двух компонентов: количественного числительного и единицы измерения, разного в зависимости от классов предметов. Единицами измерения, или предметом счета, в хорчинском служат:

толог (*толѡд*) 'голова' (для счета животных): *арван толог мал* 'десять голов скота'. Это слово используется также и для счета головок и пучков растений, овощей, например: *гушн толог шагѣн ногѡ* 'тридцать кочанов капусты (букв. 'головок')'; *таван толог сбнлм* 'пять головок лука';

ул 'корень' (для растений, деревьев, овощей), например: *ене джл бид шагѣн ногѡ джѣн ул авджѣ* 'в этом году мы получили сто корней (кочанов) белой капусты';

јрдж 'пучок', *ббдж* (ср. СЛМЯ *воуѡба* 'связка'), *бблм* 'связка' (для растений), например: *теден мѣцан јрдж ѳс хадджѣ* 'они накосили тысячу вязанок травы (сена)'; *тугалдѣн нег ббдж ѳс ѣшир* 'принеси связку (охапку) сена для теленка';

бѳхел 'целый' (для счета отрезков ткани), например: *хотѡс нег бѳхел бѳ авлѣ* 'купил в городе кусок хлопчатобумажной материи';

джаѳ 'лист' (для счета плоских предметов, например листов бумаги): *наѡ таван джаѳ шѡс бѳн* 'у меня есть пять листов бумаги';

джурѣ 'пара' (для счета парных предметов), например: *нег джурѣ шѡѳѡ* 'пара тапок'; *джурѣн джурѣ савѳ* 'шесть пар палочек для еды'.

Местоимение

По своему лексическому значению и грамматическим признакам различные местоимения соотносятся с различными разрядами слов, поэтому местоимение не имеет каких-либо только ему свойственных грамматических категорий.

Личные местоимения. Эта категория знаменательных слов указывает на то или иное лицо только по отношению его к акту речи. В зависимости от этого различают личное местоимение 1-го лица единственного числа (т.е. говорящий), личное местоимение 1-го лица множественного числа (группа лиц, к которым относит себя говорящий), личное местоимение 2-го лица единственного числа (т.е. адресат речи) и личное местоимение 2-го лица множественного числа (группа лиц, к которым обращается с речью говорящий). В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах Внутренней Монголии, нет специальных личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. В функции местоимения 3-го лица используются указательные местоимения.

1-е л. *би, бī 'я'*.. *бид(ен) 'мы'*2-е л. *ши, шī 'ты'**тā, тад(ен) 'вы'*

В СПМЯ было два местоимения 1-го лица множественного числа: *биде* и *ба* 'мы'. Первая форма относится к инклюзивному множественному числу (мы — говорящие и слушающие), тогда как вторая — к эксклюзивному множественному числу (мы — говорящие, без вас слушающих). Местоимение 1-го лица *ба* 'мы' имеется в дагурском языке. В дунсянском, баоаньском и калмыцком языках оно соответственно бытует в виде *матам*, *мангэ* и *мадн*, а в бурятском, халха-монгольском и в говорах и диалектах Внутренней Монголии нет местоимения *ба* (им. пад.), но в них сохранились все формы косвенных падежей этого местоимения.

Местоимение 2-го лица множественного числа *тā* 'вы' употребляется также и при обращении в качестве вежливой формы, ср.: *тā надтē магāш јавнТ?* 'завтра Вы поедете со мной?'; *тā хорјрт јрсенТ бī медсентуѐ* 'я не знал, что Вы (вдвоем) уже приехали'.

Склонение личного местоимения 1-го лица единственного числа характеризуется тем, что формы косвенных падежей образуются от основ, не совпадающих с основой именительного падежа, т.е. от супpletивных основ, например:

Им.	<i>би (бī)</i>
Род.	<i>мӣ</i>
Дат.-местн.	<i>нāд, нэмēд</i>
Вин.	<i>нāдḡи, намаī, нэмēвТ, мэнēиТ</i>
Исх.	<i>нāдās, намāīās, нэмēīās, мэнēīās</i>
Орудн.	<i>нāдāр, намāīāр, нэмēīāр, мэнēīāр</i>
Совм.	<i>нāдтē, намāтē, нэмētē, мэнētē</i>

Как видно из парадигмы, в говоре параллельно используются две разные основы косвенных падежей: 1) начиная с дательного-местного (затем исходный, орудный, совместный) падежа, основа *нāд-*. Исключение составляет основа винительного падежа *нāдḡи*, т.е. разговорная форма, построенная, по-видимому, по аналогии с основами других косвенных падежей; 2) основа *нэмē-* (*мэнē-*, *намā-*), типичная для разговорной речи хорчин и весьма распространенная.

В говоре местоимение *бī* и основа косвенных падежей *нāд-* произносятся с долгим гласным.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа также имеет супpletивные основы косвенных падежей.

Им.	<i>ши (шī)</i>
Род.	<i>шинī</i>
Дат.-местн.	<i>шамд, шамāд, шэмд, шэмēд</i>
Вин.	<i>шамā, шамāи, шэмē, штмēи</i>
Исх.	<i>шамās, шамāīās, шэмēс, штмēīās</i>
Орудн.	<i>шамāр, шамāīāр, шэмāр, штмēīāр</i>
Совм.	<i>шамтē, шамāтē, шэмātē, штмētē</i>

В разговорной речи ясно выделяются три разные основы косвенных падежей: *шн-* (род. пад.), *шам-* и *шам̄-* (все остальные падежи), причем последние имеют варианты *шэм-* и *шэм̄-*.

В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в местоимении 1-го лица множественного числа форма именительного падежа служит основой для образования всех косвенных падежей, например:

Им.	<i>бюд(ен)</i>	—
Род.	<i>бюдн̄</i>	<i>ман̄(мэн̄)</i>
Дат.-местн.	<i>бюдн̄д</i>	<i>ман̄д</i>
Вин.	<i>бюдн̄(г)</i>	<i>ман̄(г)</i>
Исх.	<i>бюдн̄с</i>	<i>ман̄с</i>
Орудн.	<i>бюдн̄р</i>	<i>ман̄р</i>
Совм.	<i>бюдн̄т̄</i>	<i>ман̄т̄</i>

Именительный падеж от второго местоимения 1-го лица множественного числа, т.е. *ба* 'мы', в говоре не сохранился. Однако наиболее распространенными в быту и употребительными являются формы косвенных падежей именно этого местоимения, а не формы от местоимения *бюд(ен)*.

По типу местоимения *бюд(ен)* 'мы' склоняются и местоимения 2-го лица множественного числа:

Им.	<i>тад(ан),</i>	<i>тā</i>
Род.	<i>тадн̄,</i>	<i>тан̄(тэн̄)</i>
Дат.-местн.	<i>таданд,</i>	<i>тан̄д</i>
Вин.	<i>тадн̄(г)</i>	<i>тан̄(г)</i>
Исх.	<i>тадн̄с,</i>	<i>тан̄с</i>
Орудн.	<i>тадн̄р,</i>	<i>тан̄р</i>
Совм.	<i>тадн̄т̄,</i>	<i>тан̄т̄</i>

В говоре зафиксировано и *тадн̄д* 'вы', образованное посредством присоединения к местоимению *тад(ан)* суффикса множественного числа.

Указательные местоимения делятся на две группы. К первой относятся местоимения *ене* 'этот', *ед(ен)* 'эти', указывающие на близость, а *тер* 'тот', *тед(ен)* 'те' — на отдаленность от говорящего. Ко второй относятся местоимения *ім* 'этакий', *тīm* 'такой', указывающие на качественную характеристику предмета. Типичную черту хорчинского и других говоров восточного диалекта составляет то, что к этим местоимениям может присоединиться наращение — инициальный *м* или слог *ме* в зависимости от того, какую огласовку имеет местоимение, например: *ене, мене; тер, метер; еден, меден; теден, метеден*.

При склонении местоимения *ене* обнаруживаются некоторые отклонения от норм СПМЯ. В говоре это местоимение последовательно образует основу косвенных падежей от *енен-* (ср. дагурскую и бурятскую основы косвенных падежей *энэн-*), тогда как в СПМЯ сохранилась основа от более древнего корня *e-gün*.

Им.	<i>ене</i>
Род.	<i>енинĕ</i>
Дат.-местн.	<i>енинд</i>
Вин.	<i>ени(г), енин(г)</i>
Исх.	<i>ениĕс</i>
Орудн.	<i>ениĕр, енинĕр</i>
Совм.	<i>енинтĕ</i>

При склонении местоимения *тер* 'тот' падежные суффиксы присоединяются к основе *терен*:

Им.	<i>тер</i>
Род.	<i>тернĕ</i>
Дат.-местн.	<i>теренд</i>
Вин.	<i>терĕ, тернĕ</i>
Исх.	<i>тернĕс</i>
Орудн.	<i>терĕр, тернĕр</i>
Совм.	<i>терентĕ</i>

Следует отметить, что основа косвенных падежей *терен* известна также в дагурском и бурятском языках, например: исх. пад. — даг. *тэрэс, тэрэр*, бур. *тэрэнэ (тэрэнэ)*, хорч. *тернĕс*.

Хорчинский говор отличается тем, что в нем нет основы косвенных падежей на *-үн*, соответствующей в СПМЯ основе на *e-gün*, как, например, в калмыцком: *тер, туунд (терунд), түүг (терүг), түүнас (терүнас)*.

Местоимения *ед(ен)* 'эти' и *тед(ен)* 'те' склоняются по общим нормам, при этом основой их изменения является форма именительного падежа, т.е. им. пад. *ед(ен), тед(ен)* — род. пад. *еднĕ, теднĕ*, вин. пад. *едн(г), тедн(г)*, исх. пад. *еднĕс, теднĕс* и т.д. В разговорной речи нередки случаи, когда множественное число указательных местоимений образуется путем присоединения к формам именительного падежа единственного и множественного числа дополнительно суффикса множественности, например: *тер* 'тот' *терүүд* 'те'; *ед(ен)* — *еднүүд* 'эти'.

Возвратные местоимения. В говоре местоимение *бэрĕн* в значении 'сам' зафиксировано лишь в единственном числе. Конкретный носитель действия уточняется употреблением соответствующего личного местоимения: *шĕ бэрĕн маган сургалд ошд ĵр* 'ты сам завтра сходи в школу'; *та тернĕ бэрĕсĕн бүү самга* 'вы его от самого себя не отпускайте'.

Местоимение *бэрĕн* склоняется не по всем падежам. Употребительны формы *бэрĕн, бэрĕхĕн* (род. пад.), *бэрĕсĕн* (исх. пад.), но не зафиксированы формы орудного и совместного падежей. Специфику возвратного местоимения составляет то, что оно не употребляется без частицы возвратного притяжания, ибо исторически это местоимение представляет собой форму винительного падежа + притяжание и лишь в этом виде воспринимается ныне как форма именительного падежа. В хорчинском говоре оно чаще произносится и как *үөрĕн*, 'сам' и имеет свою парадигму склонения: *үөрĕхĕн, үөрĕсĕн* и др.

Вопросительные местоимения: *хен* 'кто'; *ĵүүн* 'что'; *хед* 'кто (такие)'; *эл* 'какой, который'; *ĵамар* 'какой'; *хедĕ* 'сколько'.

Местоимения *хен* 'кто', *хед* 'кто такие' употребляются, когда речь идет о человеке, о людях. В остальных случаях (т.е. когда вопрос относится к различным предметам, явлениям, а также и другим живым существам) употребляется местоимение *й̄н*. Вопросительные местоимения *хен* и *й̄н* также изменяются по падежам, лишь вопросительное местоимение *хен* имеет форму множественного числа *хед* 'кто такие'. Когда речь идет о значении раздельной множественности (люди, названия предметов и т.д.), то используется репликация этих местоимений, например: *тер герт хен хен б̄эн?* 'кто такие находятся в том доме?'; *ахит̄ й̄ й̄ эштрсем̄?* 'что привез твой брат?'

Местоимение *эл* 'какой, который из них' употребляется, когда задается вопрос об одном из нескольких однородных предметов, например: *ш̄ эл элар ошод й̄рөө?* 'ты в какой аял ездил (и вернулся)?'. Оно часто принимает частицу возвратного притяжания 3-го лица *н*: *терн̄с эл эл̄н̄ ш̄нт̄ б̄эн?* 'какие же из тех (вещей) являются твоими (принадлежат тебе)?'.

Местоимение *ямар* 'какой', выполняя чаще всего функцию определения, указывает на признак, качество предмета, например: *тан̄ энд ямар бад̄а тердаг й̄м?* 'какие злаки (хлебные) у вас (тут) сеют?'; *хед ямар б̄рер б̄т дег бил̄е?* 'какими же ручками они писали?'; *ш̄ ямар нерт̄е?* 'как тебя зовут'. На этот вопрос хорчины отвечают: 1) *мт̄ нер Бадма* 'мое имя — Бадма'; 2) *нем̄т̄ Бадма гедж д̄удн̄а* 'меня зовут Бадма'.

Местоимение *хед̄* сколько обычно указывает на количество предметов о которых идет речь в предложении: *т̄а гурӯлда хед̄ д̄жс б̄эн?* 'сколько у вас троих имеется денег?'; *тан̄ энд хед̄ мал б̄эн?* 'сколько у вас скота?'. Это же слово используется и тогда, когда необходимо узнать о возрасте человека. Хорчины на вопрос *т̄а хед̄ наст̄е?* 'сколько вам лет?' отвечают двоим: 1) *б̄и далан наст̄е* 'мне семьдесят лет'; 2) *б̄т дал* 'мне семьдесят'.

Склонение местоимений *хен* 'кто' и *й̄н* 'что':

Им.	<i>хен</i>	<i>й̄н</i>
Род.	<i>хен̄</i>	<i>й̄н̄</i>
Дат.-местн.	<i>хенд</i>	<i>й̄нд</i>
Вин.	<i>хент̄</i>	<i>й̄нт̄</i>
Исх.	<i>хен̄с</i>	<i>й̄н̄с</i>
Орудн.	<i>хен̄ер</i>	<i>й̄н̄ер</i>
Совм.	<i>хент̄е</i>	<i>й̄нт̄е</i>

Неопределенные местоимения образуются от основ вопросительных местоимений в сочетании с усилительной частицей *ш*, например: *эл ш̄ уланд м̄т̄ уст̄е* 'на любой (какая бы ни была) горе такая (обильная) трава', а в отрицательных предложениях при местоимениях *хен* и *й̄н* соответственно обозначает 'никто' и 'ничто', например: *ене удер ман̄ энд хен ш̄ й̄рсенгүэ* 'сегодня к нам никто не приходил'; *терш̄н̄ й̄ш̄ с̄эн метхүэ* 'он ничего как следует не знает'. Значение неопределенности передается и использованием частицы *б̄а*: *эл б̄а явдл̄ тер гаш̄ārān толос мед̄с бол̄нт̄?* 'разве он один может решить любое дело?'; *ямар б̄а чурт̄* 'какую-либо причину'. Частица *б̄а* употребляется реже, чем *ш̄*; она ограничена, так же как и в других говорах,

тем, что ставится лишь после местоимений *Эз* и *ямар*, при этом отдельно от определяемого слова.

Как неопределенное местоимение употребляется и слово *ней(ен)* 'некий, какой-то' в сочетании с вопросительным местоимением *хен* 'кто' (*хен ней(ен)* 'некий, кто-нибудь, кто-то'), известное во всех монгольских языках.

Обобщительно-определятельные местоимения:

1) *бүгед* 'все, весь, каждый', *хү* 'все', обозначающие совокупность лиц или предметов, например: *тед бүгед гертэн сүсан бэджэ* 'они все (оказываются) живут дома'; *тершнй бүгед хоршднэ улсүд меднэ* 'об этом (деле) знают все люди в кооперативе'; *тā нар энд хү сēхан бēmнэ* 'хорошо ли вы все здесь живете?';

2) *бүр*, *бүрл* 'каждый' ставится постпозитивно и указывает на то, что речь идет о предмете, взятом из ряда однородных ему, например: *шл нāшāн үдер бүрл ир* 'ты приходи сюда каждый день'; *манэ энд хүн бүр үсег тэнхүэ* 'у нас не каждый человек знает грамоту';

3) *бус*, *бусад* 'иной, другой' употребляется препозитивно, например: *бусад хүнэ юм бү ав* 'не бери вещи чужого человека'; *бусдн үгэнд бү ордд бэ* 'не поддавайся чужим словам';

В значении этого разряда местоимений употребляются и другие слова, например: *хамаг* 'весь, целиком' [*хамаг тернэс гарсан ушр юм* 'все пошло от него (причина всему — он)']; *ондн* 'другой, иной' (*нāд эннэс ондн малэ үгүэ* 'у меня другой шапки нет, кроме этой'); *джерим* 'некоторый' (*теденшн джеримн хүнэ хелхэ соңсод бэн* 'некоторые из них прислушиваются к тому, что говорят'); *астан* 'иной, другой' (в хорчинском говоре это слово в самостоятельном использовании означает 'отдельный, особый'; *астан хүнэ юм авдж болохүэ* 'нельзя брать вещь другого человека').

Глагол

Глагол в хорчинском говоре обладает грамматическими категориями лица и числа (в повелительно-желательных формах), залога, наклонения и времени. Синтетических форм образования видов зарегистрировано не было.

Залог. В глаголе различаются пять залогов: действительный, побудительный, страдательный, взаимный и совместный.

Действительный залог характеризуется нулевым показателем. По отношению действия к объекту глаголы действительного залога делятся на переходные и непереходные, основы которых по своей морфологической структуре ничем не отличаются друг от друга, например: *асү-* 'спрашивать', *нāда-* 'играть', *джогсо-* 'стоять', *ума-* 'падать'.

Принадлежность к переходным или непереходным глаголам определяется семантикой — наличием или отсутствием направленности действия на объект. Переходные глаголы обозначают действие, которое направлено на объект, выраженный винительным падежом имени и имеющий функцию прямого дополнения.

При глаголах действительного залога субъект действия совпадает с подлежащим, а дополнение (если оно не отсутствует в предложении) — с объектом

действия, например: *кар гарджэ* 'солнце взошло'; *Дордж тэра хаджар јавдо* 'Дорджи ушел убирать хлеб'.

От основы действительного залога образуются формы всех остальных залогов.

Побудительный залог образуется от основ действительного залога прибавлением следующих суффиксов:

1) *-ā*, например: *хатā* 'высушить' (*хата* 'сохнуть'); *ношō* 'зажигать' (*ношо* 'гореть'); *хөлдō* 'отмораживать' (*хөлдө* 'замерзать'); *дөстē* 'протывать' (*дөсте* 'пропитываться');

2) *-га (-гā)*: *гарга* (*гаргā*) 'выносить, выставлять', 'исключать', 'устранять' (*гара* 'выходить'); *хүргe* (*хүргē*) 'доставлять' (*хүр* 'доходить, добираться');

3) *-ла (-лā)*: *бүла* (*бүлā*) 'опускать, спускать' (*бү* 'опускаться'); *хїле* (*хїлē*) 'заставить делать' (*хї* 'делать');

4) *-үл*: *орүл* 'вести' (*ор* 'входить'); *ошүл* 'отправить' (*ош* 'пойти, отправляться'); *медүл* 'сообщить, дать знать' (*мөдe* 'знать').

В приведенных примерах заметна одна особенность говора: конечный гласный суффикса часто произносится как гласный долгий. Глаголы побудительного залога, образованные от непереходных глаголов, становятся по своему значению переходными.

В отличие от подлежащего в предложении с глаголом в действительном залоге подлежащее при глаголах в побудительном залоге обозначает лицо, которое побуждает к совершению действия, но которое само не участвует в совершении этого действия. Объект же, которого побуждают к совершению действия, представляет собой и реального исполнителя этого действия.

Реальный исполнитель действия представляет собой дополнение, которое обозначено именем в одном из трех падежей — винительном, дательном-местном или орудном, например: *мөрөн адү дахүлād јавүллā* 'отправили своего коня [пастишь] с табуном' (вин. пад.); *тā джхдлāн Хасар хүргүл* 'вы отправьте свое письмо с Хасом' (орудн. пад.); *хүнд гēхүлād јүвi?* 'что за дело удивляет человека?' (дат.-местн. пад.).

Но упоминание в побудительной конструкции двух лиц (т.е. побуждающего лица, которое является в предложении подлежащим и передается именем в именительном падеже, и реального исполнителя действия, которое оформляется как дополнение и передается именем в указанных выше падежах) не обязательно в хорчинском. Также не удается строго определить, в каких случаях употребляется второй компонент побудительной конструкции в том или ином конкретном падеже. В говоре чаще других встречается орудный падеж, но многое зависит от лексического содержания соответствующих глаголов, от какой основы (переходного или непереходного по значению глагола) образована залоговая форма.

Страдательный залог образуется от основ глаголов действительного залога присоединением суффиксов:

1) *-да*, например: *дарагда* 'быть придавленным' (*дара* 'давить, придавливать'); *бэргйда* 'быть схваченным' (*бэрг* 'схватить'); *јөдөдe* 'быть съеденным' (*јөдe* 'есть');

2) *-до*, например: *олдо* 'быть найденным' (*ол* 'найти');

3) *-та*, например: *аста*- 'быть взятым' (*ав*- 'взять'). Глаголы с суффиксами *-до*, *-та* встречаются редко не только в хорчинском, но и во всех других говорах.

Глаголы страдательного залога могут указывать на действие, направленное на предмет (объект действия) со стороны, при этом само подлежащее, реальный исполнитель действия, может быть и невыраженным, например: *джхдал бхигдлэ* 'письмо написано'. Однако подобное употребление глаголов страдательного залога нетипично для говора. Наиболее характерной является такая конструкция с глаголом страдательного залога, в которой названы два предмета, один из которых употреблен как подлежащее, выраженное именем в именительном падеже, а другой — как дополнение, выраженное именем в дательном-местном. Из них активным, реально действующим является тот, который передан именем в дательном-местном падеже, а другой (в именительном падеже) испытывает на себе это действие, например: *хб; шонод идегдеджэ* 'овца съедена волком'; *мёр ахад бхридав* 'конь пойман старшим братом'.

Вместе с тем образование и употребление форм страдательного залога показывает, что они в своем использовании в речи ограничены определенными рамками: 1) от основ некоторых глаголов не образуется страдательный залог, потому что их семантика не допускает подобного образования; 2) чаще всего они употребляются, когда речь идет о действиях активных предметов (лица, живые существа); 3) наоборот, они используются реже, если речь идет о действиях неодушевленных предметов (вещи, различного рода явления природы), например: *гаджр шасанд дарагдлэ* 'земля покрыта снегом'.

В конструкциях со страдательным залогом реальный исполнитель действия передается дополнением в дательном-местном падеже.

Взаимный залог образуется от основы глагола присоединением суффикса *-лаа*: *- бхрида*- 'бороться' (*бхри*- 'хватать'); *шохолдо*- 'бить друг друга' (*шохо*- 'бить'); *мёртлдо*- 'бодаться' (*мёрт*- 'бодать'); *тұлхелде*- 'толкаться' (*тұлхе*- 'толкать').

Взаимный залог обозначает взаимонаправленное действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу. При этом каждый из субъектов взаимного действия одновременно выступает и как объект действия другого субъекта действия, например: *метер бух үжетэ* *ебрён хуартлэн мёртлдожэ* 'тот бык и корова бодались так, что рога друг другу переломали'; *гадэ хожор хухед нег јлм базалдлэн* 'на улице двое ребят что-то отнимают друг у друга'.

Своеобразие глаголов во взаимном залоге состоит в том, что они образуются от сравнительно узкого круга глаголов (в основном переходных), по своему лексическому значению допускающих подобное образование. Когда в качестве основы выступает глагол непереходный, то чаще всего имеется в виду действие, совершаемое многими лицами, ср., например: *гүлде*- 'бежать'; *инэде*- 'смеяться'; а с другой стороны, *херелде*- 'браниться, ссориться'.

Совместный залог образуется суффиксом *-лаа*: *суралла*- 'учиться с кем' (*сура*- 'учиться'); *оролшо*- 'участвовать' (*оро*- 'войти'); *хелелше*- 'переговорить' (*хеле*- 'говорить').

Глагол в совместном залоге указывает на то, что в осуществлении действия участвуют два или несколько лиц-субъектов, например: *тер нидтэ су*

ралшадж бѣнā 'он учится вместе со мной'. Здесь значение совместности можно видеть в равном участии двух лиц в совершении общего действия.

Как и в остальных диалектах и говорах, в хорчинском известны удвоенные формы залогов.

Зафиксированы следующие удвоенные формы: -yл + -yл: *тер моѳон Гер јавулул* 'те деньги отправь с Герелом'; -лѣ + -лѣ: *шл тернѣр гертѣн хуртлѣ (хуртул)* 'ты попроси его проводить тебя до твоего дома'; -да + -yл: *хурнохонд джудулла* 'мальчик был укушен собакой'.

Повелительно-желательные формы. По сравнению с СПМЯ в хорчинском говоре употребляется гораздо меньше повелительно-желательных форм. Они указывают или на требование (приказ), побуждение (просьбу) осуществить кем-либо лицом (лицами) то или иное действие, или на намерение, желание совершить соответствующее действие.

Повелительно-желательные формы изменяются по лицам и числам. Девятое, выражаемое ими, мыслится как еще не начавшееся, т.е. соотносится с временем, которое должно следовать за моментом речи.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа. Нулевая форма, равная основе глагола, которая употребляется в случаях, когда приказание отдается в категорической, настойчивой форме: *деңл ас* 'зажги лампу'; *шл теңд ошд јр* 'ты пойдти туда и тотчас же возвращайся'; *тā хурдан малāн тосхѳр јар* 'вы быстрее выходите встречать своих животных'.

Приказание может быть отдано и не с такой категоричностью, например: *шл ајартāн менѳд јр* 'немного погоды приходи к нам'; *тер нохонл шл хѳ* 'отгоши прочь ту собаку'.

В хорчинском говоре наблюдается тенденция к ослаблению категоричности повеления. В этом случае приметой служит долгий -ā, который присоединяется к основе глагола 2-го лица единственного числа и смягчает повеление, обращая его чаще в просьбу, пожелание: *теңд сѳдж бѳх хурл дѳдā* 'пови-ка человека, сидящего там'; *млнл оронд јавād јрѳ* 'сходи-ка вместо меня'.

Повелительно-просительная форма 2-го лица единственного числа образуется посредством присоединения суффикса -ас (-аш). В значении этой формы доминирует оттенок настоятельной просьбы совершить то или иное действие, например: *шл гертѣн херāс* 'пойди же к себе домой'; *мендѳс хурдан јрѳс* 'приходи же побыстрее оттуда'; *нād мѳрѳн вѳш дѳ* 'дай же мне своего коня'.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа образуется при помощи суффикса -л или -јā, например: *толл (толојā)* 'посчитаемте', *сѳј(сѳјā)* 'посидимте'.

Данная форма обозначает желание, намерение совершить действие и одновременно призыв, приглашение со стороны говорящего к одному или нескольким лицам совершить действие. В этом случае подразумевается, что в осуществлении действия собирается принять участие и сам говорящий, например: *бюд сѳнтл омшлјā* 'почитаемте газету'; *одд гертѣн хлрлјā* 'теперь поедемте домой'; *бл ене харандāлјар блшлјā* 'напишу-ка этим карандашом'; *бл енлѳен хл та тѳрāлјан хад* 'я сделаю это, а вы убирайте хлеб'; *бл хорѳн јдл сехлѳ, шл*

малан орул 'я раскрою ворота сарая, ты впусти скот'; *бид адалхяр жавя* 'мы пойдём работать'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица единственного и множественного числа употребляется, когда приказание, просьба или пожелание совершить действие передается третьему лицу или лицам через собеседника. Эта форма образуется суффиксом *-и*, присоединяемым к основе глагола, например: *йргей* 'пусть придет (придут)'; *сүйи* 'пусть сядет (сядут)'; *хелей* 'пусть скажет (скажут)'.

Она может передавать такие оттенки значения: а) приказание или пожелание более энергичное, настойчивое, например: *тер гертэн сүйи* 'пусть он сидит дома'; *теден ене үдер үнэ улаг* 'пусть они сегодня поят коров'; *теден нэшиэн бүү йргей* 'пусть они сюда не приходят'; б) менее настойчивое, с оттенком согласия, одобрения, например: *тер унтвал унтаг* 'если спит, пусть спит'; *мед мёрй бербал берн* 'если они поймают коня, пусть поймают'. В этом случае повелительно-желательной форме часто предшествует условная форма глагола на *-бал (-вал)*.

Весьма редко встречается в говоре форма на *-тугэ*, в основном в призывах: *еб хамт нам мандтугэ* 'да здравствует коммунистическая партия!'; или в пожеланиях: *сэйн хүү болтугэ* 'пусть вырастет хорошим мальчиком'.

Нам встретилось несколько предложений, где глаголу *бэ-* 'быть' в форме с *-тугэ* предшествует причастие будущего времени в винительном падеже и все сочетание имеет значение 'не только, но и ...', например: *хелэх бэтугэ шохон* 'не только ругает, но и бьет'; *тершн бршх бэтугэ сэйн омшодж шаднэ* 'он не только пишет, но и хорошо может читать'.

Такие формы СПИЯ, как: 1) *-гүн*, *-гүн* (для глаголов 2-го лица множественного числа), 2) *-суял*, *-сүгел* (форма пожелания 1-го лица единственного числа), 3) *-асал*, *-есел* (форма пожелания всех трех лиц), 4) *-үүзэл*, *-гүүзел* (форма опасения) и 5) *-гарал*, *-герел* (форма повелительно-наставительная), а также и соответствующие им формы, известные в халхаском диалекте монголов МНР, в хорчинском говоре не встречаются.

Все повелительно-желательные формы представляют собой финитные формы, функционирующие в качестве сказуемого законченного предложения. Часто после такой формы следует частица *дэ*, которая ставится отдельно от глагола, например: *та энд сүү дэ* 'вы садитесь сюда'; *тер хьраг дэ* 'пусть он идет домой'; *ене хоршодн ошог дэ* 'пусть она сходит в кооператив'. Данная частица весьма употребительна с глаголами 2-го и 3-го лица, иногда она используется в несколько иной функции — смягчения приказания.

Повелительно-желательная форма выражает также требование или желание не осуществлять то или другое действие. Для этого имеется общая запретительная частица *бүү* 'не', которая ставится перед глагольной формой, например: *бүү гар* 'не уходи'; *бүү үр хурэ* 'не сердись'; *бүү ошог* 'пусть не ходит'; *бүү мартаг* 'пусть не забывает'.

Изъявительные формы. В них значения времени и наклонения передаются средствами одного порядка, они наиболее последовательно выражают три временных аспекта глагола.

Форма настояще-будущего времени образуется суффиксом *-н* и передает значение как настоящего, так и будущего времени, т.е. настоящее и будущее время не различаются отдельной формой глагола.

Форма настояще-будущего времени обозначает действие, которое может происходить в момент речи, так и следовать за моментом речи. В зависимости от контекста, обстановки высказывания возможно определить границы и настоящего, и будущего времени. Так, форма на *-нā* может выражать действие, совершающееся в настоящее время, когда:

а) конкретное настоящее время ограничено моментом речи, например: *манē энд хуршн улс эрэн, еншн үнэхэр сэхан хур дарнā шү* 'в наших местах много исполнителей на хуре, а он действительно прекрасно играет на хуре!'. Эту фразу мы слышали и зафиксировали у хорчин хошуна левого крыла, когда перед собравшимися демонстрировал свое мастерство известный во всем Джеримском аймаке исполнитель на народном инструменте и т.д.

б) расширенное настоящее время ограничено действием обычным, свойственным тому или иному лицу или предмету, но которое не совпадает с моментом речи, например: *бид ерт босвол үнэгэн сәнā, сүгэн ёдүлэд үрмэн ав* 'встав рано, мы доим коров; когда скиснет молоко, собираем с него пенки'.

Расширенное настоящее время может указывать и на действие постоянное. В этом значении характерно его употребление в фольклоре, например в поговорках и пословицах: *үр бйе джовон, үл мбр джовон, утā мүд джовон* 'гнев мучает тело, горы — коня, дым — глаза'; *мү санā бйе орон, сэн санā тал төрөн* 'дурные помыслы себе во вред (букв. тело опутывают), добрые — собирают в круг друзей'.

В разграничении значений настоящего и будущего времени особая роль принадлежит контексту, лексическому значению глаголов, например: *би Хотоход ирэд, удан болшилō шү, шамдү гертэн хэрнā дā, хрмин мэнэгт хүлэд сүх илā* 'я давно в Хухэ-Хото. Поеду скорее домой. Мой сынок наверняка ждет не дождется меня'.

Употребление в предложении слов с временным значением может также свидетельствовать о том, что действие, выраженное данной формой глагола относится к будущему, например: *бид магатар кинон хорбнд ошнō* 'завтра мы пойдем в кинотеатр'; *би мүнē орб гертэн јавнā* 'я сегодня вечером поеду домой'.

В хорчинском говоре весьма распространена форма на *-джәнā*, которая состоит из суффикса соединительного деепричастия *-дж* и основы глагола *б* 'быть, находиться' в форме настоящего времени. При присоединении к форме на *-дж* глагол бытия *бē*- теряет начальный согласный.

Форма на *-джәнā* отличается тем, что она указывает и на способ протекания действия, иначе на действие длительное, незавершенное, например: *еншн брн аган хелджән* 'она рассказывает о своем брате'; *Бадма ус авд ирэд ховшос угāджәнā* 'Бадма принесла воды и стирает белье'; *шнī мөцөд хелсемд тер јтх бајалджән* 'она очень радуется тому, что ты так сказал'. Примечательно то, что в речи монголов — носителей восточного диалекта сочетание соединительного деепричастия с глаголом *бәнā* употребляется

ся только в сравненной форме, из аналитической формы оно превращается в синтетическую.

Формы прошедшего времени обозначают действие, предшествующее моменту речи. Они выражают завершенность, результативность действия. Сложным представляется определение критериев, позволяющих строго разграничить значение и употребление в говоре каждой из трех форм прошедшего времени.

1) Форма на *-в* (*-вā*, *-бā*) по сравнению с остальными формами менее употребительна. Она может использоваться в нескольких значениях: выражать действие недавнопрошедшее, закончившееся к моменту речи, или действие давнопрошедшее, завершившееся в прошлом. В разговорной речи эта форма чаще встречается при вопросе, например: *ногд хушлā, ју болов дō?* 'залаяла собака, что могло случиться?'; *шї тхрā хадвū?* 'ты хлеб убирал?'; *тер ххрдж јирō?* 'вернулся ли он (домой)?'; *ахин мал ххрūловū?* 'брат твой скот пас?'. .

2. Форма на *-лā* в говоре встречается чаще, чем форма на *-в*, и употребляется для выражения действия недавнопрошедшего времени, действия, совершившегося в прошлом с длительным оттенком, или же действия давнопрошедшего времени. Эта форма глагола может употребляться и в значении другого времени, когда действие еще не осуществилось, но говорящий мыслит его результативным, например: *тā сū дā, одō бї гертен ххрлā* 'вы оставайтесь, а сейчас пойду домой (букв. пошел)'. .

3. Форма на *-джē* (*-дж*) является наиболее распространенной из всех трех форм прошедшего времени. Она обозначает любое действие прошлого без подчеркнуто выражаемых оттенков непредвиденности действия.

Модальный оттенок неожиданности, с выражением которого связывают в монголистике данную форму, замечен в повествованиях (сказках, легендах и т.д.), где события и действия героев представляются загадочными, неожиданными, например: *хогшин өмгөн үджин гехлē нег хулинē үр бхджē* 'когда старуха разглядела — это было семя волшебной тыквы горлянки'. .

Характерно в говоре соотношение употребительности трех форм. В наших записях в речи информанта, принадлежащего к старшему поколению хорчин, доминирует форма на *-джē*, тогда как в речи информанта, принадлежащего к среднему поколению, чаще встречается форма на *-лā* или же аналитическая конструкция с деепричастием и глаголом *гe-* 'говорить, сказать' в одной из изъявительных форм.

В своем выборе информанты могли отдать предпочтение той или другой форме глагола, однако заметна неопределенность их употребления, обусловленная известной близостью значений этих форм. Следует подчеркнуть, что лишь дополнительное изучение с привлечением широкого контекста даст возможность выяснить значение временных глагольных форм не только в хорчинском говоре, но и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии, нет «спряжения» по лицам предикативно употребляемых слов, т.е. в нем отсутствуют специальные лично-предикативные частицы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, которые характерны, например, для бурятского, дагурского и калмыцкого языков. В хорчинском лю-

бая из изъявительных форм может относиться к любому из трех лиц обоих сед и указывать на время совершения того или другого действия.

Словообразование. Ниже приводится перечень зафиксированных в говорах словообразовательных суффиксов:

-*да*: *тешүрда* - 'бить плетью, кнутом' (*тешүр* 'плеть, кнут'); *салда* - 'сглатывать' (*сал* 'огонь'); *хогордо* - 'становиться редким' (*хогор* 'редкий, скудный');

-*дж*: *бајаджи* - 'разбогатеть' (*бајан* 'богатый'); *малджи* - 'обзаводиться скотом' (*мал* 'скот'); *амарджи* - 'успокаиваться' (*амар* 'спокойный');

-*джр*: *сѣджр* - 'улучшаться, повышаться в качестве' (*сѣн* 'хороший'); *мүдджр* - 'ухудшаться' (*мү* 'плохой');

-*ла*: *хаджәрла* - 'надевать узду' (*хаджәр* 'узда'); *трле* - 'точить, править' (*тр* 'лезвие, острие'); *зорло* - 'травить ядом' (*зор* 'яд');

-*ра*: *јадүра* - 'беднеть, нищать' (*јадү* 'бедный, неимущий'); *хогштре* - 'старый' (*хогшн* 'старый');

-*рха*: *атәрха* - 'завидовать' (*атә(н)* 'зависть'); *еджтрхе* - 'господствовать, властвовать' (*еджн* 'хозяин');

-*шә*: *бурүшә* - 'осуждать, порицать' (*бурү* 'ошибка, вина'); *джевишә* - 'одобрять, соглашаться' (*джев* 'правога'); *сѣшә* - 'одобрять, хвалить' (*сѣн* 'добро, благо');

-*ш*: *нуташт* - 'осваиваться, привыкать к новому местожительству' (*нү* 'родное место, кочевье'); *алдарш* - 'прославляться' (*алдар* 'слава'); *ураш* - 'вдохновляться' (*урам* 'подъем настроения, вдохновение');

-*шл*: *үршл* - 'усыновлять, удочерять' (*үр* 'дитя, ребенок'); *дүшл* - 'почтительным к старшим' (*дү* 'младший'); *хүшл* - 'усыновить' (*хү* 'сын, мальчик');

Причастие

В соответствии с временной соотношенностью причастия подразделяют на несколько форм: причастие на *-ә* (настоящего времени), причастие на *-х* (будущего времени), причастие на *-сан* (прошедшего времени), а также причастие на *-гша* (однократное) и на *-даг* (многократное).

Причастие на *-ә* выражает действие настоящего времени и видовой оттенок продолжительности действия, например: *ахшн хестә бән* 'твой брат продолжает лежать'; *одбш үлә идә бән?* 'до сих пор он ест и пьет?'. В разговорной речи хорчин причастие на *-ә* встречается сравнительно редко.

Причастие на *-х* выражает действие, которое должно совершиться в будущем. В предикативном употреблении оно обычно сопровождается как вспомогательным глаголом, так и связкой, например: *би ене шт моқолі сурах асна* 'мне бы научиться писать на этом новом монгольском письме'.

Причастие будущего времени с глаголом *бол* - 'становиться', а также с словами *јостә* и *уштртә* обладает модальным оттенком долженствования, например: *теңдә хүрген јастәр јаваз болджә* 'таким образом, жених должен идти пешком'; *мнл хү үдеш јтрех јостә* 'мой сын должен вернуться вечером'; *би енл багшас сурах (асүх) уштртә* 'об этом я должен спросить у учителя'.

Чаще всего причастие на *-x* употребляется в функции определения. В этом случае причастие указывает на действие, которое должно совершиться в будущем, или на назначение какого-нибудь предмета, например: *маһи йдгг олдж нхг улс* 'люди, которые должны кочевать в поисках лучших пастбищных угодий'; *ене мнй хонох гер* 'это дом, в котором я заночую'; *уназ мър* 'верховая лошадь'; *омшиг ном* 'книга для чтения'.

Причастие на *-сан* выражает действие, предшествующее моменту речи. В хорчинском говоре причастие прошедшего времени в роли сказуемого употребляется в основном со связками, например: *менгг ошход тер жердндан јашин сан бгджг* 'когда я пришел, он, оказывается, уже ушел в поле'; *хотод эрэн малшд јрсен блг* 'в город прибыло много скотоводов'; *тер јх ертгс дамү үсан јм* 'он рано стал курить табак'.

Часты случаи употребления причастий на *-сан* в качестве определения: *шнй сгнсгн геджгсан хүн мгм дгг* 'таков человек, о котором ты говорил, что он прекрасен?'; *емел тохсон мър джохсодж бгн* 'стоит оседланная лошадь'; *тернй телсен үгенд лгдбд херег бгнүг* 'есть ли смысла надеяться на сказанное им?'; *манй енд јрсен хү јүн хүгг* 'что за мальчик, который приехал к вам?'.

Причастие на *-гша* встречается в говорах редко. В них заметна тенденция превращения его в имя деятеля. Примеры, записанные нами у хорчин, только с этим значением: *тершн сурагша бгн* 'он учащийся'; *мнй хү ене джл сургалн джхтрагша болл* 'мой сын в этом году стал директором школы'; *тер — манй удрдагша* 'он наш руководитель'.

Причастие многократное на *-даг* в роли сказуемого встречается редко. В материалах, записанных нами у хорчин, имеются примеры на *-даг* без связки, например: *жергг хадүрар хаддаг (хаддгг)* 'жнут хлеб серпом'; *манй Эл мал малждгаг* 'наши односельчане занимаются скотоводством'. Если форма на *-даг* употребляется со связкой *блг*, то доминирует оттенок многократности действия, а время уточняется следующим за ним глаголом-связкой, например: *тернй дү мангд јрэд шг үдаг блг* 'его младший брат бывал у нас и пил чай'; *ошлмн аджлн гән хүрэд јрдег блг* 'моя дочь после работы прибежала ко мне'.

Наиболее характерным для говора является употребление причастия на *-даг* в качестве определения: *хелдег үг* 'слова, которые обычно произносят'; *үдаг дамү* 'табак, который обычно курят', 'курительный табак'; *емдег ховчгс* 'одежда, которую обычно носят', 'носильные вещи'. Использование его в других функциях является более ограниченным.

В хорчинском говоре зафиксирована и форма на *-мър*, которую мы условно относим к причастиям. Форма на *-мър* обозначает процессное свойство предмета, которое должно проявляться в той или иной допустимой или необходимой степени, и обычно употребляется в определительной функции, например: *мангд үджмгг јм үгүг* 'у нас нет вещей, которыми можно любоваться'; *енешн үдж болмър шг* 'это чай, который можно пить'; *енешн герен саммър үдер* 'этот день таков, что заскучаешь по дому'.

Деепричастие

Деепричастия не передают время непосредственно по отношению к моменту высказывания, они выражают его лишь по отношению ко времени действия, которое передается основным глаголом-сказуемым. Деепричастия значат действия зависимые, сопутствующие, воспринимаемые как одновременные или предшествующие, или последующие (предстоящие). Вследствие этого деепричастия не могут выступать в функции финитного глагольного сказуемого.

В соответствии с различающими их суффиксами и некоторыми относительными временными и модальными признаками по отношению к заключительному глагольному сказуемому деепричастия в хорчинском говоре можно классифицировать на следующие разряды: деепричастие на *-дж* (соединительное), деепричастие на *-н* (слитное), деепричастие на *-ад* (разделительное), деепричастие на *-сәр* (продолжительное), деепричастие на *-маги* и *-нәрән* (предварительное), деепричастие на *-лā* (последовательное), деепричастия *-маги* и *-нәрән* (предварительное), деепричастие на *-лā* (последовательное), деепричастие на *-вал* (условное), деепричастие на *-ваш* и *йш* (уступительное), деепричастие на *-хәр* и *хүс* (цели), деепричастие на *-тал* (предела). По традиции они делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и на обстоятельствоженные (все остальные).

Деепричастие на *-дж* обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым, например: *хүхед нег нег ён түлхелдедж, иньледедж герт сүв* 'дети сидели в доме смеясь и подталкивая друг друга'.

В зависимости от контекста соединительное деепричастие может обозначать сопутствующее действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом-сказуемым: *тад биднē энд йрдж шē ү* 'приходит нам, попейте чай'; *үд нēддедж, хуралд оролсон улсүд орд йрөө* 'дверь открылась, вошли участники собрания'; *ер үдер бүр үлнās түлē авдж, хот худалдадж эмдардж бēлā* '[Тот] мужчина, ежедневно собирая топливо (дрова) на горе, продавал его в городе и этим жил'.

Соединительное деепричастие может употребляться и в удвоенном виде, придавая всему деепричастному сочетанию характер длительности, продолжительности действия, например: *гадā йүдж йүдж йрēд бү хүйтен ус ү* 'не пей холодной воды, когда, набегавшись, приходишь с улицы (букв. бегая бегая)'; *гер гадā нāдадж нāдадж йрēд бас нāджджēн* 'наигравшись и возвратясь домой, он снова играет (букв. играя играя)'.

Деепричастие на *-н* обозначает такое действие, которое поясняет конкретизирует значение совершающегося параллельно с ним основного действия, передаваемого глаголом-сказуемым: *ixen үлен инēн ахдāн хеледж* 'плача и смеясь, девочка рассказывает своему старшему брату'. Еще А. Ровников указывал, что слитное деепричастие употребляется «При действии одновременных, когда два глагола описывают одно и то же действие, то одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется только (подобно качественным именам) для ограничения смысла».

гого /1, с. 314/. Слитное деепричастие употребляется чаще всего в функции обстоятельства, но индивидуальной особенностью слитного деепричастия на -н является то, что оно: 1) наиболее тесно связано с действием основного глагола-сказуемого и 2) реже остальных сопутствующих деепричастий употребляется в говоре.

Деепричастие на -ад обозначает зависимое действие, совершенное до наступления другого, главного действия, передаваемого глаголом-сказуемым. Иначе говоря, действия, передаваемые разделительными деепричастиями, если их несколько, совершаются последовательно — по окончании одного начинается другое, например: *жэргэйн хададж барад, гертэн джэдж бэнэ* 'закончив убирать урожай, возят к себе домой'; *мед төрөд, джамын аюадажэ* 'заблудившись, они потеряли дорогу'; *олин их болбо, байш джалад, бшгн үджүлд өрдөм ном эрэн сургаба* 'девочка выросла, пригласили к ней учителя, стали ее учить грамоте, затем и обучать наукам'.

Известна и относительная свобода в их использовании, возможность замены одной формы деепричастия другой. Хотя сочетание разных форм деепричастий и подчеркивает большую выразительность передаваемых ими действий, но некоторая пестрота и неустойчивость сопутствующих деепричастий сохраняется.

Для монгольских говоров весьма показательным является участие сопутствующих деепричастий в различного рода оборотах и в образовании аналитических конструкций. Специфика значения делает их наиболее употребительными и распространенными. Так, сочетание «сопутствующее деепричастие плюс вспомогательный глагол» чаще всего употребляется в качестве сказуемого. В этом случае деепричастие указывает на конкретно передаваемое действие, тогда как вспомогательный или служебный глагол, грамматически оформляя глагольное сочетание-сказуемое, придает последнему видо-временные и модальные оттенки значения. Ср. значения и функции таких глаголов, как *бэ-* 'быть', *йре-* 'приходить', *ява-* 'идти, ехать' и др., которые известны во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

Что касается обстоятельственных деепричастий, то «они могут употребляться только в качестве обстоятельственных членов предложения, являясь обстоятельственными условиями, цели, предела, образа действия, времени и т.п.» /3, с. 281—282/. Эти деепричастия отличает известная определенность и устойчивость как в семантическом, так и в синтаксическом плане.

Деепричастие на -сэр обозначает длительно протекающее действие, в процессе совершения которого происходит другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр джблөн дугар мэлсэр хордн джагад хүрөс* 'кошка, продолжая нежно мяукать, добралась до края забора'; *тер төрөдж төрсэр гертэн хэрджэ* 'он, пробуждая, вернулся домой'; *би нар унтал мал хэрүүлсэр их ядарла* 'я очень устал, пася скот до захода солнца'.

Возможно употребление продолжительного деепричастия на -сэр при основном глаголе-сказуемом в значении, близком к значению предварительного деепричастия на -магш, например: *шг гертэн хэрсэр нэд түрген шимэ өгө* 'приедешь домой, тотчас пришли мне весточку'; *шас орсэр жеуер хүйрен* 'снег продолжал падать, становилось холодно'; *би тері үссэр жэншгиджэ* 'как только его увидел, [тут же] узнал'.

зафиксированы случаи, когда деепричастие на *-сър* используется в функции финитного сказуемого предложения, при этом оно оформляется дополнительным долгим гласным, например: *тă мундѣ сусърѹ?* – *сусарă дă* ‘вы ты продолжаете жить? – Продолжаю жить’; *манѣ ах гертѣн унтсарѣ* ‘старший брат продолжает спать у себя дома’.

Предварительное деепричастие образуется посредством двух суффиксов – *-маш* и *-нарăн* – и обозначает такое зависимое действие, которое сразу же наступает другое. Первое и второе действия глаголов могут быть связаны между собой, как простой временной последовательностью так и причинно-следственной зависимостью, например: *ѳдж хѳтнѳрѳн унтсарă* ‘мать заснула, как только легла’; *орѳ болнѳрѳн (болмош) деу кошѳджѣ* ‘он только наступил вечер, зажгли лампу’; *тер ѳднѳсѳн гарнѳрăн (гармаш) пѳдѳджѣ* ‘как только он переступил порог дома, тут же выстрелил’; *борѳн оррѳн дулăн болджѣ* ‘как только пошел дождь, стало теплее’; *ѳсѳн тѳнѳрѳн хѳрѳд ѳрджѣ* ‘как только свезли сено, тут же вернулись домой’.

Информанты–носители говора ясно различали форму письменную, литературную и разговорную на *-нарăн* и каждый раз замечала: *ѳрлнă* ‘разговорно’. Ср. еще несколько примеров: *тер хѳгѳн хѳрнѳрѳн нѳдхѳр ѳвѳджѣ* ‘как только загнал овец (в сарай), он пошел играть’; *тернѳ ѳджнѳрѳн дулѳджѣ* ‘как только его увидел, он бросился бежать’; *шѳмѳн ѳанѳрăн тер хѳрѳд ѳрджѣ* ‘как только ты ушел, он пришел’.

В говоре форма на *-нарăн* может иногда заменяться и другими, близкими по значению формами. Так, наряду с *бѳ тернѳ ѳджнѳрѳн асѳджѣ* ‘как только увидел, я спросил у него’ возможны: *бѳ тернѳ ѳджсѳр* (*ѳджлѣ сесѳр, ѳджлѣ сесѳр, ѳджмеш*) *асѳджѣ*.

Образование и генезис формы на *-нарăн* пока неясны.

Деепричастие на *-хлă* обозначает такое действие, во время которого или в момент завершения которого происходит главное действие, передаваемое глаголом-сказуемым, например: *соуcoxлă абдар дотор бѳх болмѳ* ‘когда прислушался [к разговору], то понял, что [драгоценность должна находиться] в сундуке’; *шѳнѳн ѳрхлѳ ендѳс нег мѳртѳ хун гарѳд ѳвѳбă* ‘когда приехал, отсюда выехал кто-то верхом’.

Форма на *-хлă* нередко встречается с частицей возвратного притяжания, например: *шѳ ѳвѳхлăгăн ене мѳр унăд ѳв* ‘когда поедешь, поезжай на этом коне’; *бѳден ѳбхлăгăн адлн тухă хелелшѳѳ* ‘когда мы поедем, поговорим о работе’.

Деепричастие на *-вал* (*-бал*) обозначает зависимое действие, при условии наступления которого совершается другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *тер ѳлсѳвал хѳрнѳ эмшнѳ бѳрдж ѳѳд, ундăсвал нѳрнѳн усѳ ѳдж хулѳлѳ* ‘она (собака) все ждала. Если хотелось есть, она ловила степных зверюшек; если мучила жажда, шла к озеру’; *тер аджлăн барбал ѳвѳн* ‘он поедет, если закончит свою работу’; *шѳ терă тервал, бѳ мал хѳрѳлѳ* ‘если ты будешь сеять, я пойду пасти животных’.

Вариантом этого суффикса является разговорная форма на *-ул*, например: *шѳ мнѳ герт хѳрѳл хѳр дѳ* ‘если ты дойдешь до моего дома, то дойди’; *тер хотод сѳгѳл сѳг дă* ‘если он живет в городе, пусть живет’; *ене теңедж хѳлѳ хелег дѳ* ‘если он так говорит, пусть говорит’.

Условное деепричастие на *-вал* (*-бал*) может употребляться и с усиливающим его значение союзом *хөрөө* 'если', например: *ш1 хөрөө хотбс ирвел, мн1 эндбэйр ир* 'если ты вернешься из города, приезжай ко мне'; *хөрөө тер ирвел, б1 баса ирмё* 'если он придет, и я приду'.

Уступительное деепричастие в говоре существует в двух формах — *-ваш(-баш)* и *-jāsh* — и обозначает такое действие, вопреки которому совершается другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр бэх аджр1 медсен болбош аваз араг олсонгүэ* 'хотя кошка и узнала место, где находится драгоценность, но не придумала способа, как ее добыть'; *хелбеш м1м, хелехгүэ болбош м1м иjmё* 'хоть и говори — останется таким, и не говори — то же самое'; *тер хёвоч б1 jавазгүэ* 'хотя он и гонит, я не пойду'; *ус хед1 үjāsh ханахгүэ* 'сколько бы ни пил воды, не напьется'; *одб борбн орjāsh мустгүэ* 'хотя сейчас и пойдет дождь, но от него пользы не будет'; *хелjеш мет1м, хелхүэ болjош мет1м* 'хоть и скажешь, будет таким, и не скажешь, останется таким'.

Чисто разговорным вариантом является *-үш*, например: *хен хелүш тер соу сон* 'кто бы ни говорил, он прислушивается'; *маjаш шас орүш б1 jавнā* 'хотя завтра и пойдет снег, я поеду'.

Деепричастие цели обозначает действие (цель), для осуществления которого совершается главное действие, выраженное основным глаголом-сказуемым. В хорчинском говоре оно образуется посредством двух суффиксов — *-xā(r)* и *-хүэ*. Примеры: *тер мврбн усалxā(r) jавнā* 'он идет, чтобы напоить своего коня'; *бид хоjүлән бадā юхүэ ошнō* 'вдвоем идем, чтобы поесть пиши'; *оxм ус үхүэ ирджэ* 'девочка пришла, чтобы напиться воды'; *ш1 хурдан жулән тосхб(r) гар* 'скорее выходи, чтобы встретить своих телят'.

Деепричастие предела на *-тал* обозначает такое действие, до наступления которого осуществляется другое действие или же является пределом этого главного действия, переданного основным глаголом-сказуемым, например: *хү унтатал бид энд сүjā* 'пока мальчик заснет, мы посидимте-ка тут'; *ш1 хурал болтол хуред ир* 'ты приходи, пока не начнется собрание'; *тер агām үд болтол хүлёлё* 'он ждал брата до полудня'; *ман1 jавтал загас шат бэн* 'до того пока мы поедем, остается еще полчаса времени'.

Иногда деепричастие на *-тал* принимает частицу возвратного притяжания: *б1 ене үдер jаттлән аджл хиджэ* 'я сегодня работал, пока не устал'; *ш1 jавтлән манед сүджэ* 'пока поедешь, ты поживи у нас'.

О глаголе *а* 'быть'

Вспомогательный глагол *а* 'быть' в процессе развития монгольских языков утратил систему форм и почти исчез из этих языков (кроме СПМЯ, дагурского), оставив лишь кое-где реликтовые формы. Ср. в современном монгольском (халха) языке *ажээ* (глагол *а* в форме прошедшего времени на *-жээ*) и *-сам* (рефлекс причастия прошедшего времени *aysan* от глагола *а* в виде суффикса).

В отличие от него в говорах языка монголов Внутренней Монголии под влиянием СПМЯ сохраняется несколько форм глагола бытия *a-*. В живой речорчин зафиксированы *асан* (*аснā*), *аджэ*, *алā* и *эддā* как устойчивые формы прошедшего времени:

а) *асан* (*аснā*) – причастие прошедшего времени глагола бытия *a-* с суффиксом *-сан*. Зафиксированы следующие примеры на употребление этой формы: *би нел сургад орох аснā* ‘мне бы учиться в школе’; *мөр ирвэл би адунд ја аснā* ‘когда приведет коня, я бы поехал за табуном’; *би шн моцол нел аснā* ‘мне бы овладеть новым монгольским письмом’. Употребляясь с причастием будущего времени на *-х*, *асан* выражает модальные оттенки действия, осуществление которого представляется для говорящего предположительным или желательным.

б) *аджэ* – форма прошедшего времени глагола *a-* с суффиксом *-джэ*: *ангандā лам аджэ* ‘раньше он был ламой’; *тернī бхн сехан бхн аджэ* ‘о дочь была красивой девушкой’; *тер хун сэн джацтэ хун аджэ* ‘у того человека был хороший характер’. Примеры показывают, что *аджэ*, связка прошедшего времени, стоит после именной части составного сказуемого и относит действие в отдаленное прошлое. Эта форма глагола встречается также в современном монгольском (*ажээ*) и в бурятском (*ажа*) языках, а в калмыцком она сохранилась;

в) *алā* – архаическая форма прошедшего времени глагола *a-* с суффиксом *-лā*. Ни в СПМЯ, ни в других монгольских языках такой формы нет. Эта форма глагола бытия *a-* удержалась в некоторых говорах восточного диалекта. В хорчинском говоре она встретилась в примерах: *би тернэс энī асува ју гедж хелех алā?* ‘что он ответит, если я спрошу у него об этом?’; *терн јим алā?* ‘что бы это из себя представляло?’; *шī энī хјдж шадат алā?* ‘ты смог бы это сделать?’;

г) *эддā* – по-видимому, это та же форма глагола *a-* в прошедшем времени (ср. СПМЯ *ајуу*, хорч. *аджэ*) с присоединенной к ней частицей *дā*, подвергшаяся фонетической трансформации и произносимая хорчинами слитно. По своей функции она не отличается от *аджэ*. Ср. следующие примеры: *еншн демтэ хун эддā* ‘он был образованным человеком’; *Бату хунэ үгенд баян хун эддā* ‘Бату был человеком, который радовался (добрым) словам людей’. Присутствием частицы *дā* подчеркивается результативный характер состояния, выраженного этим сочетанием. Особенно это заметно, когда *эддā* стоит после слова *тīm* ‘такой’ при отрицании в первой части предложения, например: *тенхүэ јāх јим, үл тīm эддā?* ‘как это не узнает, [конечно, узнает], не ты ли?’.

Наречие

Наречия во всех говорах в основном те же, что и в СПМЯ. Их отличия сят главным образом фонетический или лексико-семантический характер. Наречия по своему значению подразделяются на несколько разрядов. В хорчинском зарегистрированы следующие их разряды:

1) наречия, указывающие на место совершения или на направление действия предмета, например: *енд (менд)* 'здесь, тут' (*ши менд сүджэ, би иренэ* 'ты посиди тут, я приду'); *тенд (метенд)* 'там' (*шнги бэли метенд бэн* 'твоя дочь находится там'); *нашан* 'сюда, в этом направлении (сторону)' (*та нашан харā дā* 'вы посмотрите сюда, в эту сторону') и др.;

2) наречия, указывающие на время совершения действия, например: *ерт (ерте)* 'рано' (*жер ерт унтād ерт боснō* 'он рано ложится спать и рано встает'); *орд* 'поздно' (*биден ене удер бāхан орд бослō* 'мы сегодня встали немного поздно'); *мунē, одō* 'сейчас' (*шнги ах мунē хā бэлиж?* 'где сейчас находится твой старший брат?'); *хајā* 'изредка' (*жер манз енд хајā ирен* 'он изредка приходит к нам') и др.;

3) наречия, указывающие на степень, интенсивность признака действия, например: *маш* 'весьма, очень' (*жернз мōр маш турдан гүн* 'его конь бежит очень быстро').

По способу образования наречия неоднородны. Наиболее распространенным способом образования наречий является суффиксальный.

Этимологически наречия восходят к разным разрядам слов. В зависимости от этого они бывают и сложными, образованными из сочетаний нескольких компонентов, ср., например, *енд (менд)* и *тенд (метенд)*, застывшие в форме дательного-местного падежа (т.е. состоящие из древних основ *ен-, тен - + -д*).

Наречия, указывая на признак действия, выступают при глагольных и именных членах предложения в функции различного рода обстоятельств.

Служебные слова

Послелогои. Выполняя служебную функцию, послелогои управляют той или иной падежной формой именных разрядов слов и употребляются после того имени, к которому они относятся. В большинстве своем послелогои являются вторичными, восходящими к различным разрядам знаменательных слов. Собственно послелогов в говоре немного. К ним можно отнести, например, такие, как *толō* 'для, ради, за', *тухā* 'о, относительно', *мет* 'как, подобно, словно' и некоторые другие.

Основную массу послелогов составляют те, которые образовались на базе разных частей речи — в основном имен существительных, наречий и редко глаголов, которые, утрачивая лексическую и синтаксическую самостоятельность, употребляются в качестве послелогов. Однако значение послелогога не может быть реализовано вне связи с падежной формой имени. Значения послелогов выступают отчетливее, если они рассматриваются в сочетании с управляемыми ими именами.

В говоре зафиксированы послелогои, которые требуют постановки имен в родительном, исходном, совместном падежах, а также в форме основы.

Послелогои с основой имени:

дёр имеет пространственное значение — местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо), например: *гер дёр бӯ гарā* 'не залезай на крышу дома'; *ене штрē дёр бэсан иж хā бэн?* 'где та вещь, которая лежала на этом столе?';

дӱр указывает на местонахождение предмета под чем-либо, например: *уссен дӱр хестлӱ* 'он лежал под сеном'. Хорчины произносят это слово так как зафиксировано в СПМЯ — *доога*, т.е. с долгим гласным;

дотор употребляется в пространственном значении, но с оттенком направленности действия внутрь чего-либо (в, внутри...) или с оттенком «среди в кругу», например: *ирсен улс гер дотор сунӱ* 'приехавшие сидят в доме'; *енд ирсен улс дотор Батӱ бас бӕн* 'среди прибывших есть и Бату';

мет употребляется при уподоблении со значением 'как, словно, подобно': *шас мет шагӱн* 'белый, словно снег'; *далӱ мет иӱн* 'глубокий, словно океан-море';

Эдал 'как, подобно, одинаково': *елдӱн эдал мал* 'животное наподобие осла'. Хорчинский говор показателен тем, что в нем послелоги *эдал* управляет также и именем в дательном-местном падеже: *шамд эдал* 'подобно тебе'; *мӱронд эдал* 'подобно лошади';

хуртел 'до' указывает на предел распространения действия во времени в пространстве, например: *шӱ немӕтӱ ирс сар хуртел хулӱ* 'ты жди меня до сентября месяца'; *гер хуртел эрӱн гаджр бӕн* 'до дома порядочное расхождение';

Послелоги с родительным падежом:

дӱр и *дотор* 'в, внутри' указывают на местоположение предмета, например: *харандӱштӱ шрӱн дӱр хестнӱ* 'твой карандаш лежит под столом'; *герӱн дотор хен бӕн?* 'кто находится внутри дома?';

дунд 'в, среди': *герӱн дунд сунӱ* 'сидит в центре юрты', но *олнӱ дунд* 'среди общества людей';

хӱронд 'между': *герӱн хӱронд* 'между домами'; *бадӱ шангӱн хӱронд идӱлӱн* 'ест, не дожидаясь, пока сварится пища';

ард 'позади': *мал улӱн ард идедж жаван* 'скот пасется позади горы (за горой)';

оронд 'вместо': *шӱ мнӱ оронд ошӱд ир* 'ты поезжай вместо меня';

дарӱ 'после': *тернӱ дарӱ гарӱ* 'ты выйди после него'; *ус ӱснӱ дарӱ дам ӱджӱ* 'после того как попил воды, стал курить';

хӱн 'после': *нег сарӱн хӱн...* 'после месяца...';

толӱ 'за, ради, для': *ардӱн толӱ темшӱн* 'борется ради аратов'; *ех орнӱ толӱ хушӱн гарган* 'отдает все силы за родину';

тухӱ 'о, насчет, относительно': *алӱн тухӱ жералшав* 'говорили насчет старшего брата'. Здесь приведены наиболее употребительные послелоги, часто встречающиеся в разговорном языке.

Послелоги с исходным падежом встречаются редко, нами зафиксировано лишь *урт* 'до, до того как': *нарнас урт бослӱ* 'встал до восхода солнца'; *борд орхӱс урт джавар хедӱллӱ* 'до того как идти дождю, поднялся ветер';

Послелоги с совместным падежом также редки. К ним относятся:

хамт 'с, вместе': *мнӱ ху нег хуншӱ хамт ирджӱ* 'мой сын приехал вместе с каким-то человеком'; *тер Алтансаутӱ хамт жавӱлӱ* 'он уехал вместе с Алтансаном';

эдал 'подобно': *тер шамтӱ эдал шадалтӱ* 'он такой же сильный, как и ты';

Союзы. В говоре представлено незначительное количество союзов, известных из СПИМЯ. К ним относятся: *бā* 'и', *бөгөд* 'и, да', *болон* и *болбо* 'и', *мөртөн* 'а', 'хотя', которые используются в основном для связи однородных членов предложения. Примеры: *биден мал ба хогон тегш өслөн* 'мы одинаково разводим и крупный скот и овец'; *емел ба хаджаран нашан орул* 'внеси сюда седло и уздечку'; *жер хун джалу бөгөд гинхэ* 'тот человек молодой и стеснительный'; *ајаг болон шанган дөшөн, шредерт тев* 'чашки и разливательную ложку положи наверх, на стол'; *шг гертес малаг болдо белг эштр* 'ты принеси из дому шапку и рукавицы'; *дүмнй бага мөртөн эмтга* 'мой младший брат молодой, а робкий'.

Следует отметить, что союзов в говоре мало, встречаются они в разговорной речи редко.

Частицы. В говоре встречаются достаточно часто и придают дополнительные модальные оттенки значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений. Частицы делятся на следующие группы.

Вопросительные:

а) *Г* употребляется с изъявительными формами (в основном с глаголом настоящего-будущего времени на -нā): *шг маган јавнг?* 'едешь ли ты завтра?'; *тер шэгән үдөжнг?* 'пьет ли он чай?'; *әв бадаган јөдөжнг?* 'ест ли отец свою пищу?'. Частица *Г* встречается также и при имени существительном: *ене танг үзрг?* 'это ваш скот?';

б) *ү* ставится после формы прошедшего времени: *аджэ хоршон дөр ошджү?* 'ходил ли отец в кооператив?'; *тер ерт јавджү?* 'рано ли он уехал?'; *шг маган јөдөжү?* 'ты поел мяса?';

в) *е, бг (өг), ба* встречаются с именами и причастиями: *тер хенг мөров?* 'тот чей конь?'; *та хедг малтг бг?* 'сколько у вас скота?'; *тер дэс шнг ба?* 'тот пояс твой?'; *та хеджг јрсен бг?* 'когда вы приехали?'. Как видно из примеров, все они стоят в конце слова, к которому относится вопрос.

Отрицательные:

1) препозитивные: а) *үл* употребляется в основном с формой причастия на -ш: *үл бүтеш јимнэ үгөр бү үг хг* 'не стоит принимать во внимание слова человека, который не выполнит обещание'; б) *ес* в говоре встречается редко, в основном перед формами причастий: *ес бүссенёр бү ашлā* 'из-за того что не исполнилось (намеченное), не расстраивайся'.

2) постпозитивные: а) *үгэ (үгүгэ)* встречается в основном с отдельными формами причастий и деепричастий: *тер херсанүгэ* 'он не пошел домой'; *багш јавдж үгүгэ* 'учитель не уехал'; б) *дэ* (< письм. монг. *edül, dül* 'еще не') употребляется с формой причастия настоящего времени: *бг бас олдэ* 'я тоже еще не нашел'; *тер сердэ* 'он еще не проснулся'.

Частицы запрета: *бү* — препозитивная частица, встречающаяся лишь при повелительно-желательных формах: *усанд бү орд* 'не входи в воду'; *шг бү үр хүрд бэ* 'ты не злился'.

Утвердительные:

а) *л:* *ене ушрг тер л меден* 'причину этого именно он знает'; *ат шг сэн л үлā* 'брат вдоволь напился чаю';

б) *шӯ: ноҳӯ хаджан шӯ, бӯ гар хур* *не трогай, укусит собака*; *тер сӯ мнӣ дӯ шӯ* *тот, сидевший, — мой младший брат*;

в) *дӯ: шӯ хурдан жавас дӯ* *ты скорее поезжай*; *тӯ туралд орбс дӯ* *ты походи на собрание*; *хӯ нег гуа ден дӯ* *мальчик ест дыню*; *малён шайён тбс дӯ* *отгони подальше свой скот*.

Уступительные:

а) *ш* ставится отдельно от слова: *енӣ би ш шатхуғ* *это и я не смог сделать*; б) *шаг (шулӯ, шултә): хенӣ үгӣ шаг сонсохуғ* *хотя никого (буничьих слов) и не слушает*. Этимология частиц *шулӯ, шултә* остается пока неясной.

Частица одобрения *джә*, например: *шӣ манӯд ошӯд мнӣ ном а јрбә. — джә, би авӯд јрјбә* *ты сходи к нам и принеси мою книгу. — Ладно, принесу*. В основном эта частица употребляется при ответе на просьбу стоящих.

Частица сомнения *бә*, например: *тер гертәс гардж жавсан танӯ бә* *тот, который вышел из дома, ведь ваш брат*; *ене үдер шннк долбн бә* *сегодняшний день не седьмое ли число месяца?*

Междометия служат для выражения чувств и побуждения. В говоре зафиксирована лишь группа междометий, передающих чувства:

а) *ә, ї* выражают чувство сожаления, досады, пренебрежения: *ә, хїра хун!* *о! несчастный человек!*; *ї, шӣ јӯ ш хїдж шадатхуғ* *эх, ты ничего не умеешь делать*;

б) *әш (дә)* выражает чувство сожаления: *әш, тә јамар амар үгүә хун!* *ай! какой вы беспокойный человек!*

в) *нӯ* выражает чувство отвращения: *нӯ, јамар мӯхә үнер јмӣ* *фу, какой отвратительный запах*;

г) *јә, јә —јох* выражают чувство сильной боли: *јә, гармнн тзв, өвддә* *ой! выпусти руку, больно!*

д) *јї—јї* выражает чувство удивления, восхищения: *јї—јї, үджидж өг!* *о! посмотри-ка!*

е) *шш—шш* выражает чувство неприятного ощущения холода: *шш—шш, ене үдер јамар хїтен үдер јмӣ* *брр, какой сегодня холодный день*. Все перечисленные междометия являются непроезными.

ДЖАСАГТУСКИЙ ПОДГОВОР

Хошун входил в состав Хулунбуирского и Джеримского аймаков. Речь телей хошуна Джасагту-ван сохраняет некоторые отличия, обусловленные территориальным положением, что позволяет выделить его в качестве отдельного подговора.

Особенности фонетики. Гласный *ө* СПМЯ в джасагтуском подговоре читается в виде более узкого огубленного гласного *ү*⁶:

⁶ Речь племен хорчин, джарут и горлос в основном одинакова. Состав гласных и согласных звуков в них также одинаков, но в произношении каждого из них заметны некоторые отклонения.

	Дархан	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>öndür</i> "высокий"	үндөр	үндөр	үндөр	үндөр
<i>ölügei</i> "люлька"	үлгй	үлгй	үлгй	үлгй
<i>dörüge</i> "стреля"	дүрб	дүрб	дүрб	дүрб

Однако в зависимости от произношения носителей того или другого говора гласный *ö* может реализоваться и как *е*, и как *ү*. Ср., например: *mönggün* "серебро", дархан *мүң(ен)*, джасагту *мөң(ен)*, джарут *мүң(ен)*, горлос *мөң(ен)*.

Благодаря влиянию аффрикат *ʃ* и *ʒ* гласный *е* первого слога слова в хорчинском говоре в целом (т.е. в говоре и подговоре) имеет тенденцию перехода в более узкий гласный *ɪ*, например:

	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>ʃebseg</i> "оружие"	дʒеґсег	дʒеґсег	дʒеґсег
<i>ʒeʒen</i> "мудрый"	шʒиʒн	шʒиʒн	шʒиʒн

В небольшом количестве слов старописьменному монгольскому *u* соответствует в говоре гласный *о*. Аналогичное наблюдается и в речи джарут и горлос, например:

	Хорчин	Джарут	Горлос
<i>buda-</i> "красить"	бодо-	бодо-	бодо-
<i>mungqay</i> "невежественный"	моңгог	моңгог	моңгог

В отличие от них в джасагтуском подговоре старописьменный монгольский *u* сохраняется. Подобное заметно и в речи горлос, например:

	Джасагту	Горлос
<i>bulay</i> "родник"	булай	булай
<i>subud</i> "жемчуг"	субуд	субуд

В хорчинском говоре и джасагтуском подговоре не имеет места перелом гласного *ɪ* в следующих словах:

	Хорчин (дархан), Джасагту
<i>kljajalang</i> "четырёхгодовалый" (о животных)	хиджалан
<i>btegü</i> "канун Нового года"	бтгү
<i>bllegü</i> "точильный камень"	блгү
<i>stregün</i> "грубый"	штргүн
<i>kllyasun</i> "волос (конский)"	хллас(ан)

В речи горлос вместо хорчинского *шалдж* "клеш (накожный)" произносятся *шлдж*.

Замечается переход СПМЯ *ʃ* или *ʒ* перед согласными *t*, *ʃ* и *s* (*ʃ*) в хорчинском говоре и джасагтуском подговоре в спирант *x*. Примеры:

	Хорчин	Горлос
<i>mayta-</i> "хвалить"	махта-	махта-
<i>aysum</i> "буйство"	атсам	атсам

Однако иногда и в самом хорчинском, и в речи горлос γ или g остаются без изменения:

<i>joγsoγa-</i>	*прекращать*	<i>джоxсō-</i>	<i>джоxсō-</i>
<i>jigsi-</i>	*испытывать отвращение*	<i>джигш-</i>	<i>джигш-</i>

В джасагтуском подговоре известны чередования:

- а) вместо аффрикаты γ в нем употребляется иногда взрывной согласный $д$, например: *degüjite-* *привесить*, в джасагту *дүдле-*, в горлос — *дүдгле-*;
б) в небольшом количестве слов вместо $н$ встречается $л$:

		Джасагту	Горлос
<i>nabči</i>	*листья*	<i>лэвш</i>	<i>лэвш</i>
<i>nabte</i>	*сквозь*	<i>лэшт</i>	<i>лэшт</i>

в) несколько изолированным представляется чередование в хорчин и джасагту согласных $н/л$:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
<i>Intyedün</i>	*смех*	<i>төд(ен), тјөд(ен)</i>	<i>төд(ен), тјөнү</i>
<i>sonin</i>	*новость, весть*	<i>сөнн, сөйт</i>	<i>сөнн, сөйт</i>
<i>ünür</i>	*запах*	<i>үнер, үјер</i>	<i>үнер, үјер</i>

Слово *тјөнү* *смех* кроме джасагтуского подговора зафиксировано еще в речи горлос.

В небольшом количестве слов наряду с образованием долгого гласного сохраняется интервокальный согласный, например:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
<i>slgüderl</i>	*роса*	<i>сүндер</i>	<i>сүндер</i>
<i>boγumta</i>	*преграда*	<i>богбмт</i>	<i>ббмт</i>
<i>barγan</i>	*скарб*	<i>баргән</i>	<i>баргән</i>
<i>ayalji</i>	*паук*	<i>агәлдж</i>	<i>атгәлдж</i>

За пределами хорчинских хошунов харчины и туметы Джостуского аймака произносятся слово «паук» как *агәлдж*, монголы хошуна Джалайт — в форме *атгәлдж*. Дурбеты и горлосы отличаются несколько особым произношением его как *атгәлдж*.

Соответствие СПМЯ аффрикаты γ в позиции перед $т$ и остальными гласными джасагтускому спиранту $ш$ сближает последний с хорчинским говором. Эта характерная черта присуща также речи джарут и горлос.

<i>čillüge</i>	*свободное время*	<i>шөлө</i>	<i>шөлө</i>	<i>шөлө</i>
<i>čtsün</i>	*кровь*	<i>шус(ан)</i>	<i>шус(ан)</i>	<i>шус(ан)</i>
<i>čog</i>	*горящий уголь*	<i>шот</i>	<i>шот</i>	<i>шот</i>
<i>čarča-</i>	*охлаждаться*	<i>шарша-</i>	<i>шарша-</i>	<i>шарша-</i>

Мы уже отмечали, что широкое употребление спиранта $ш$ служит известным критерием для выделения хорчинского говора среди всех остальных говоров и диалектов. В настоящее время представляется возможность точно установить границы распространения спиранта $ш$. Помимо хорчин к γ -говору

близки джасагтский и джалайт-дурбетский подговоры и речь племен джарут, северных и южных горлос.

Особенности морфологии. Характерной чертой склонения в джасагтском подговоре является наличие направительного падежа. Об образуется прибавлением к основе имени суффикса *-джү*, восходящего к послелогу *джүг* (имени со значением «сторона, направление»). Если в речи хорчин (дархан) *джүг* встречается в полной форме (например, *шĭ үлан джүг үджĕ* «ты посмотри на гору») и отдельно от слова, то в джасагтском подговоре он, приобретая долготу, пишется слитно, как любой падежный суффикс, например: *манĕ мбрĭд усанджү ĭрлĕ* «наши кони пришли к водопою»; *тер нох надджү ĭрлĕ* «та собака прибежала ко мне»; *минĭ ахĭ хон худанджү јавлĕ* «овцы моего брата направились к колодцу».

Послелог *үрү* употребляется так же, как и в хорчин, например: *тер мбртĕ хүн ĕл үрү ордж ĭрджĕ* «тот всадник въехал в селение». Здесь *үрү* сохраняет свое послеложное значение. То же самое и в джарутской речи: *хад үрү унлĕ* «упал с горы»; *гер үрү орлĕ* «вошел в дом».

В отличие от говора в джасагтском подговоре сохраняются две формы порядкового числительного. Помимо единого для говора и подговора суффикса *-дугар* (например, *гурав* «три» — *гуравдугар* «третий») в джасагтском подговоре имеется суффикс *-дахи*, который по типу порядковых числительных в бурятском языке пишется слитно. Примеры:

Хорчин (дархан)		Джасагту
<i>негдугар</i>	«первый»	<i>негдугар, негдахи</i>
<i>дүрөвдугар</i>	«четвертый»	<i>дүрөвдугар, дүрөвдахи</i>
<i>тавдугар</i>	«пятый»	<i>тавдугар, тавдахи</i>

В речи джарут и горлос суффикс *-дахи* не зафиксирован, как джаруты, так и горлосы используют суффикс *-дугар*: *гушдугар* «тридцатый», *јиддугар* «девятый» (джарут) и *тавдугар* «пятый», *долбдугар* «седьмой» (горлос).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *бĭ* «я», *шĭ* «ты» также сохраняют супплетивные основы косвенных падежей. Ср. следующую парадигму:

1-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>
Род.	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>
Дат.-местн.	<i>нĕд</i>	<i>нĕд, намĕд</i>	<i>нĕд</i>
Вин.	<i>менĕг</i>	<i>немĕг</i>	<i>немĕгĭ</i>
Исх.	<i>нĕдĕс, надĕс</i>	<i>нĕдĕс, намĕс</i>	<i>нĕдĕс</i>
Орудн.	<i>надĕр</i>	<i>надĕр</i>	<i>нĕдĕр</i>
Совм.	<i>надтĕ</i>	<i>надтĕ</i>	<i>нĕдтĕ</i>

2-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>
Род.	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>
Дат.-местн.	<i>шамд</i>	<i>шамд, шамĕд</i>	<i>шамд, шĕмĕд</i>
Вин.	<i>шĕмĕг(г)</i>	<i>шĕмĕг</i>	<i>шĕмĕгĭ</i>

Иск.	шамās	шэмэйās	шэмэйās
Орудн.	шамār	шамār, шамāгār	шэмэйār
Совм.	шамтэ	шамтэ, шамātэ	шэмэтэ

Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа не имеют отличий внутри говора, хорчины, джаруты и горлос произносят их одинаково.

Система глагола в джасагтуском подговоре та же, что и в хорчинском говоре. Существенных различий ни в образовании, ни в значении и употреблении их не наблюдается.

Здесь мы обращаем внимание лишь на те немногие черты, которые не были учтены при общей характеристике хорчинского говора. Эти же особенности типичны и для джасагтуского подговора.

В хорчинском говоре и подговоре джасагту, а также в речи джарут встречается суффикс *-тай* (*-тайā*), образование и значение которого пока не ясны. См. примеры: *шī ene эджлī хлētөв* 'сделать бы тебе эту работу'; *шī гертөв нел сугтай* 'посидеть бы тебе немного дома' (джасагту); *бид тэргāн үджөтөйэ* 'посмотреть бы нам свои посева'; *бид эшрсан бадāгāн иджджāгā-тайя* 'покушать бы нам принесенную пищу' (джарут).

В говоре и подговоре, а также в речи джарут употребляется глагольная форма *-лаиγүэ*, состоящая из *-лаи* и отрицания *γүэ*. Семантика *-лаи* не совсем ясна. Может быть, *-лаи*, присоединяемый к основе глагола, представляет собой суффикс, образующий отглагольное имя с отвлеченным значением типа «делание», «хождение», «говорение». В джасагтуском подговоре зафиксированы примеры: *шī јавлаиγүэ* 'ты не ходи'; *та мбрөн өллөйүэ* 'вы не отдавайте своего коня'; *шīm бол шī хлеллүэ* 'если так, ты не делай'.

Во всех говорах и диалектах известна глагольная форма на *-л* + отрицание *γүэ*, например: *енī хелел γүэ болхүэ* 'не сказать об этом нельзя'; *тер хүшнī хл γүэ јавшнджэ* 'оказывается, он уехал, не закончив работу'.

Однако между указанными выше двумя формами есть и отличие. Записанные в говоре примеры говорят о том, что глагол с *-лаиγүэ* замыкает предложение, за ним не следует другое слово или частица.

Обратим внимание на еще одно глагольное образование. Здесь речь идет о группе глаголов с суффиксом *-сгё* (несамостоятельная форма на *-с* + *гё* 'говорить' или *хл*. 'делать').

В подговоре и хорчинском говоре зафиксировано несколько примеров на глаголы движения и состояния с суффиксом *-сгё*. Присоединяясь к основе побных глаголов, суффикс *-сгё* несколько видоизменяет лексическое значение исходной основы, ср.: *тер эрхл халγүл* 'подогрей то вино' — *тер эрхл халсгё* 'немножко подогрей то вино'; *шī амрā* 'ты отдохни' — *шī амрасгё* 'ты немножко отдохни'; *тā энд хүлэ* 'вы подождите здесь' — *тā энд хүлесгё* 'вы немножко подождите здесь'; *шī урашāн јав* 'ты пройди вперед' — *шī урашāн јавсгё* 'ты немножко пройди вперед'. Эти соотносительные пары глаголов передают разные действия. В данном случае суффикс *-сгё* привносит в глагольную основу значение кратковременности, ограниченности действия. Это своеобразно недолго длящегося действия, протекания его в ограниченных пределах. Лишний раз подчеркивается в хорчинском постановкой перед глаголом на *-сгё*

таких поясняющих слов, как *нег бага* 'немного, немножко', например: *шэйтэн нег бага халүүлсгэд авад ир* 'немного подогрей чай и носи его сюда'.

Мы уже отмечали, что типичным для разговорной речи является наличие предварительного деепричастия на *-нэрэн*, которое встречается во всех говорах и подговорах восточного диалекта.

В говоре и джасагтуском подговоре часто глаголы с суффиксом *-нэрэн* могут быть заменены:

а) глаголами на *-сэр* (продолжительное деепричастие): *би тер хүнт үссэр тэнджэ* (*би тер хүнт үджнэрэн тэнджэ*) 'как только увидел того человека, я (тут же) узнал его';

б) глаголом в прошедшем времени с последующим за ним глаголом *ге-* (в переносном значении 'полагать, решить') в форме продолжительного деепричастия: *бид хеллэ гесэр медджиджэ* (*бид хелнэрэн медджиджэ*) 'как только мы сказали, нас поняли'; *ш! ирвэ гесэр бид яван* (*ш! ирнэрэн бид яван*) 'как только ты придешь, мы пойдем'.

При втором варианте характерно то, что вспомогательный глагол *ге-* может быть опущен, ср.: *-ендэс нутаг хүртэл хол?* 'далеко ли отсюда до кочевий?'; *тол үгүэ, мүн дбр гарла* (вместо ожидаемого *гарнэрэн, гарла гесэр*) *хүршлен* 'нет, недалеко. Как только спуститесь вниз, считайте, что вы уже добрались'; *мин! аз эрх дэжүгэ, нег бага үвэ* (вместо ожидаемого *үнэрэн, үвэ гесэр*) *солтон* 'мой брат не выносит алкоголя, как только немного выпьет, становится пьяным'.

ДЖАЛАЙТ-ДУРБЕТСКИЙ ПОДГОВОР

Носители джалайт-дурбетского подговора живут в разных местах: джалайты — на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия, а дурбеты — в провинции Хэйлуцзян, за пределами Внутренней Монголии.

Джалайты составляют население одного хошуна под наименованием Джалайт. Хошун граничит на севере с солонами Хулунбуирского аймака, на востоке — с дурбетами, на юге — с горлосами провинции Хэйлуцзян, а на западе — с хорчинами. Джалайты много веков живут рядом с хорчинами западного крыла (Туше-гун, Джасагту-ван).

Дурбеты также составляют один хошун, граничащий на севере, востоке и юге с провинцией Хэйлуцзян, а на западе — с джалайтами Хулунбуирского аймака.

Особенности вокализма и консонантизма. Состав гласных звуков джалайт-дурбетского подговора не отличается от хорчинского говора. В нем гласные первого слога *a* и *o* благодаря влиянию гласного *i* второго слога развились в гласные переднего ряда *э* и *ё*. Примеры: *taklya* 'курица', *alilya* 'платок', *qoni* 'овца', *çori-* 'стремиться' — джал.-дурб. *тэхэ, элшүр, хбн, джёрл*.

Если дифтонги *ai* или *oi* СПМЯ в конце слова отражаются в джалайт-дурбетском говоре как долгие *э̄* или *ё̄*, то гласными первого слога стано-

вятся соответственно краткие гласные ϵ или $\bar{o}$, например: *datal* 'океан', *ḡa-ral* 'лицо', *orol* 'поздно', *qormai* 'подол' — джал.-дурб. *ḡelḡ*, *ḡerḡ*, *ḡrḡ*, *ḡbrḡ*

Характерная для всего хорчинского говора фонетическая особенность — развитие аффрикаты $\check{c}$ (как перед гласной *l*, так и перед остальными гласными) в спирант *ш* — является общей и для джалайт-дурбетского подговора. Джалайты и дурбеты на месте старописьменной монгольской аффрикаты $\check{c}$ и спиранта *s* произносят лишь один спирант *ш*, что обликает их речь с речью хорчин. Примеры: *qayučin* 'старый', *ḡisun* 'кровь', *temeḡe-* 'бороться', *viḡḡu-* 'возвращать', *ḡabḡi* 'листья' — джал.-дурб. *ḡuḡin*, *ḡut(ан)*, *ḡeḡi-*, *ḡuḡa-*, *ḡeḡeḡ*.

Одной из типичных черт подговора является отсутствие в составе согласных звуков переднеязычного согласного — спиранта *s*, известного во всех остальных говорах Внутренней Монголии, а также и во всех других монгольских языках.

Употребление вместо него взрывного *т* придает речи джалайт-дурбет исключительное своеобразие, выделяя в этом отношении джалайт и дурбет среди всех остальных монголов.

Обилие слов со взрывным *т* становится четко различимым признаком, определяющим подговор в целом. Остается, однако, неясным, был ли он с самого начала *t*-подговором, или это результат более позднего развития, когда *s* был заменен на *т*.

Хорчин		Джалайт-дурбет
<i>сар</i>	'луна, месяц'	<i>тар</i>
<i>сургаḡ</i>	'школа, учеба'	<i>тургаḡ</i>
<i>шас(ан)</i>	'снег'	<i>шат(ан)</i>
<i>согтḡ</i>	'пьяный'	<i>тогтḡ</i>
<i>асуḡт</i>	'вопрос'	<i>атуḡт</i>
<i>солчḡ</i>	'левша'	<i>толчḡ</i>
<i>джожсо-</i>	'стоять'	<i>джожто-</i>
<i>джалас(ан)</i>	'рыба'	<i>джалат(ан)</i>
<i>сол-</i>	'менять'	<i>тол-</i>
<i>соḡсо-</i>	'слышать'	<i>тоḡто-</i>
<i>босо-</i>	'вставать'	<i>бото-</i>
<i>тусла-</i>	'помогать'	<i>тутла-</i>

Имеется лишь несколько слов, где вместо ожидаемого *т* встречается $\check{d}$ (в конечной позиции), например:

	Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>ḡes, ḡs</i>	'медь, медный'	<i>ḡжic</i>
<i>bḡs</i>	'ткань, материя'	<i>ḡүс</i>
<i>ḡerḡes</i>	'завет, завешание'	<i>ḡерḡḡ</i>
<i>qubḡasun</i>	'одежда, платье'	<i>ḡөвḡос(он)</i>
		<i>ḡуḡшад</i>

Из аффрикат известна только *дж*. Старописьменная монгольская аффриката $\check{c}$ как перед гласной *l*, так и перед остальными гласными остается в подговоре без изменения, т.е. сохраняет свой шипящий характер. Примеры:

Joba 'мучиться', *qajayar* 'уздечка', *Yiguyayap* 'шесть', *Jüsum* 'ломоть, кусок', *ayafñi* 'паук', *Yiguyay* 'иноходь' — джал.-дурб. *джого-*, *хэджар*, *джурга(н)*, *джутем*, *атгадж*, *джорб*.

Особенности морфологии. Множественное число образуется так же, как в хорчинском говоре, используются те же суффиксы. Следует лишь отметить, что в подговоре суффикс *-т* не имеет самостоятельного употребления, он выступает вместе с другим, в удвоенном виде как *-түд*, например: *ноjin* 'нойон, князь' — *нотүд*; *ем* 'женщина' — *емтүд*. Ср. во фразах: *терини jixtūd daxād jaxtīmī?* 'последовал ли он за взрослыми?'; *шулардж бэтан ертүдшин jaxtīmī?* 'куда делись мужчины, которые стояли группой?'. .

В результате определенных фонетических явлений некоторые падежные формы в подговоре принимают своеобразный облик. Винительный падеж не имеет суффикса *-и*, в нем могут встречаться или *ī*, или *-iī*; первый вариант присоединяется к основам имен, оканчивающихся на все согласные, а второй — к основам на долгие гласные: *мөд*, *мод(он)* 'дерево' — *мөдī*, *модī*; *гер* 'дом' — *герī*; *утат(ан)* 'нитка' — *утатī*; *дү* 'младший брат' — *дүгī*; *шулү(н)* 'камень' — *шулүгī*.

Исходный падеж в джалайт-дурбетском образуется суффиксом *-āt*, соответствующим хорчинскому *-āo*: *шат* 'время' — *шатāt*; *гол* 'река' — *гольнөт*; *гер* 'дом' — *герөт* (*бүд ене голнөт ут аван* 'мы берем воду из этой речки'; *терини емшөт джалтан ем* 'то — лекарство, прописанное врачом'; *шатит шатан jimē?* 'разве это белее снега?'; *децнөт бāхан голд тү* 'сядь подальше от лампы').

В джалайт-дурбетском зафиксирован суффикс направительного падежа *-джү*. Он имеется в речи носителей джасагтуского подговора, территориально наиболее близкого к джалайтам. Примеры: *тер түн мэмь герджү јавджэн* 'тот человек идет по направлению к нашему дому'; *тугалд голджү јавлә, ші гарād уджешн* 'телята направились к реке, выйди и посмотри (что с ними)'; *тер худаджү јавлә* 'он отправился к колодцу'.

Имя числительное отличается незначительными фонетическими особенностями. Ср.: хорч. *јүс(ен)* 'девять' — джал.-дурб. *јүт(ен)*. Обращает внимание наличие в подговоре нескольких счетных слов, сходных с такими же в хорчинском говоре. Несколько примеров из дурбетского: а) *толог* 'штука (голова)' для счета животных, но здесь относится к овощам: *бүд тер джл джүн толог туанда авлә* 'в том году мы получили сто головок чеснока'; б) *ул* 'корень' (для растений, овощей): *Батүнāхан шатан нолд мэчан ул авас* 'семья Бату получила тысячу кочанов капусты'; в) *бөлт* 'связка' (для растений): *хөрон бөлт үст хаджэ* 'накосили двадцать связок травы'; г) *гер(р)* — для счета сигарет: *нег гер) дамаг үјә* 'выкурим по одной сигарете'.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *би* 'я' и *ши* 'ты' в косвенных падежах имеют небольшие отклонения от джасагтуского подговора:

Им.	<i>би</i>	<i>ши</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>шині</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>шамд</i>
Вин.	<i>манē, мэнсгī</i>	<i>шэ мс, шэмсгī</i>

Исх.	<i>nādāt</i>	<i>шамāt</i>
Орудн.	<i>nādār</i>	<i>шамār</i>
Совм.	<i>найтē</i>	<i>шамтē</i>

В падежах дательного-местного, исходного, орудного и совместного употребляются основы *nād-* (*над-*) для 1-го лица, *шам-* для 2-го лица, к ним присоединяются суффиксы соответствующих падежей. Все остальные разряды местоимений в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре образуются и употребляются одинаково.

Некоторые глагольные категории в джалайт-дурбетском подговоре могут оформляться иначе, чем в хорчинском, в зависимости от фонетических изменений. Отдельные суффиксы ограничены в своем использовании.

В речи дурбет заметна предпочтительность в употреблении суффикса глагола прошедшего времени *-дж* (вместо суффикса с долгим гласным), например: *бид үшгедер јирдж* *мы приехали вчера*; *тер шимѐ јиртен хбн јавдж* *он уехал после того, как получил известие*. Однако употребительна и вторая форма глагола на *-джē*.

Причастие прошедшего времени имеет суффикс *-тан*: *шэмē јастанд би байлаа* *я радуюсь твоему отъезду*; *мині ху хбн хэрүлтан билē* *мой сын пас овец*; *хоршбнд оштон улт јирджē* *вернулись люди, которые ездили в кооператив*.

В качестве суффикса продолжительного деепричастия употребляется *-тар*: *мортү хүн доволтөр јрлѐ* *прискакал верховой*; *бид малан утазтөр*; *бегид үдрі баршиджē* *весь день потратили на то, чтобы напоить скот*.

Редко встречается в подговоре суффикс деепричастия цели *-хү*. Он замещается суффиксом *-ха* или *-хәр*, например: *би хэталаг түгөр ошнō* *я по собирать топливо*.

Типичная для восточного диалекта разговорная форма предварительного деепричастия на *-нарән* известна и джалайт-дурбетскому подговору, например: *ул гарнарән борбн ордж* *как только появились тучи, пошел дождь*; *менē јан нарән тер хүрѐд јирдж* *как только я ушел, он пришел*; *тер хэрдж јирнѐрән хэтәдж* *как только он вернулся, зажег огонь*.

Весьма близкими к нему по значению являются несколько деепричастных и глагольных форм. Его замещают: продолжительное деепричастие на *-тәр* (*би тері үджтәр тәндж* *как только его увидел, узнал*); слитное деепричастие на *-н* (*тертән орон гарад јавшигджē* *как только вошел, тут же вышел из дома*); форма прошедшего времени на *-лә* (*шї хеллѐ, би ошлō* *как только ты сказал, я пошел*). Здесь четко проявляются функциональная близость отдельных глагольных форм, переплетение и совпадение их значений. Несмотря на многие соответствия, суффикс *-нарән* бытует как один из отличительных признаков восточного диалекта.

В отличие от хорчинского говора в речи дурбет сохраняется лишь одна форма глагола *а-* *быть*. Это форма прошедшего времени на *-джē*, т.е. *аджē*, например: *тер хүн тән хүн аджē* *тот был хорошим человеком*.

В подговоре зафиксирована и связка *билē*: *мині нершн хен билē?* *как твое имя?*; *мині мөршнн тән мөр билē* *мой конь был хорошим конем*; *тер үшгедер јиртен билē* *он приехал вчера*.

В речи дурбет имеется разделительный союз *бују* со значением 'или, либо', например: *бада бују шэ* 'еда (обед) или чай'; *шаган бују хар* 'белый или черный'. Иногда *бују* заменяет и описательная форма с отрицанием. Вместо *ногди бују шар* 'зеленый или желтый' употребляется *ногди бши болул* (вместо *болбол*) *шар* 'если не зеленый, то желтый'.

Как и во всем говоре, в джалайт-дурбетском подговоре существуют разные фонетические варианты одного и того же наречного слова: *енд*, *менд* 'здесь, тут' (*шэ менд бэджэ* 'ты побудь здесь'); *тенд*, *метенд* 'там' (*би менд ошод ирјэ* 'я схожу туда и вернусь'); *нендэт*, *мендэт* 'отсюда' (*мендэт бу јав* 'отсюда не уезжай'); *метендэт* 'оттуда' (*мишэ тусиди метендэт авод ир* 'оттуда привеси мое одеяние'); *нашэн*, *нашэн*, 'сюда, поближе' (*шэ бу на-шэн*, *шашэн јаводлэ* 'ты не ходи туда, сюда'); *шашэн*, *шашэн* 'туда дальше' (*шэ шашэн тэ* 'садись подальше'); *дшэн*, *дшэн*, 'вниз, ниже' (*бу унделджд бэ*, *дшэн тэ* 'не приподнимайся, сиди внизу'); *хэн*, *хэн* 'сзади, позади' (*мөр-шэн хэн бэн* 'конь твой находится сзади (чего-то)'); *гадэн* 'вне, снаружи'. 'на улице' (*гадэн борон орджен* 'на улице идет дождь'); *орб* 'поздно' (*би ене тун димэ унтатјуэ*, *орб ботожэ* 'я сегодня ночью спал неважно, [позто-му] проснулся поздно'); *одб*, *мунэ* 'теперь, сейчас' (*шэ мунэ ју хиджен* 'что ты сейчас делаешь?'); *урхелдждэн*, *хедждэн*, *нандидэн* 'всегда, постоянно' (*ене ақа менэ енд нандидэн ирне* 'этот ребенок всегда ходит к нам'; *шэ урхелдждэн тенд тухимэ* 'ты всегда там будешь жить?').

Джалайт-дурбетский подговор отличает еще и характер употребления вопросительной частицы *і*. Хотя это не является нормой, но в подговоре замечено частое использование частицы *і*, присоединяемой к сказуемому, осложненному словом *јим*, *јум* 'вещь, нечто, действительно'. Ср. несколько примеров: *та нар енд хурдж иртимі?* 'вы приехали сюда?'; *ене удер шэ хоршод оштимі?* 'был ли ты сегодня в кооперативе?'; *шамд тен хелдж өгхимі?* 'кто тебе скажет?'. При наличии вопросительного слова частица *і* может быть опущена: *шэ ју гедж хуред иршитимі?* (*шэ ју гедж хуред иршитимі?*) 'почему ты вернулся?'. .

Иногда между вопросительной частицей и вопросительным словом может быть вставлена частица *ш* со значением 'не': *шэ туншјэ?* 'не ты ли сидел?'; *шшэн үдэн бада јуменшјэ?* 'разве ты не обедал?'. .

Когда имеет место самостоятельное использование *бши* 'не', то частица вопроса присоединяется к частице *бши*: *шэ хэт элд туджштан бши?* 'не жил ли ты в аиле, что на северной стороне?'. .

В джалайт-дурбетском подговоре зафиксирована частица запрета *бті* 'не', которая ставится перед повелительно-желательными формами глаголов, например: *тернёр бті хелул* 'с ним ты ничего не передавай (устно)'; *бті үр хуре* 'не злись'; *бті тошто* 'не слушай'; *удэн бті јава* 'долго не ходи'. .

Чисто разговорной формой является частица *анә*, которая употребляется в значении согласия совершить то или другое действие. Кроме дурбет она встречается и в речи джасагту, например: *шэ хоршонд ошну?* — *анә*, *би ошну* 'пойдешь ли в кооператив? — Да, я пойду'; *мині хелти меджджју?* — *анә*, *меджджэ* 'понял ли, что я сказал? — Да, понял'. .

Харчины давно проживают вместе с китайцами в провинции Жэхэ, а туметы — частью в провинциях Жэхэ и Ляонин. С получением монголами своей автономии провинция Жэхэ снова вошла в состав Внутренней Монголии в качестве Джостуского аймака.

Харчины делятся на три хошуна: хошун западного, среднего и восточного крыла. Туметов два хошуна: хошун западного крыла в уезде Чаоянь провинции Жэхэ и хошун восточного крыла в уезде Фусинь провинции Ляонин.

Харчины и туметы издавна занимаются земледелием. Лучше других монголов они усвоили китайскую культуру и язык. Большинство (особенно молодежь) стало двуязычным, в некоторых местах, проживая длительно среди китайцев, они стали забывать родную речь. Общая численность населения харчин и туметов составляет 354 000 человек. Небольшая часть туметов несколько веков проживает на месте, близ г. Хухэ-Хото, центра Автономного района Внутренняя Монголия.

Особенности фонетики⁷. Состав гласных звуков харчин-туметского говора не отличается от хорчинского; в нем имеются те же гласные переднего ряда $\varepsilon, \bar{\varepsilon}, \bar{o}, \bar{ö}, \bar{y}$, которые характерны для всего восточного диалекта. Ср. несколько примеров: *qaŋaŋar* 'узdecka', *datai* 'океан', *doklya* 'сигнал', *üyle* 'дело, деяние' — харч.-тум. *хэджэр, дэлэ, дөхө, үл.*

Однако для говора характерны и некоторые специфические особенности в реализации гласных первого слога слова, которые отличают его от остальных говоров восточного диалекта.

Различие в употреблении γ , соответствующего $\bar{o}$ СПМЯ, проходит по всем говорам восточного диалекта, составляя отличительную черту диалекта в целом, однако распределение $\bar{o}$ и γ по говорам неодинаково, ср.:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>östye</i> 'месть'	$\gamma\bar{sh}\bar{e}$	$\gamma\bar{sh}\bar{e}$
<i>ölügel</i> 'колыбель'	$\gamma\bar{l}\bar{u}\bar{g}\bar{e}$	$\bar{o}\bar{l}\bar{u}\bar{g}\bar{e}$
<i>öčügedür</i> 'вчера'	$\gamma\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$	$\bar{o}\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$, $\gamma\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$
<i>nöğüge edür</i> 'послезавтра'	$\gamma\bar{n}\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$	$\bar{n}\bar{o}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$

Соответствие $\bar{u}$ СПМЯ гласному $\bar{o}$ также типично для говоров восточного диалекта. И все же произношение $\bar{u}$ как $\bar{o}$ особенно отличает речь харчин и туметов. Если в остальных говорах — хорчинском и ар-хорчин-баринском — замешается лишь краткий гласный, то в отличие от них в харчин-туметском говоре древний комплекс $\bar{a}\bar{u}$ отражается в виде долгого гласного $\bar{o}$:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>buday</i> 'краска'	<i>бодол</i>	<i>бодол</i>
<i>bulay</i> 'родник'	<i>болол</i>	<i>болол</i>
<i>ayula</i> 'гора'	<i>үл</i>	<i>өл</i>

⁷ Здесь и далее используются материалы, записанные у харчин хошуна среднего крыла (уезд Нинчэн) и туметов хошуна восточного крыла (уезд Фусинь).

<i>dayun</i> 'песня'	д̄у(н)	д̄б(н)
<i>sayu-</i> 'сидеть'	с̄у-	с̄б-
<i>bayu-</i> 'спускаться'	б̄у-	б̄б-
<i>qurai</i> 'собрание'	хура:	хорал
<i>bula</i> 'пух'	бул	бол
<i>burqan</i> 'бог', 'будда'	бурхан	борзон

Не менее интересным в речи харчин и туметов является своеобразная передача гласных переднего ряда $\ddot{o}$ и $\ddot{u}$. Если СПМЯ дифтонги *ai* и *oi* в конце слова отражаются в харчин-туметском говоре в виде долгого $\ddot{o}$, то гласным первого слога будет соответственно краткий гласный $\ddot{o}$, тогда как в остальных говорах восточного диалекта (кроме джалайт-дурбетского) этот переход не обязателен.

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>qormol</i> 'подол'	хорм̄ $\ddot{o}$, х̄орм̄ $\ddot{o}$	х̄др̄м̄ $\ddot{o}$
<i>noqol</i> 'собака'	нох̄ $\ddot{o}$	н̄ох̄ $\ddot{o}$
<i>qoruqai</i> 'насекомое'	хорх̄ $\ddot{o}$	х̄др̄х̄ $\ddot{o}$
<i>soluqai</i> 'левый', 'лева'	солл̄ $\ddot{o}$	с̄олл̄ $\ddot{o}$
<i>onḡayai</i> 'особенный'	онш̄ $\ddot{o}$	о̄нш̄ $\ddot{o}$

Здесь мы можем говорить лишь о некоторой тенденции в последовательности употребления $\ddot{o}$ и $\ddot{u}$ в одном слове, придающей речи харчин и туметов определенное благозвучие, своеобразие в произношении.

Вместо обычного для других говоров восточного диалекта огубленного долгого гласного $\ddot{y}$ (< сочетания *V-y-l*) в харчин-туметском говоре встречается долгий гласный $\ddot{r}$, например:

	Хорчин	Арухорчин	Харчин-тумет
<i>küytən</i> 'холодный'	х̄ү̄т̄ен	х̄ү̄т̄ен	х̄т̄ү̄н
<i>küytən</i> (анат.) 'пупок'	х̄ү̄с(ен)	х̄ү̄с(ен)	х̄т̄с(ен)

Уже отмечалось, что в говорах восточного диалекта отсутствуют дифтонги и что появление их связано со словами, заимствованными из китайского языка, ср. *oḡya* 'арбуз'.

Материалы, записанные у харчин и туметов свидетельствуют, что в единичных случаях, в основном там, где в СПМЯ в первом слоге был огубленный гласный *u*, в харчин-туметском говоре наряду с гласным *y* слышится и входящий дифтонг *ya*. В экспедиционных материалах были зафиксированы следующие слова: *utus-* 'течь, протекать', *yurban* 'три', *urba-* 'изменять, предавать', *usun* 'вода' — харч.-тум. *уарса-*, *урса-*, *гуарав*, *гурав*, *уарва-*, *урва-*, *уас(ан)*, *ус(ан)*.

В наших записях у туметов также встречается несколько слов, содержащих дифтонг *ya*. К сожалению, нам не удалось до конца выяснить, действительно ли имеет место образование дифтонга на месте краткого гласного. Просьба к информанту повторить произнесенное им не совсем ясное в фонетическом отношении слово сбывала его, он начинал приспосабливаться, переходя на общепринятое произношение слов с гласным *y*. В туметском нами за-

фиксировано: *чās* *гэджир дёр уанджэ* 'бумага упала на пол'; *беден уас ао-туэ* *ичи* 'мы пойдем за водой', где *уанджэ* и *уас(ан)* соответствуют в остальных говорах словам *унджэ* и *ус(ан)*.

В харчин-туметском говоре, как и в остальных говорах восточного диалекта, старомонгольская аффриката *ʃ* как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными сохраняет свой исконный шипящий характер: *ʃigür* 'крыло, крылья', *ʃiууа* 'поводья, вожжи', *ʃöge-* 'таскать', *urʃinan ʃil* 'позапрошлый год', *qavayur* 'узды, уздечка' — харчин-тумет *джибер*, *джолд*, *джб-*, *урджикан джл*, *хэджар*.

По сравнению с хорчинским говором и джалайт-дурбетским подговором харчин-туметский говор отличает наличие еще одной аффрикаты — переднеязычной сильной аффрикаты *ч*. Аффриката *č* как перед гласным *i*, так и перед другими гласными остается в нем как *ч*, т.е. сохраняет шипящий характер, в то время как в хорчинском он развился в шипящий спирант *ш*, в шилингольском перед *i* согласный *č* остается, а перед другими гласными, кроме *i*, развивается в свистящую аффрикату *ч*:

	Хорчин	Шилингол	Харчин-тумет
<i>udir</i> 'случай'	<i>ушр</i>	<i>учр</i>	<i>учр</i>
<i>ʃingnə-</i> 'слушать'	<i>шаңла-</i>	<i>чаңна-</i>	<i>чаңна-</i>
<i>temeče-</i> 'бороться'	<i>темши-</i>	<i>темче-</i>	<i>темчи-</i>
<i>čulbuγur</i> 'чембур'	<i>шулбур</i>	<i>чулбур</i>	<i>чулбур</i>
<i>čag</i> 'время'	<i>шаг</i>	<i>чаг</i>	<i>чаг</i>

Однако в ослабленных позициях в шилингольском (как и в чахарском и ордосском) аффриката *č* соответствует шипящей же аффрикате *дж*. Этого никогда не бывает в говорах восточного диалекта:

	Хорчин	Харчин-тумет	Шилингол, ордос
<i>čokl-</i> 'бить, ударить'	<i>шохл-</i>	<i>чохл-</i>	<i>джохл-</i>
<i>čisun</i> 'кровь'	<i>шус(ан)</i>	<i>чус(ан)</i>	<i>джус(ан)</i>

Весьма характерно для речи харчин и туметов (особенно для харчин) произношение аффрикат *дж* и *ч* (а также и спиранта *ш*) как ретрофлексных согласных, т.е. произносимых с поднятием кончика языка к вершине неба. В записях экспедиционных групп, обследовавших речь харчин и туметов, они отмечались через *дж*, *ч*, *ш*. Следует отметить, что это в харчин-туметском говоре не самостоятельные фонемы, а лишь варианты, встречающиеся в словах с гласными заднего и переднего ряда: СПМЯ *ʃobayə-* 'мучить', *ʃarayə* 'еж', *ʃuyasun* 'рыба', *čayasun* 'бумага', *siqa-* 'жать, прижимать', *qasiya* 'забор' — харч. *джовд*- (*джовд*-), *джард* (*джард*), *джагасан* (*джагасан*), *чдсан* (*чдсан*), *шаха-* (*шаха-*), *хашд* (*хаша*).

Согласные СПМЯ *γ* и *g* перед сильными взрывным *t* и спирантом *s* соответствуют в произношении харчин и туметов согласному *х*, например: *bayta-* 'помещаться', *ʃoysoya-* 'останавливать', *ʃigst-* 'испытывать отвращение' — харчин-тумет *бахта-*, *джохсд*-, *джихст*-.

В речи туметов прослеживается одна особенная черта: консонант *х*, закрывающий конечный слог, выступает как заднеязычный *т*. Это заметно в суф-

фиксе причастия будущего времени. Нами были зафиксированы следующие примеры: *чи бедентэ хамт жабаг дор үгүгэ болбол хел* 'если у тебя нет желания идти с нами, то скажи'; *чи ене үдер ирел ирэхүгэ би медхүгэ* 'я не знаю, придешь ты сегодня или не придешь'. Вместо *жабах* и *ирех*, обычных для этого причастия во всех диалектах Внутренней Монголии, употреблена форма *жабаг* и *ирел*. Следует, однако, заметить, что употребление *г* наряду с *х* в причастии будущего времени носит факультативный характер.

Особенности морфологии. Формы множественного числа имен существительных образуются посредством тех же самых суффиксов, что и в других говорах восточного диалекта. Но в каждом говоре мы находим те или иные слова, для образования которых используются или разные суффиксы, или суффиксы, употребляющиеся в говорах или же в СПМЯ для других имен. Примером может служить образование множественного числа имен при помощи суффикса *-д*.

«Классическим» можно считать образования множественного числа типа *адүү(н)* 'табун лошадей' — *адүүд*; *ногд* 'собака' — *ногдс*; *мал* 'скот' — *малнүд*. Однако в речи харчин и туметов часто встречаются имена, формы множественного числа которых образуются несколько иначе, например: *нөтд* 'собака' — *нөтдд*; *гахд* 'свинья' — *гахдд*; *мал* 'скот' — *малд*.

В речи туметов не встречается суффикс множественного числа *-нүд*, вместо него употребляется *-гүд*. Впрочем, и в других говорах нередки случаи чередования этих суффиксов, но индивидуальную особенность речи туметов составляет устойчивое использование лишь формы *-гүд*:

	Харчин	Тумет
	<i>ширэ</i> 'стол'	<i>ширэгүд</i>
	<i>галү</i> 'гусь'	<i>галүгүд</i>

Однако и в харчин-туметском, как и в остальных говорах, возможна синонимия суффиксов множественного числа, например: *малд*, *малүүд*; *гахд*, *гаханүүд*, *гахдүүд* и т.д.

Как уже известно, в хорчинском говоре показателем винительного падежа а имен выступают *-г* (*-гн*), *-г* (*-гн*), а в джалайт-дурбетском подговоре — *-г* (*-гн*). Харчин-туметский говор относится к типу джалайт-дурбет и в винительном падеже имеет суффикс *-г* (после основ, оканчивающихся на любой согласный) и *-гн* (после основ, оканчивающихся на долгие гласные), например: *чи минг авг догдрд өгэ* 'ты позови моего отца'; *тер таргн гадвал баран талас хадд* 'если будешь жать хлеб, то начни с правой стороны [пашни]'; *би ене бичгн оншидж баргал чг сдджэ* 'ты подожди меня, пока я не закончу читать это письмо'; *енчн соргүлн гергн гүджжэ* 'он видел школьное здание (школу)'.

Соединительный падеж в говоре широкого распространения не имеет. Показателем его выступает *-лэ*, например: *тер өглэгэн хамт иджжэ* 'она пошла вместе с матерью'; *беден терлэ жавсан илм* 'мы ходили вместе с ним'; *меден Батүүлэ хамт баад иджжэн* 'они едят вместе с Бату'. Как и со-вместный падеж, его часто сопровождает послелог *хамт* 'вместе': *дүлэгэн хамт ирлэ* 'он вернулся вместе со своим младшим братом'.

В харчин-туметском говоре существуют все формы двоянных падежей, где основами выступают родительный, совместный или дательно-местный падежи. Здесь наиболее примечательным является сохранение удвоенной формы дательно-местного и исходного падежей от существительного *гар* 'рука': *гартас* 'из рук'.

Различия в числительных основаны на фонетических особенностях. Особенно это заметно в числительном «девять», ср. харч. *јус(ен)*, джал. *јум(ен)*, шгол. *јос(ен)*, чах. *јис(ен)*, орд. *јису(н)*, *јусу(н)*, харч. *јис(ен)*, тум. *јис(ен)*. Лишь в речи туметов оно звучит без инициального *ј*. Как и во всех говорах, перед *јис(ен)* 'девять' числительное теряет конечный согласный *н*: *дал јис(ен)* 'семьдесят девять' (харч.), *гум јис(ен)* 'тридцать девять' (тум.).

В речи харчин зафиксирован суффикс порядкового числительного *-дази*, который существует параллельно с более распространенным в говоре суффиксом *-дугар*: *долб(н)* 'семь' — *долбдугар* (тум.) 'седьмой' — *долбдугар, доллодази* (харч.); *нѣм(ан)* 'восемь' — *нѣмдугар* (тум.) 'восьмой' — *нѣмдугар, нѣмдази* (харч.).

Обычно значение кратности передается постановкой после числительного слов *удā* 'раз' и *дзхн* 'раз, повторно': *тер хојор удā гчджѣ* 'он ходил дважды'; *ѣс нугал дѣр гурав дзхн гчджѣ* 'отец приезжал в кочевья трижды' (тум.).

В этой связи интересным представляется зафиксированный в речи харчин суффикс *-т*, который придает значение кратности. При присоединении этого суффикса конечный *-н* числительного восстанавливается, например: *гурав* (*гурван*) 'три' — *гурвант* 'трижды'; *дөрөс* (*дөрвөн*) 'четыре' — *дөрвөнт* 'четырежды'. Факультативный суффикс *-т*, используемый в речи харчин, соответствует в СПМЯ *-та, -те*: *nigen* 'один' — *nigente* 'один раз'; *qoyar* 'два' — *qoyarta* 'дважды'.

У туметов записано несколько счетных слов — классификаторов — и передающих единицы измерения. К ним относятся: *толиб* 'штука', 'головка' (для подсчета овощей): *ене намар менѣ хоршибн менчан толиб сарлмсаг авджѣ* 'этой осенью наш кооператив получил тысячу головок чеснока'; *джаң* 'лист' (для счета бумаги): *арван джаң чās хеді гурджѣхлм?* 'сколько будет стоить десять листов бумаги?'; *сѣр* 'луночки', 'саженцы' (для подсчета овощей и деревьев): *бед тзван сѣр лүван тѣрджѣ* 'мы посадили пятьдесят лунок моркови'; *долдн сѣр гуа* 'семь лунок дыни'; *гохчо* 'моток' (для счета ниток): *нег гохчо хар утас* 'один моток черных ниток'; *беден хојор гохчо улāн утас авсан бѣнā* 'мы купили два мотка красных ниток', параллельно с ним употребляется и китайское слово; *джаз* 'штука' (для счета одежды): *джундāн менѣ хүн бүр хојор джаз ховчис хлѣ* 'летом каждый в нашей семье справляет себе по две пары одежды'; *бѣдж* 'вязанка' (для растений): *тер үдер болгон гучн таван бѣдж түлѣ хаднā* 'он каждый день накашивает по тридцать пять вязанок травы на топку'.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа сохраняет супплетивные основы косвенных падежей. Оно несколько обособляется и внутри говора:

	Харчин	Тумет
Дат.-местн.	<i>над, надад, нанд, намд</i>	<i>нанд</i>
Вин.	<i>нэмэгд, мэнэгд</i>	<i>нэмэгд, мэнэгд</i>
Исх.	<i>надас, нанас, намас, нэмэгас</i>	<i>надас, нанас, нэмэгас, мэнэгас</i>
Орудн.	<i>надар, нанар, намар</i>	<i>надар, нанар, намар</i>
Совм.	<i>нант, нант</i>	<i>надт, нант</i>
Соед.	<i>надл, нанл</i>	

В речи харчин и туметов сохраняются параллельные основы косвенных падежей *над-* и *нан-*, вторая из которых считается наиболее архаичной и бытующей лишь в таких монгольских языках, как могольский и калмыцкий.

В речи туметов зарегистрирована в дательном падеже лишь одна основа *нан-*. В наших записях встретились примеры: *чĕ нанд нел дөөтер эчĕ рād өг* 'ты принеси мне книгу'; *тер чĕ халулс гэд нанд авад јір* 'подогрей немного тот чай и принеси мне'.

Местоимение 1-го лица множественного числа в туметском имеет глагольный *e* вместо харчинского *i*, ср.:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>биден</i>	<i>беден</i>
Род.	<i>биднэ, манэ</i>	<i>беднэ, мэнэ</i>
Дат.-местн.	<i>биденд, манд</i>	<i>беденд, манд</i>
Вин.	<i>биднĕ, манĕ</i>	<i>беднĕ, манĕ</i>
Исх.	<i>биднэс, манас</i>	<i>беднэс, манас</i>
Орудн.	<i>биднэр, манар</i>	<i>беднэр, манар</i>
Совм.	<i>бидент, мант</i>	<i>бедент, мант</i>
Соед.	<i>биденлэ, манлэ</i>	

Указательные местоимения, выступающие в роли личных местоимений 3-го лица, склоняются по типу, свойственному лишь особенностям языка восточных монголов. Как в речи харчин, так и туметов они изменяются одинаково:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>еннэ</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>еннĕ, енĕ</i>	<i>терĕ</i>
Исх.	<i>еннэс, энэс</i>	<i>тернэс, терэс</i>
Орудн.	<i>еннэр, энэр</i>	<i>тернэр, терэр</i>
Совм.	<i>енент, энт</i>	<i>терент, терт</i>
Соед.	<i>енлэ (харч.)</i>	<i>теренлэ (харч.)</i>

Остальные разряды местоимений одинаковы с такими же местоимениями других говоров: *хен* 'кто', *јү(н)* 'что', *эл* 'который', *јамар* 'какой', *хедĕ* 'сколько', *бүгд, бүр* 'все, весь' и др.

Местоимение 'сам' имеет в туметском две формы: *өрөн* и *бсөн*, в родительном падеже — *өрĕн* и *бсĕн*: *өрĕн (бсĕн) бада* 'своя еда, пища'.

Повелительно-желательные формы глаголов харчин-туметского говора совпадают с таковыми же харчинского говора. В харчин-тумет-

ском говоре зафиксирован суффикс *-ātai*: *чи ене элчүрї нег боддог* 'по-красить бы тебе этот платок'; *ени эмгендөн телетег* 'сказать бы об этом своей старухе'; *чи манэд нег иретег* 'зайти бы тебе к нам'.

В 3-м лице единственного и множественного числа употребляется суффикс *-и*, который есть во всех говорах: *тер мүнэ телег* 'теперь пусть он скажет'; *теден үджег* 'пусть они посмотрят'.

В харчин-туметском говоре имеется суффикс множественного числа субъекта действия *-джага* (харч.), *-чага* (тум.), например: *галун чэйт бүү эр үджага, хүс гаран* 'не пейте много горячего чая, вспотеете'; *бүү хттен ус учага* 'не пейте холодной воды'. Однако это не составляет нормы, так как и суффикс множественности субъекта действия во всех монгольских языках употребляется факультативно.

Употребительна форма настояще-будущего времени на *-нā (-н)*: *тер хүн өр хүрдж яван* 'тот человек сердится'; *ене бас-нән* 'он тоже смеется'; *бї одо төрхүгэ ичин* 'я пойду сейчас гулять'; *бедег бадагайн иднэ* 'мы будем обедать'; *тед магагар Элд явна* (тум.) 'они завтра поедут в гости'. В этих предложениях время действия — настоящее оно или будущее — определяется по контексту или по наличию и отсутствию слов, указывающих на время. В восточном диалекте характерным представляется существование и широкое употребление суффикса *-джэнā (-джэн)* в качестве показателя настоящего времени. Суффикс *-джэнā (-джэн)* продуктивен и в харчин-туметском: *бї дөл ооджэн* 'я шью шубу'; *тер өс хаджджэнā* 'он косит сено'; *баран герин хүгед туглэн хэджэнā* 'дети из дома, что на правой стороне, гонятся за твоим теленком'.

Форма *-в (-вā)* употребляется редко; чаще встречается форма на *-джэ* (редко *-чэ*): *мині дү таранд явджэ* 'мой младший брат отправился на уборку хлебов'; *мал хашатаасн гарчэ* 'животные ушли из сарая'; *хүнї дөддөд асүджэ* 'позвали человека и спросили'; *сонин джүд джүдлэжэ* 'снился ему интересный сон'.

Деепричастия разнообразны и весьма употребительны. Часто используются удвоенные формы соединительного, слитного или разделительного деепричастия. Ср. несколько примеров из речи туметов: *ене хүн телдж телдш шадхүгэ, бэчиджджэн* 'он говорит, говорит и ничего не может сказать, торяется'; *тер урт хтсен хергэн бодон бодон бїгэн гешин* 'он думает, думает о прошлом (поступке) и вивит себя'; *ене хүнчин идэд идэд тас шатхүгэ* 'этот человек ест, ест и никак не насытится'.

Условное деепричастие образуется при помощи суффикса *-вал, (-вал)*. Однако в говоре встречается и чисто разговорная форма на *-үл*, которая присоединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный: *чи менд сөгүл бї сөхүгэ* 'если ты будешь сидеть здесь, я не стану сидеть'; *тер түлэ джбїл бї ус авга* 'если он будет носить дрова, я пойду за водой'.

В харчин-туметском говоре преимущественно распространено деепричастие цели на *-хүгэ*: *надхүгэ гарджэ* 'вышел, чтобы поиграть'; *үдер үджүүлэ ирджэ* 'он приехал, чтобы определить благоприятный день (для свадьбы)'; *теден бада идхүгэ явджэ* 'они ушли, чтобы обедать'.

Уступительное деепричастие образуется присоединением к основе глагола нескольких суффиксов. Наряду с формой, совпадающей с формой СПИЯ, в говоре часто используются разговорные формы. К ним относятся: 1) *-үч*.

ене эджлї хїҕҕи болн хїхүе болбоч болнө *эту работу хоть сделаемь, хоть не сделаешь — ничего не случится*; 2) -јач: хедї халүн үгүе болјоч беден јад-джэ *хотя было не так жарко, мы устали*; еј јагадж тарјајач бї мүнө Ічнө *как бы мать ни ругала, я иду*; хедї јаралтэ болјоч хурал нег хїчхнө *как бы ни был занят, он соберет собрание*.

В харчин-туметском существует предварительное деепричастие на -нāрāн, встречающееся и в других говорах восточного диалекта: тер јїрнєрєн бадāгāн јддө јавдждэ *как только пришел, пообедал и ушел*; хотонд хүрнєрєн єрдєн бї-чї јавүлдждэ *как только добрался до селения, тут же отправил письмо своей матери*; үл гарнāрāн борон орччэ *как только появились облака, пошел дождь*; час орнөрбн дулардждэ *как только пошел снег, потеплело*.

В оформлении деепричастия предела есть небольшая разница: в речи харчин деепричастие предела образуется при помощи суффикса -тар, а в речи туметов — -тал, например: борбч джогстор чї менд сбдждэ *ты посиди тут, пока не перестанет дождь*; тер нар гартар унтдждэ *он спал до восхода солнца*; бї үд болтор чємє хулөдж (харч.) *я ждал тебя до полудня*; өрб болтол эджлāн барја (тум.) *закончим работу, пока не настал вечер*.

Как известно, в конструкции с деепричастием предела имя, передающее субъект, оформляется винительным падежом. В туметской же речи зафиксировано несколько фраз, где наименование агенса выражено местоимением в именительном падеже, ср.: чємєгї јїртел мнї бадā болчнө *пока ты придешь, мой обед будет готов* и бї јїртел чї менд хулөджэ *пока я приду, ты жди меня здесь*; чємєгї чє өджд бартал бї теннє герт чөд јїрјэ *пока ты пьешь чай, я схожу к соседям* и чї тарāгāн үдждө јїртел бї үнєн сачнја *пока ты осмотришь свои посевы, я подою корову*. Подобного типа построения редки и встречаются лишь в разговорной речи.

В отличие от соседнего с ним хорчинского говора в харчин-туметском встречается еще одна деепричастная форма — это -мāн (-мāнджин). Данное деепричастие обозначает зависимое действие, которое предшествует главному, выраженному глаголом-сказуемым (указывает на причинную обусловленность действия): бї тер учрї соңсмон сэ медждэ *так как я был слышан о том (деле), я тут же (все) понял*; тер јїрджд гүјмāн бї дөврєн сэ өгдждэ *так как он пришел просить, я тут же отдал ему свою тетрадь*. Деепричастие на -мāн (-мāнджин) по своему значению близко к значению предварительного деепричастия на -нāрāн. Слово сэ *тут же* подчеркивает, что действие, передаваемое деепричастием на -мāн (-мāнджин), и действие основного глагола-сказуемого могут быть связаны не только причинной и условной зависимостью, но и временной последовательностью: за первым действием немедленно следует другое.

В глагольном образовании замечается и такая особенность. У туметов записаны следующие фразы: сөб үд болї болї гөджєн *вот-вот наступит осень*; нар унї унї гөджєн *вот-вот зайдет солнце*; гал нөчї нөчї гөджєн *вот-вот зажжется огонь*. Здесь обращает на себя внимание следующее: эта конструкция не употребляется без глагола гө- в форме какого-либо времени; глагол гө- требует оформления предыдущего глагола показателем -ї; глагол на -ї должен быть удвоенным, ибо без этого разрушается конструкция. В це-

лом она употребляется для придания глаголу большей выразительности, усиливает значение начала, зарождения действия.

Послелого во всех говорах и диалектах в основном одинаковы, но некоторые из них в харчин-туметском имеют такие отличия.

СПМЯ *dotora* 'в, внутри' в туметской речи соответствует *тотор* или *тор*: *хеден джил тотор (тор) өвчинтэ болджэ* 'в течение нескольких лет он болен'; *улоин тотор (тор) самүрджэ* 'среди многих (людей) сбился с толку'.

Послелог *хоронд* имеет параллельную форму *хонджир*: *бї хојор гег хорон (хонджир) гүсэр јадчиджэ* 'я устал от беготни между двумя домами'; *ене зрегчин хојлн хонджир болджэ* 'это дело исполнено посредственно, так себе'; *тер бүсчин хојлн хонджир болджэ* 'тот пояс получился так себе, ни плохим, ни хорошим'.

СПМЯ *tursi* 'в течение' у туметов соответствует *досон* или *дбсон* (ср. *dayusun*): *бї үдер досон (дбсон) э джил хїд чөлө гархүэ* 'оттого что целый день работали, у меня не было свободного времени'; *терчин джил дбсон өвчин тасархүэ* 'в течение года он не может избавиться от болезни'.

Тулад(дән) 'для', 'ради', 'за', 'так как' встречается в туметской речи с совместным падежом, чем отличается от некоторых других говоров восточного диалекта, например: *бордн ус джөхролтэ туладән тарә сэн* 'оттого что дождевая вода оказывает благотворное действие, пашня похорошела'; *тер хүн джбстэ туладән бардаж на* 'оттого что у него много денег, он зазнается'. В харчинском также встречается *туладән*: *джаварт туладән јирсенү* 'он не пришел, так как дул сильный ветер'.

Союзы в говорах встречаются редко. В харчин-туметском зарегистрированы: *бә*, *болдд*, *бөгөд* 'и', *бујү* 'или', *хервө* 'если', которые по своему значению и употреблению не отличаются от таких же союзов во всех остальных говорах восточного диалекта.

В харчин-туметском встречаются в основном те же частицы, что и в других говорах диалекта. Наиболее употребительны вопросительные частицы: а) *ү*, которая ставится после форм прошедшего времени или же причастия будущего времени: *чї гертэн херджү?* 'ты не ходил домой?'; *мині телсен үл чї меджджү?* 'ты понял то, что я тебе сказал?'; *тә ене бүдї авзімү үгүэ јімү?* 'вы купите эту ткань или нет?'; б) *Г*, которая присоединяется к форме настояще-будущего времени, причастия прошедшего времени или к имени существительному: *чї ениГ медниГ?* 'ты знаешь об этом?'; *чї тернэ јавсанГ мјимі?* 'ты не знал, что он уехал?'; в) *в*, *бї* (*вї*) — после имен и местоимений, к которым относится вопрос: *тер јү бї?* (*тер јү? тер јүв?*) 'что это такое?'; *ене хенї оровї?* (*ене хенї оров?*) 'это чье место?'

Вместо СПМЯ *ја* или *буј* *Ја* в говоре встречается частица *бә* со значением сомнения: *тернэ терег ене үдер јирен бә?* 'может, сегодня прибудет их повозка?'; *тер чинї гег бә?* 'тот твой ли дом?'; *тә меден бә?* 'может быть, вы знаете?'. Изредка харчины и туметы вместо *бә* произносят *болү*: *тер чмнәс јү асүхїм болү* 'о чем он может спросить у тебя?'

В харчин-туметском говоре употребляются те же отрицательные частицы, что и в других говорах: *үл*, *ес*, *үгэ*, *дэ* 'не'. Ср.: *ене хүн үл бүтег јимі хїгөд л бэн* 'этот человек продолжает делать трудно осуществимую работу'; *ес јавах джамәр үрав удә јаван* 'ездил трижды по дороге, по которой не ез-

дят»; *терчн̄ мессенгү* 'он не понял'; *одо ч олүдэ* 'до сих пор не найдено'.
Имеется и отрицание *бiшi* 'не': *ене нōхō мiк̄ бiшi*, *эр хүнэ* 'эта собака не наша, а другого человека'; *терчн̄ мал бiшi*, *мōр* 'то не скот, а лошади'.

АРУХОРЧИН-БАРИНСКИЙ ГОВОР

Арухорчин-баринский говор распространен на территории Джоудаского аймака, граничащего на востоке с Джеримским, на юге с Джостуским, на западе с Чахарским, а на севере с Шилингольским аймаками Внутренней Монголии. Весь аймак делится на четыре хошуна: 1) Арухорчин, 2) Барин восточного крыла, 3) Барин Западного крыла и 4) Хешиктен.

Арухорчины родственны с хорчинами, живущими в Джеримском и Хулунбуирском аймаках. Однако многовековое пребывание на разных территориях и среди разных племен несколько отличает их друг от друга, и арухорчины ныне по своей речи стали близки к барин, особенно к племени барин восточного крыла. Хешиктены отличаются по речи и от арухорчин и от барин, поэтому к ним мы вернемся при рассмотрении речи чахар.

Монголы Джоудаского аймака занимаются частично скотоводством, частично земледелием. Общая численность населения составляет 160 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных тот же, что и в двух других говорах восточного диалекта. Возникновение гласных переднего ряда ε , ξ , $\bar{o}$, $\bar{ö}$ и $\bar{ü}$ обусловлено теми же фонетическими условиями, что и в других говорах, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами: *tasiḡur* 'кнут, плеть', *uliyasun* 'осина', *quml-* 'собирать, подбирать', *doḡugla-* 'насмехаться, дразнить', *ḡyile* 'дело, деяние' — арухорч.-барин. *тiшүр*, *улс(ан)*, *хoмi-*, *дöглo-*, *үл.*

Для говора арухорчин характерны следующие фонетические соответствия с СПМЯ:

1) переход гласного e в гласный i , например: *ḡes* 'медь', *ḡereg* 'воин', *ḡenqael* 'веселье, развлечение' — арухорч.-барин *джис*, *чирег*, *чичел*;

2) замещение гласного $\bar{o}$ гласным γ : *töḡürig* 'круглый', *örüte* 'пенка', *kölde-* 'замерзать' — арухорч.-барин *түргег*, *үрем*, *хүлдө*;

3) произношение y как $\bar{o}$: *buḡa-* 'возвращаться', *sumu* 'стрела', *ungsi-* 'читать' — арухорч.-барин *бочо-*, *сом*, *омшi-*.

Сопоставляя эти явления с данными других говоров и подговоров восточного диалекта, следует отметить, что в рассматриваемом говоре замечается меньшая их распространенность. Возможно, это связано с некоторым влиянием соседних говоров центрального диалекта, где такие соответствия не наблюдаются.

В области согласных наиболее характерной чертой арухорчинской речи по сравнению с хорчинской является то, что в арухорчинском СПМЯ аффриката ξ как перед гласной i , так и перед остальными гласными отражается в виде χ , тогда как в хорчинском говоре она развилась в спирант $ш$, ср.:

	Хорчин	Арухорчин-барин
<i>šilayun</i> 'камень'	шүлүй(н)	чулүй(н)
<i>nabđl</i> 'листья'	лэви	лэвч
<i>šodl-</i> 'испугаться'	шошл-	чочл-
<i>šuyta-</i> 'собираться'	шугла-	чугла-

Лишь в немногих словах аффриката *š* перед гласным *i* переходит в спирант *ш*, например *šida-* 'мочь, быть в состоянии', *šila-* 'варить', *šiker* 'сахар' — арухорч.-барин. *шадә-, шана-, шихер.*

Чисто локальным является в арухорчинской речи употребление взрывного согласного *d* вместо спиранта *с*, например:

	Арухорчин	Барин
<i>naγed-</i> 'играть'	<i>nāsa-</i>	<i>nāda-</i>
<i>qabuda-</i> 'отекает'	<i>xavsa-</i>	<i>xavda-</i>
<i>öbed-</i> 'болеть'	<i>ovse-</i>	<i>ovde-</i>

Под влиянием соседних говоров центрального диалекта в речи барин восточного крыла иногда заметно ослабление сильного начального согласного *т* соответственно в *d*, например:

	Арухорчин	Барин	Чахар
<i>taqa</i> 'подкова'	<i>tax</i>	<i>дах</i>	<i>дах</i>
<i>taslyur</i> 'кнут'	<i>тэшүр</i>	<i>дэшүр, тэшүр</i>	<i>дашүр</i>

Согласным СПМЯ *γ*, *g* перед *t*, *š*, *s* и *č* в арухорчин-баринском говоре соответствует спирант *x* (тогда как, например, в калмыцком — смычный *к*). Однако в речи арухорчин спирантизация более заметна, чем в речи барин, ср. *γayso-* 'стоять', *uytu-* 'встречать' — арухорч. *джохсо-, ухта-*, барин *джогсо-, ухта-*.

Особенности морфологии. Множественное число имен существительных образуется посредством тех же суффиксов, что и в хорчинском и харчин-туметском говорах: *ем* 'женщина' — *емә; мör* 'конь' — *мörд; эл* 'группа юрт' — *элүд; ax* 'старший брат' — *ax нар; моңол* 'монгол' — *моңолчүд.*

Но тем не менее заметны небольшие отклонения: 1) в арухорчин-баринском говоре употребляется *-чүл* — вариант суффикса *-чүд*: *бајан* 'богатый' — *бајчүд, бајчүл; бага* 'молодой' — *бахчүд, бахчүл; бүсгүч* 'женщина' — *бүсгүччүд, бүсгүччүл*; 2) не встречается суффикс *-нүд*, его заменяет *-гүд*: *шрē* 'стол' — *шрēгүд, шрēд; нох* 'собака' — *нохгүд, нохдүд* и др.

В отличие от арухорчин и барин восточного крыла в речи барин западного крыла встречаются имена в соединительном падеже с суффиксом *-лā (-лē)*: *тер ахлāгāн чуг јавджēн* 'он идет вместе со своим старшим братом'; *Батнаст надлā чуг јрджē* 'Батнаст пришел вместе со мной'. Соединительный падеж употребляется в говоре редко, заменяясь более распространенным во всем диалекте совместным падежом.

Вторым падежом, который имеет ограниченное распространение в говорах, является направительный падеж. Как в хорчинском говоре, в арухорчин-баринском имеется суффикс *-джү*: *манē мал голджү орлō* 'наш скот напра-

вился к реке»; *тер барин* *гиджү жавла* 'он ушел в аил, что на правой стороне'. Однако характерным для данного говора следует считать использование посложной конструкции с *урү* 'к, по направлению': *бид хоршб урү жаван* 'мы пойдем по направлению к кооперативу'; *хбд гол урү орлб* 'овцы направились к реке'; *терчин ахн урү гарла* 'он направился к дому старшего брата'. В речи барин западного крыла зафиксировано: *мині толго урү ус шутхатаг* 'полей-ка мне на голову'.

Числительные, так же как и в остальных говорах, образуются присоединением к количественному числительному соответствующего по значению суффикса: порядковые -*дугар*, разделительные -*ад*, собирательные -*ул*: *урав* 'три' — *уравдугар* 'третий', *уравд* 'по три', *уравул* 'втроем'.

Значение кратности в речи арухорчин и барин восточного крыла передается прибавлением к числительному слова *удā* 'раз': *хогор удā* 'два раза', *тав удā* 'пять раз'. Монголы хошуна Барин западного крыла используют в этом значении слово *тау* 'раз': *нег тау* 'один раз', *урав тау* 'три раза'.

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов арухорчин и барин восточного крыла ничем не отличается. Небольшое отличие заметно лишь в склонении местоимений в речи барин западного крыла.

	Арухорчин	Барин восточного крыла	Барин западного крыла
Им.	<i>би (бi)</i>	<i>чи (чi)</i>	<i>би (бi)</i> <i>чи (чi)</i>
Род.	<i>минi</i>	<i>чинi</i>	<i>минi</i> <i>чинi</i>
Дат. местн.	<i>надад, нād</i>	<i>чамд</i>	<i>надад</i> <i>чамд</i>
Вин.	<i>нэмэ, нэмэй</i> <i>мэнэ, мэнэй</i>	<i>чэмэ</i> <i>чэмэй</i>	<i>мэнi</i> <i>чэмi</i> <i>мэнэй</i> <i>чэмэй</i>
Исх.	<i>надās</i>	<i>чамās</i>	<i>надās</i> <i>чамās</i>
Орудн.	<i>надār</i>	<i>чамār</i>	<i>надār</i> <i>чамār</i>
Совм.	<i>надтэ</i>	<i>чамтэ</i>	<i>надтэ</i> <i>чамтэ</i>
Соед.	—	—	<i>надлэ</i> <i>чамлэ</i>

Форма соединительного падежа сохраняется в речи барин западного крыла и в других разрядах местоимений: личное местоимени 1-го и 2-го лица множественного числа *манлэ* 'с нами', *таданлэ* 'с вами', указательные местоимения *ене, тер, еден, теден* (в роли личного местоимения 3-го лица) — *енемлэ, теренлэ, еденлэ* и *теденлэ*.

В арухорчин-баринском имеется возвратное местоимение *эс, эсөн* 'сам', которое изменяется лишь по нескольким падежам: *чи эсөн үжнэ* 'ты видишь только себя'. При образовании множественного числа присоединяется к *эсөн* суффикс -*д*: *эсөд* 'сами'.

Залогии образуются так же, как и в остальных диалектах, разница лишь в том, что некоторые из них оформляются иначе, в зависимости от фонетических процессов, типичных для говора.

Суффикс множественного числа субъекта действия в арухорчин-баринском говоре существует в двух вариантах, т.е. в речи арухорчин он произносится *-джайā*, тогда как в речи барин чаще *-чайā*: *ајад јавхās урт тертэн хi-летджайāјā* 'прежде чем отправиться в путь, отдадим наши телеги в ремонт'; *манi гл үс задчайāджэн* 'наши (в аиле) косят сено'; *бид тер үдер нүджайāјā*

гевү? 'сказали, что надо кочевать в тот день?'; герт орд бада идчага 'входите в дом, отведайте пищи'.

Повелительно-желательные формы в арухорчин-баринском говоре имеют некоторые отличия по сравнению с другими говорами восточного диалекта. Это касается в основном форм пожелания всех трех лиц. Суффиксы *-ātaḡ* (*-ātiā*) речи хорчин и джарут в арухорчин-баринском соответствует суффикс *-ātaḡ* (*-ātiā*): *bi neḡ sḡn surātiā dā* 'учиться бы мне хорошо'; *či neḡ gal tūlētā* 'ты разведал бы огонь'; *ter xūed unātaḡ bḡn dā* 'не упал бы этот ребенок' (арухорчин); *bi oḡb javātiā* 'пойти бы мне теперь'; *či mōrōn uslātaḡ* 'напоил бы своего коня' (барин восточного крыла); *bi či ūḡtiā* 'выпить бы мне чаю'; *či arḡal avātaḡ* 'принес бы ты несколько кизяков' (барин западного крыла).

В отличие от арухорчин в речи барин восточного и западного крыла имеется еще один суффикс, по значению соответствующий СПМЯ *-yusuḡai*, *-gesḡgei*. Это суффикс *-āslā*, который употребляется для обозначения намерения, желания, чтобы совершилось действие: *bi sḡn surāslā dā* 'учиться бы мне лучше'; *či jirēsle dē* 'приехать бы тебе'; *ter xūn oḡb javāslā dā* 'уехать бы теперь тому человеку'; *borōn orbslā dō* 'пойти бы дождю'.

В экспедиционном материале встретился пример, где глагол с суффиксом *-āslā* соответствует по значению иным формам, усложненным частицами. Ср. два примера: *bi sḡn surāslā dā* и *bi sḡn suran bēl dā* 'учиться бы мне лучше'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица на *-tūḡā* почти не встречается. Нами записан пример: *γтер хā бḡн, үджтүгд* 'пусть посмотрят, где пасется скот'.

Изывательные формы ничем не отличаются от таких же форм других говоров восточного диалекта. И в арухорчин-баринском говоре встречается весьма распространенная форма на *-džēnā* (*-džēn*): *džūd ḡmḡn xōt dжа шилḡн голтḡ джа нḡлджḡн* 'Джодудаский аймак граничит на севере с Шилинго-ским аймаком'; *bī үдер болон хḡн тḡ рḡлджḡнā* 'я ежедневно пасу овец'; *хад-нās булаг гарджḡн* 'из скалы бьет родник'; *адḡ мал jḡх эрḡн болджḡн* 'умножается количество табуна'; *ēj үнḡн саджḡнā* 'мать доит корову'.

Изывательная форма на *-v* нетипична для разговорной речи монголов Внутренней Монголии, поэтому она встречается реже других, в основном при вопросе: *чи хедḡлḡ jрев?* 'ты когда вернулся?'; *чи хā javbā?* 'где ты был?'.

Наиболее часто употребляются формы прошедшего времени на *-lā* и *-džē* (*-dž*): *bi čölöḡsḡn dar čireḡt ordžē* 'после освобождения страны я пошел служить в армию'; *чэмḡ телехлḡ bi si medle* 'когда ты сказал, я сразу понял'. Нередки и сращенные формы: *bī baḡasan avād мал тḡ рḡлдḡлḡджḡ* 'я с детства пас скот'; *bi ene хедḡн джḡл тḡ рḡ тḡ радлḡлḡ* 'я эти годы занимался хлебопашеством', где, например, *тḡ рḡлдḡлḡджḡ* состоит из *тḡ рḡл* 'пасти' + *-ād* (суффикс разделительного деепричастия) + *-l-* (частица) + *-ḡ* (< бḡ- 'быть') + *-džē* (суффикс глагола прошедшего времени).

Употребление соединительного, слитного или разделительного деепричастия в редуцированном виде замечено в разговорной речи всех монголов восточной части Внутренней Монголии: *bī хол гаджḡр javdž javdž jḡрḡḡ*

'я вернулся из далеких странствий'; *бид амран амран ирлэ* *мы пришли, часто отдыхая в пути*; *мёрдон бэрэд бэрэд тэвэдлэн* *они ловят коней и тут же выпускают*. Несколько особняком от них стоит продолжительное деепричастие: при редупликации первый из них — в форме основы глагола, а второй принимает форму продолжительного деепричастия: *тед ол олсёр идчхлм?* *что же они, по мере того как находят, тут же съедают?*; *тед ав авсёр хүнд өгдөг ижэ* *в какой мере они берут, в такой и возвращают*.

Следует отметить, что из всех деепричастных форм лишь разделительное, соединительное и продолжительное деепричастия чаще других присоединяют частицу *л* и глагол *бэ-* *быть*: *ес медсен юмэ бүү хеледлэ* *не говори о том, чего не знаешь*; *чэмэ ирен гедж соцсод бид нүден члмлэн харадлэджэ* *улышав о том, что ты приедешь, мы всматривались (в даль) до боли в глазах*; *минэ жорэ тгэл үгүэ бэрэдлэ* *держи моего коня, не выпуская на волю*; *би арван хөдөн джл энд сусарлэджэ* *я более десяти лет живу на этом месте*; *чамтэ үлджан гед тер хүлэсрэлэ* *она продолжала ждать, чтобы встретиться с тобой*. Сравнительно частое употребление подобных форм глаголов монголами Внутренней Монголии несколько сближает их речь с речью ойратов, проживающих в провинции Ганьсу или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В наших записях у торгутов Синьцзян-Уйгурского автономного района встречаются такие предложения: *нүүдэн тбстэ, бүүдэн утхэ болхэ гидж жорэджэнэвдн* *мы (старшие) желаем: при кочевках, чтобы пыль поднималась, а на остановках — дым клубился*; *бидн хаг аз-дүйгэн тамдан суядлэнбөдн* *мы продолжаем жить вместе со своими братьями-казахами*.

В арухорчин-баринском говоре предварительное деепричастие оформляется при помощи суффикса *-мч*: *нар гарамч би эндэс жавсан* *я поехал отсюда, как только взошло солнце*; *чамтэ хелчидж барамч жавна* *поеду, как только закончу разговор с тобой*; *үл гарамч борд орон* *как только появятся тучи, пойдет дождь*; *би чамтэ үлджамч тэнсангүэ* *как только встретил тебя, я [сразу] не узнал*.

В говоре арухорчин-баринском, как и в двух других говорах восточного диалекта, существует более употребительный суффикс предварительного деепричастия *-нэрэн*, которого нет в остальных диалектах: *теднэ моцол гереэ гардж ирнэрэн бүслэд авчлхэ* *как только они вышли из юрты, их [тут же] окружили [кольцом]*; *чэмэ хелнэрэн би медлэ* *как только ты сказал, я понял*; *бид тернэ үджнэрэн байалла* *как только мы его увидели, обрадовались*; *үглэ ерт боснэрэн гарад жавла* *как только утром рано встал, [тут же] уехал*.

Мы уже отмечали, что форма на *-нэрэн* близка по своему значению к продолжительному деепричастию на *-сэр*, ср.: *тер герт ордж ирнэрэн уоё үчлхдэ* и *тер герт ордж ирсэр уоё үчлхдэ* *как только он вошел в дом, тут же наполнился воды*.

Характерную черту арухорчин-баринского говора составляет то, что глаголы на *-мч* и *-нэрэн* замещаются конструкцией, не зафиксированной в других говорах и состоящей из склоняемой формы причастия и послелого *дотор* с значением времени: *би Серегма үджхит тор (үджемч, үджнэрэн) тэнсан* *как только увидел Серегму, узнал ее*; *бид үссен хадхит тор (хадамч, хаднэрэн) хэрэд ирджэ* *как только накосили сена, мы вернулись домой*; *би чэмэ хелхит тор (хелемч, хелнэрэн) медлэ* *как только ты сказал, я тут же понял*.

Приведем еще несколько примеров, записанных в арухорчин: нар *гархит тор* (*гарамч, гарнāрāн*) *тер јавджē* *как только взошло солнце, он поехал*; *б̄; босхит тор* (*босн̄бр̄н, босс̄бр̄*) *гадтē гарджē* *как только мать встала, она вышла на улицу*; *тер ордж јрхит тор* (*јрн̄бр̄н, јрс̄бр̄*) *ханджан д̄бр с̄уджē* *как только вошел, он сел на кан*.

То, что послелог *дотор* может встречаться в некоторых случаях в сокращенном виде как *тор*, поддерживается и именами существительными, которые управляются этим послелогом: *манē сурахид тор с̄н сурахид б̄нā* *среди наших учащихся имеются и те, которые учатся хорошо*; *гер модонд тор джохедж̄н* *дом стоит в лесу*.

Несмотря на тенденцию использовать данные сочетания во временном значении, преобладающей и часто употребляемой разговорной формой во всех говорах восточного диалекта остается деепричастие на *-н̄бр̄н*.

Уступительное деепричастие и здесь имеет параллельную форму на *-јāч*, обозначающую действие, вопреки которому осуществляется другое действие, передаваемое основным глаголом: *чи надад өгјāч ес өгјāч б̄и ент̄ аван* *дай ты мне ее или не дай, я возьму эту вещь*; *тер хедт̄ гхен санј̄в ј̄ч хелсенгү* *как бы она ни скучала по матери, ничего не говорила*; *ман̄ г̄н хедт̄ час орј̄ч б̄и јаван* (арухорч.) *хотя завтра и пойдет снег, я поеду*; *хен јрј̄ч б̄и хөдөлхү* *кто бы ни приходил за мной, я не стану работать*; *тер герт̄н б̄сјāч үс хаддж шадхү* (барин) *хотя он и будет дома, он не сможет косить сено*. Эта разговорная форма уступительного деепричастия весьма распространена в говорах и предпочтительна остальным формам.

В арухорчин-баринском говоре употребляются все три формы деепричастия цели: 1) *-х̄бр* (*тер ус дамалх̄бр јавлā* *он ушел, чтобы принести воды*; *āv мод авх̄бр гарлā* *отец вышел, чтобы принести дров); 2) *-хā* (*бид түлē теиб̄ јавнā* *мы поедем, чтобы перевезти топливо*; *чи терн̄ мал херүлхā јавл̄* *ты отправь его, чтобы он пас скот*); 3) *-хү* (*тер х̄н̄н х̄д̄ж јрхү* *јавджē* *он ушел, чтобы пригнать своих овец*; *ене х̄хед унтхү* *үледж̄н дā* *этот ребенок плачет потому, что хочет спать*. Это же значение может быть передано сочетанием слитного деепричастия основного глагола с формой *гедж*: *ене х̄хед унтан гедж үледж̄н дā*.

В речи барин восточного крыла зафиксирован суффикс *-ман, -мандж*. Посредством этого суффикса образуется деепричастие, указывающее на причину совершения основного действия: *манē ав дж̄с олм̄ндж̄н с̄ē үнē тул̄ дадж авлā* *так как наш отец раздобыл деньги, он тут же купил корову*; *барн̄ орм̄н б̄д с̄ē герт̄ орджē* *так как пошел дождь, мы тут же вбежали в дом*; *терн̄ үджм̄ндж̄н с̄ē медл̄ē* *так как увидел его, он тут же все понял*. Деепричастие на *-ман, -мандж* отсутствует в хорчинском говоре, нет его и в подговорах. В восточном диалекте оно встречается в харчин-туметском и арухорчин-баринском говорах.

Весь инвентарь записанных послелогов тот же, что и в остальных говорах. Остановимся лишь на нескольких послелогох, встречающихся в речи барин западного крыла: 1) *ш̄* *подобно* управляет основной имени, но он имеет вариант *ш̄ү*: *чи јамар үхер ш̄. тенег эман ј̄м* *какой ты бестолковый словно скотина*; *тер харладж харалддж̄х үхер ш̄ү ј̄мү д̄ē* *то, что виднеется, чернея, [вдали], похоже на быка*; 2) *чүчү, джүчү* *вровень, наравне* управляет

совместным падежом: *тер надтэ джүчү эджил хин* 'он работает нарване равне со мной'; 3) *толэ* (иногда и *-тлэ*) 'для', 'ради', 'за' управляет родительным падежом: *тер ардн толэ темчиджэнэ* 'он борется за простой народ'; *би хүрдн толэ джовджэ* 'я страдал ради детей'; 4) *чхэ, чинэ* 'подобно, величиною' управляет основной или же родительным падежом: *тохэ чхэ бијетэ, түүлэн чнэ мортэ* 'сам — с локоток, а конь его — с зайца'.

Союзов в говорах немного. В арухорчин-баринском говоре употребляются: 1) *бэ 'и'* (*тер хүн сэн бэ мүүн бид медхүэ* 'мы не знаем того человека — хороший он или плохой'; *чи надад дең бэ чэс авад јр* 'ты принеси мне лампу и бумагу'); 2) *бөгөд 'и'* (*ене бүс үнтэ бөгөд бас јасан мү* 'эта ткань дорога и притом плоха по качеству'; *бид тані бүр гаднахн ши болло — өндөр бөгөд тарган, шар үстэ* 'мы представляли вас совсем иной национальности, высокой, палмой и со светлыми волосами'); 3) *болөд 'и'* (*моңол хүнэ гол идгэ — мах болөд чагаан идэ* 'основная пища монгольского населения — мясо и молочные продукты'; *чї тер тугал болөд шигэн хөчх* 'ты отгони теленка и ягненка').

Во всех говорах употребляются разнообразные частицы. В арухорчин-баринском отрицание передается тремя частицами:

1) *түэ*, которая чаще всего стоит после причастия будущего или же прошедшего времени: *дамаг үх меден, ават метхүэ* 'знает, как курить, но не знает, как купить табак'; *тані нохтэрт медсенгүэ* 'не знал, что у вас есть собака'. Только в речи арухорчин и барин зафиксировано отрицание *түэ* со словом *эр* 'близкий' в виде *эртүэ* (букв. 'близко не подходит', т.е. превосходит по своим качествам), которое употребляется при сопоставлении сходства или различий, например: *үл эртүэ үндер хүн* '[такой] человек, который ростом выше, чем гора'; *зэнхуа эртүэ сэнхан хен* '[такая] красивая девушка, что цветок лотоса с ней не сравнится'; *үхер эртүэ бүдүн гах* '[такая] толстая свинья, что бычок в сравнении с ней уступает';

2) *дэ* 'еще не', которая следует лишь за формой причастия настоящего времени: *би нэм јүмү үджүдэ* 'я такой вещи еще не видал'; *бада болүдэ* 'пища еще не готова'; *мал таргалүдэ* 'скот еще не упитан'; *тер хотос јрүдэ бэджэ* 'он, оказывается, еще не вернулся из города';

в) *бши* (*бши, шї, ш*) 'не': *мөрчин тенд бэн бши?* 'не там ли твой конь?'; *тер хүн чамд тус хтэс бши хор хтхүэ јлм* 'от того человека, кроме пользы, вреда тебе не будет'; *чи шатар наддагши?* 'ты не играешь в шахматы?'; *чи ене элэн хүнү, бшиү?* 'ты из этого селения или нет?'. .

Характерную черту речи арухорчин составляет использование двух утвердительных частиц, объединенных в одну, чего не бывает в хорчинском и харчин-туметском говорах: *манэ эмдардж бэхчн Гмита (штā < шү дā)* 'воот так мы и живем'; *хен манд үлгер хелдж өгөх бол дд?* — *тер хеленштā* 'кто нам расскажет былинку? — Конечно, он расскажет'.

Из других разрядов частиц отметим: 1) *беддэ* — несколько измененная модальная частица [ср. СПМЯ *бул ја да*, совр. монг. (халха) *буз*] с присоединенной к ней частицей *дэ*: *чи ене бичт гарган беддэ?* 'ты, может быть, сумеешь прочесть это письмо?'; *чї еннї меден беддэ?* 'ты, может быть, знаешь об этом?'; *тā чндан давс хтсен беддэ?* 'вы, может быть, уже послали свой чай?';

2) $\bar{I}$ — вопросительная частица, которая в речи арухорчин и барин часто произносится как $\bar{E}$ (после сокращенного слова $j\bar{m}$, $j\bar{u}m - m$): $ч\bar{I}$ *javaa ged-ж\bar{I}x\bar{I}m\bar{I}? *jadж\bar{E}x\bar{m}\bar{E}? *ты собираешься уезжать или как?; $ч\bar{I}$ *jamap уч\bar{I}рт\bar{E} мен\bar{E}* *д\bar{u}ддж\bar{E}x\bar{m}\bar{E}? *по какому поводу меня вызываешь?; *ед хедж\bar{E} javax\bar{I}m*? [*ед хедж\bar{E} javax\bar{I}m\bar{I} (*javax\bar{m}\bar{E}) ?] *когда они едут?*. Особенно употребительна она после причастной формы, тогда как после имен остается $\bar{I}$: *терч\bar{I} м\bar{b}р\bar{I}m\bar{I}? *то—конь?*******

Хотя частица $\bar{I}$ известна во всех говорах восточного диалекта, но произносится как $\bar{E}$ лишь в арухорчин-баринском и подговоре их-мянган.

Междометия во всех говорах в основном одинаковы. При выражении удивления или восторга в речи арухорчин и барин употребляются разные междометия: арухорчин *ix*, *хед\bar{I} с\bar{E}xan xuap j\bar{m}\bar{I}! *ой, какой красивый цветок!; барин восточного крыла *v\bar{a}d\bar{a}*, *ене хед\bar{I} с\bar{E}xan j\bar{m}\bar{I}! *ой, какая это красивая вещь!; барин западного крыла *x\bar{a}d\bar{a}*, *енд ч\bar{I}m чул\bar{u} бас б\bar{E}xam ш\bar{d}\bar{a}! *ой, и здесь встречаются такие камни!*. Общим для всего говора является $\bar{I}$, которое встречается и у арухорчин и у барин: $\bar{I}$, *x\bar{E}ran j\bar{u}m\bar{I}*, *jadж\bar{E}r\bar{a}d г\bar{e}ч\bar{a} д\bar{e}\bar{I}! *ой, какая жалость! как вы потеряли его?; $\bar{I}$, *x\bar{b}r\bar{x}\bar{I} хен\bar{I} х\bar{u}хед j\bar{m}\bar{I}? *ой, бедняжки, чьи это дети?*. Как видно из примеров, данное междометие приобретает несколько иной оттенок значения.*****

ОННЮТ-НАЙМАНСКИЙ ПОДГОВОР

Оннюты два хошуна — восточного и западного крыла, — которые территориально входят в состав Джоудаского аймака. Земли оннюты на севере граничат с баринами, на востоке — с найманами, на юге — с харчинами, а на западе — с хешиктенами.

Монголов-найман всего один хошун. Он находится в Джеримском аймаке, гранича на севере с оннютами и арухорчинами, на востоке — с аоханами. Аохан также один хошун, ныне он входит в состав оннюты. По своей речи аохане очень близки к оннютам.

Жители всех этих хошунов — оннюты, найманы и аохане — издавна занимаются земледелием.

Речь оннюты и найман, проживающих в разных аймаках Внутренней Монголии, мы выделяем в отдельный подговор потому, что он обладает чертами, общими как с восточным, так и с центральным диалектом. Переплетение особенностей разных диалектных групп дает возможность рассматривать его как самостоятельную единицу. Остановимся кратко лишь на некоторых его особенностях.

Особенности фонетики. Состав гласных такой же, как и в арухорчин-баринском говоре: помимо обычных во всех говорах и диалектах семи гласных имеются в нем переднерядные $\bar{e}$ ($\bar{e}$), $\bar{o}$ ($\bar{o}$), $\bar{y}$: *tak\bar{y}a* *курица*, *may\bar{I}la* *блеять*, *m\bar{I}laya* *сделать подарок ребенку, если ему купили что-либо новое*, *qay\bar{I}ra* *жалость, сожаление*, *yar\bar{I}* *разговаривать*, *soll\bar{I}* *менять, сменять*, *jad\bar{I}n* *гость*, *qon\bar{I}* *овца*, *boy\bar{I}j\bar{I}* *подрастать, вырастать*, *sayuri* *основа

ние, место* — оннют-найман *дэхд, жэлд-, жэла-, хэр, јерл-, сөл-, джон, хон, боджл-, сүр.*

Речь оннютов несколько отличается от речи найман:

1) в речи оннютов древнему комплексу *ayū* соответствует иногда долгий гласный *ō*, в то время как в найманской — долгий *yū*:

	Оннют	Найман
<i>ayula</i> 'гора'	дл	үл
<i>jayu-</i> 'держат в зубах'	джō-	джу-
<i>sayulya</i> 'ведро'	сблōл	сүлал
<i>ayuski</i> <i>амт.</i> 'легкие'	ошл	үшл
<i>dayun</i> 'песня'	дō(н)	дү(н)

2) в речи найман там, где в СПМЯ в первом слоге находился гласный заднего ряда *u*, иногда встречается восходящий дифтонг *ya*:

	Найман	Оннют
<i>ulayun</i> 'красный'	улāн, уалāн	улāн
<i>usun</i> 'вода'	ус(ан), уас(ан)	ус(ан)
<i>urtu</i> 'длинный'	урт, уарт	урт
<i>utusun</i> 'нитка'	утас(ан), уатас(ан)	утас(ан)

Возможно, здесь сказалось влияние речи соседних с ними монголов, поскольку подобное отклонение было зафиксировано лишь в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

Оннют-найманский подговор характерен тем, что в нем наблюдаются звуковые процессы, нетипичные для других говоров и подговоров восточного диалекта. Мы имеем в виду переход сильных начальных согласных в определенных фонетических условиях в слабые начальные согласные. Подобное диссимилятивное явление известно лишь в говорах центрального и южного диалектов.

1) шипящая аффриката СПМЯ *č* сохраняется в оннют-найманском подговоре, не теряя своего исконного качества: *čimki* 'шепотка', *čад-* 'насыщать-ся', *čulbuγur* 'поводья' — оннют-найман *чмх, мад-, молбур*. Однако сильная начальная аффриката *č* перед такими же сильными согласными второго слога слова (*č* или *q, k, s*) диссимилятивно отражается в виде слабой аффрикаты *дж*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>čiči-</i> 'колоть, произывать'	джичи-	чичи-
<i>čidqu-</i> 'лить, вливать'	джитга-	читга-
<i>čidkür</i> 'дьявол'	джитгер	читгер
<i>čarčaya-</i> 'охлаждать'	джарчд-	чарчд-
<i>čoki-</i> 'бить'	джоки-	чоки-

2) сильный начальный смычный СПМЯ *t* перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*t* или *č, q, k, s*) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного *д*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>tata-</i> 'тянуть, тащить'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>
<i>tobđi</i> 'пуговица'	<i>дбвч</i>	<i>тбвч</i>
<i>toqum</i> 'потник'	<i>дотом</i>	<i>тотом</i>
<i>törküm</i> 'родня замужней женщины'	<i>дөрхөм</i>	<i>төрхөм</i>
<i>tusiyal</i> 'приказ'	<i>душал</i>	<i>тушал</i>

3) сильный начальный спирант СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными последующего слога (*q* или *t*, *č*, *s*) в оннют-найманском подговоре отражается в виде слабого смычного *ɥ*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>qadqu-</i> 'колоть, уколоть'	<i>ɥатга-</i>	<i>татга-</i>
<i>qaltar</i> 'мухортый (о масти)'	<i>ɥалтар</i>	<i>талтар</i>
<i>qačar</i> 'щека'	<i>ɥэчр</i>	<i>тэчр</i>
<i>qusum</i> 'пригорелая корка'	<i>ɥусам</i>	<i>тусам</i>
<i>qašiyala-</i> 'огораживать'	<i>ɥашала-</i>	<i>ташала-</i>

4) сильный начальный заднеязычный СПМЯ *k* перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t*, *č*, *s*) отражается в виде слабого смычного *ɥ*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>kökere-</i> 'зеленеть, синеть'	<i>ɥөтрө-</i>	<i>төтрө-</i>
<i>kötul-</i> 'вести'	<i>ɥөтлө-</i>	<i>төтлө-</i>
<i>küdir</i> 'трудный'	<i>ɥүчр</i>	<i>түчр</i>
<i>küsel</i> 'желание'	<i>ɥүсел</i>	<i>түсел</i>
<i>kisigai</i> 'счастливый'	<i>ɥешитэ</i>	<i>тешитэ</i>

В оннют-найманском подговоре, как и во всех других подразделениях восточного диалекта, шипящая аффриката *ʃ* перед *i*, а также и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество: *ʃürken* 'сердце', *ʃalya-* 'присоединять', *ʃaydur* 'грива (например, у льва)', *ʃun* 'лето', *ʃusu-* 'резать ломтями', *ʃebseg* 'орудие' — оннют-найман *джүр(т)ен*, *джалга-*, *джогдор*, *джун*, *джүсө-*, *джевсег*.¹

В оннют-найманском носовому СПМЯ *n* соответствует латеральный *ɲ*: *noytu* 'недоуздок' — *ношт*; *nabđi* 'листья' — *нэвч*; аффрикате *ɲ* — взрывной *ɲ*: *anʃisun* 'плуг' — *эндад*; *deguʃile-* 'привесить' — *дүдлө-*.¹

Особенности морфологии. Личное местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов-найман старшего поколения иногда встречается в соединительном падеже: *тер чамлэ ирсен хен иjmI?* 'кто тот, который пришел с тобой?'; *нэмэлэ хамт јавтар хүлөдј сүнә* 'сидит и ждет, чтобы поехать вместе со мной'.¹

Глагол имеет следующие отличия:

1) в арухорчин-баринском говоре форма пожелания на *-äslä* отмечалась лишь в речи жителей двух хошунов. Эта форма имеет место и в речи оннют-

бејечин сѣн болдслад *был бы здоров*; *тер магатар јирѣслѣ* *приехал бы он завтра*; *хү ертгѣн үлджасла* *встретился бы мальчик со своей матерью*;

2) параллельно с формой глагола настоящего-будущего времени на *-нā* (*-н*) в онкют-найманском подговоре существует и суффикс *-джѣнā* для выражения действия, совершаемого в настоящее время: *мал хѣнѣ* * (он) гонит скот*; *голд орон* * (он) входит в реку*; *бг̄ магатар јавнā* *я поеду завтра*; *тер гер нугтан* *он возвращается в свои родные кочевья*. Однако следует заметить, что форма на *-джѣнā* менее распространена в подговоре, замещаясь часто аналитической конструкцией с деепричастием на *-дж* и глаголом-связкой *бѣ-* *быть*: *биден тані јирсено ја байлджѣнā* (чаще: *байлдж бѣнā*) *мы радуемся вашему приходу*; *мѣр ус үджѣнā* (чаще: *ус үдж бѣнā*) *конь пьет воду*; *манѣ еі бада хиджѣнā* (чаще: *бада хидж бѣн*) *наша мать готовит пищу*;

3) в отличие от всех говоров и подговоров восточного диалекта в онкют-найманском предварительное деепричастие на *-нāрāн* используется реже. Хотя онкюты и найманы и говорят: *нар гарнāрāн дуларч* *как только взошло солнце, потеплело*; *гер ормѣрѣн хелджѣ* *как только вошел в дом, он сказал*; но более широкое распространение в их речи приобретает другой суффикс предварительного деепричастия — *-магч*: *ахн дү гармагч соңсѣджѣ* *как только брат сказал, тут же послушался*; *менѣт сурмагч тер медлѣ* *как только я спросил, он понял*; *джас ормогч мині дү надхүч гарчиджѣ* *как только выпал снег, мой братишка вышел играть*.

Однако между речью найман и онкютов наблюдаются и такие различия: иногда вместо суффиксов *-нāрāн* и *-магч* в речи найман употребляется *-ит*, например: *тернѣ үджемт гарād јрѣджѣ* *как только его увидел, вышел на встречу*.

В речи онкютов все эти суффиксы предварительного деепричастия иногда замещаются конструкцией с причастием и последующим *тор* (сокращенный *дотор*). Так, в нем зафиксированы: *чині јрвхит тор би јавсан* *как только ты пришел, я ушел*; *јү хлхѣ јрвѣ? гедж джѣ хүгѣн үдхит тор хелнѣ* *что ты явился? — спросила она своего племянника, как только увидела его*. С подобной конструкцией мы встречались в арухорчин-баринском говоре. Так же как и в нем, в онкютской речи *дотор* и при основе имени встречается в виде *тор*: *ене авдар тор дѣл бѣн* *в этом сундуке хранится шуба*; *тернѣ гер тор хрвн хүн бѣн* *у них в доме много народу*. Однако возможна и полная форма *дотор*: *аша дотор туглан үлā* *теленка привязала в сарае*.

ИХ-МЯНГАНСКИЙ ПОДГОВОР

Немногочисленное население монголов хошуна Их-мянган еще в середине XVIII в. было переселено из района Кобдо (МНР) в пределы бывшей Маньчжурской империи, в провинцию Хэйлуцзян. В литературе они известны еще и как маннай-олты (олот, элют). О них писалось: *Население хошуна принадлежит к западной ветви монгол, называемой китайцами ольтами, олотами, элютами, а русскими калмыками. Ольты распадаются на несколько племен, ольты, населяющие этот хошун, принадлежат к племени хойтов, поколению Ёхе-Мингань /4, с. 99/.

Их-мянгань составляют один хошун и территориально входят в район Фухай уезда Фуюй провинции Хэйлунцзян. Общая численность населения — 400 человек.

Фонетическая и морфологическая структура их-мянганского подговора за два с лишним века развития в другой среде несколько изменилась, и, согласно данным экспедиции, можно утверждать, что она сейчас ближе всего стоит к строю говора типа арухорчин-баринского восточного диалекта. Что касается лексики, то заметна следующая особенность: с одной стороны, сохраняются некоторые черты, общие с ойратскими говорами Синьцзян-Уйгурского автономного района, а с другой — общие с языком монголов Внутренней Монголии.

Особенности фонетики. В их-мянганском подговоре существуют те же самые гласные звуки, что и во всех говорах восточного диалекта, в частности гласные переднего ряда ξ , $\bar{\xi}$, $\dot{\circ}$, $\ddot{\circ}$:

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>taɬi ʃur</i> 'плеть, кнут'	<i>тэ шүр</i>	<i>тэ шүр</i>
<i>aylmtuʃal</i> 'боязливый'	<i>ᠡлтхᠠ</i>	<i>ᠡлтхᠠ</i>
<i>morin</i> 'конь'	<i>мөр(н)</i>	<i>мөр(н)</i>
<i>qormal</i> 'подол'	<i>хорм᠗</i>	<i>хорм᠗</i>

Гласный $\dot{\circ}$ СПМЯ отражается в подговоре в виде узкого γ : *dörüge* 'стреля', *böglege* 'пробка', *möndür* 'град' — их-мянган *дүрᠡ, бүглᠡ, мүндер*. Подобное замещение объединяет все говоры восточного диалекта.

В их-мянганском подговоре не имеют «перелома» гласного / такие слова, как: *ʃiran* 'шестьдесят', *kilbar* 'легкий', *kirayū* 'иной', *ɬina-* 'варить', *ɬitayā-* 'сжигать', *ɬidun* 'зубы', *ɬitay* 'повод, предлог' — *джиран, килбар, кирᠢ, шна-, хтᠠ-, шү(ен), шлмат.*

Аффриката ξ СПМЯ как перед гласным /, так и перед остальными гласными сохраняет в подговоре свой исконный шипящий характер и отражается в виде ψ : *ɬad-* 'наедаться, насыщаться', *ɬerɬɣ* 'воин, войско', *ɬisun* 'кровь', *ɬiyayun* 'белый' — их-мянган *чад-, чрег, мус(ан), чаган.*

Шипящая аффриката γ в положении перед гласным /, а также и перед другими гласными, сохраняя свое исконное качество, отражается в виде *дж*: *ʃegerde* 'рыжий (масть)', *ʃegüden* 'сон, сновидение', *ʃobu-* 'мучиться', *ɬiyayal* 'сорока', *ʃuyusun* 'рыба', *ʃuyayun* 'толстый' — их-мянган *джемр᠗, джүр(ен), джово-, шаджн᠗, джачас(ан), джуджн᠗.*

Отличительную черту подговора составляет то, что в нем одним из всех говоров восточного и центрального диалектов встречается заднеязычный смычный согласный *k*. Он известен в южном (ордосском) диалекте Внутренней Монголии, а из других монгольских языков — в СПМЯ, калмыцком и ойратских говорах провинций Ганьсу, Шинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Во всех других говорах Внутренней Монголии древний *k* слился со спирантом *x*:

<i>takiya</i> "курица"	<i>тахā</i>	<i>тхā</i>
<i>ketē</i> "огниво"	<i>кет</i>	<i>тет</i>
<i>kürgen</i> "зять"	<i>күрген</i>	<i>хүрген</i>
<i>ebke-</i> "свертывать"	<i>евке-</i>	<i>ехе-</i>
<i>küre-</i> "достичь"	<i>күре-</i>	<i>хүре-</i>
<i>süke</i> "топор"	<i>сүх</i>	<i>сүх</i>
<i>keregül</i> "ссора"	<i>керүл</i>	<i>терүл</i>
<i>yeke</i> "большой"	<i>ик</i>	<i>йх</i>
<i>kesig</i> "счастье"	<i>кешиг</i>	<i>тешиг</i>
<i>kegere</i> "поле, степь"	<i>кёр</i>	<i>хёр</i>
<i>čikiböl</i> "наушники"	<i>чкевчи</i>	<i>чхевчи</i>
<i>kümün</i> "человек"	<i>күн</i>	<i>хүн</i>
<i>üker</i> "крупный скот"	<i>үкер</i>	<i>үхер</i>
<i>kebter</i> "лёжка скота"	<i>кестер</i>	<i>хестер</i>
<i>kürje</i> "лопата"	<i>күрдж</i>	<i>хүрдж</i>
<i>kbmüske</i> "брови"	<i>күмсег</i>	<i>хөмсөг</i>
<i>kebte-</i> "лежать"	<i>кесте-</i>	<i>хесте-</i>

В подговоре замечается озвончение переднеязычного смычного *т* в начале и середине слов, что несвойственно говорам восточного диалекта: их-мянган *čajaj* "трость, палка", *čexim* "коленный сгиб", *duj* "знамя", *devdē-* "размягчать" — хорчин *тајн*, *тххим*, *туј*, *деств-*.

Чередование согласных *л* и *к* известно всем говорам восточного диалекта. Оно заметно и в данном подговоре:

Их-мянган	Хорчин	Чахар
<i>лошт</i> "недоуздок"	<i>лошт</i>	<i>ношт</i>
<i>лавч</i> "листья"	<i>лэвш</i>	<i>навч</i>
<i>гамла-</i> "экономить"	<i>гамла-</i>	<i>гамна-</i>
<i>лѣда-</i> "надеяться"	<i>лѣда-</i>	<i>наѣда-</i>
<i>дамла-</i> "нести на коромысле"	<i>дамла-</i>	<i>дамна-</i>
<i>домло-</i> "исцелять"	<i>домло-</i>	<i>домно-</i>

Однако в подговоре отмечается *р* вместо *л* СПМЯ или других говоров: *таула-* "блеять" — их-мянган *мѣра-*, арухорч.-барин. *мѣла-*, нах. *маѣла-*.
Особенностью их-мянганского подговора является метатеза согласных в тех словах, в которых нет ее в других говорах и диалектах:

	Их-мянган	Хорчин	Шилингол
<i>ülger</i> "образец"	<i>үргел</i>	<i>үлгер</i>	<i>үлгер</i>
<i>malar</i> "дикая кошка"	<i>марал</i>	<i>малар</i>	<i>малар</i>
<i>erbegekēi</i> "бабочка"	<i>еврѣхѣ</i>	<i>ербѣхѣ</i>	<i>ербѣхѣ</i>
<i>utasun</i> "нитка"	<i>усад</i>	<i>утас(ан)</i>	<i>утас(ан)</i>

В немногих словах аффрикате *č* СПМЯ соответствует в подговоре спирант *ш*:

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>šna</i> - 'варить'	<i>шна</i>	<i>чана</i>
<i>štege</i> 'весть, известие'	<i>шмэ</i>	<i>чимэ</i>
<i>šlakür</i> 'демон'	<i>штгер</i>	<i>штгер, чүтгер</i>

Особенности морфологии. Образование множественного числа имен в основном совпадает с таковым же в арухорчин-баринском говоре. Мы лишь перечислим эти суффиксы: 1) *-с*: *емс* 'женщины', *ерс* 'мужчины'; 2) *-д*: *мёрд* 'кони', *нохд* 'собаки', *шрэд* 'столы', *адуд* 'табуны'; 3) *-үд*: *улсүд* 'люди, народ', *дарханүд* 'кузнецы', *ижсүд* 'взрослые'; 4) *-чүд*: *багчүд* 'молодежь', *байаңчүд* 'богачи'; 5) *нар*: *чухер нар* 'друзья', *емч нар* 'врачи'.

В их-мянган, так же как в арухорчин-баринском говоре, отсутствуют суффиксы *-нүд* и *-чүл*.

Падежи не отличаются от арухорчин-баринского говора, они имеют те же самые суффиксы образования.

Все разряды числительных образуются присоединением тех же суффиксов, что и в арухорчин-баринском говоре: *-үл* (собирательное числительное), *-ад* (разделительное числительное), *-дул ар* (порядковое числительное).

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного *би*, *чи* и множественного числа *биден*:

Им.	<i>би</i>	<i>биден</i>	<i>-</i>	<i>чи</i>
Род.	<i>мин</i>	<i>биднэ</i>	<i>менэ</i>	<i>чин</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>биденд</i>	<i>манд</i>	<i>чанд</i>
Вин.	<i>немэв</i>	<i>биднт</i>	<i>мант</i>	<i>чэмэвт</i>
Исх.	<i>надас</i>	<i>биднэс</i>	<i>манас</i>	<i>чамас</i>
Орудн.	<i>надар</i>	<i>биднэр</i>	<i>манэр</i>	<i>чамэр</i>
Совм.	<i>надтэ</i>	<i>бидентэ</i>	<i>мантэ</i>	<i>чамтэ</i>

В склонении личных местоимений отмечено: а) в именительном падеже *би* 'я', *чи* 'ты' не имеют долгих гласных; б) напротив, основа косвенных падежей приобретает долгую гласную — *и* (*д*); в) местоимение с основой на *ман* менее употребительно, чем местоимение *бид*.

Образование всех форм глаголов мало отличается от арухорчин-баринского говора.

В употреблении повелительно-желательных форм замечены следующие особенности: а) в подговоре отсутствуют формы пожелания на *-ама* и *-дсла*, которые характерны для арухорчин-баринского говора; б) в подговоре употребляется повелительно-просительная форма 2-го лица на *-аң* (иногда *-аң*): *javāč, jprēš*.

Изыъявительные формы не отличаются от аналогичных форм глаголов арухорчин-баринского говора, в их-мянганском употребляются те же формы времен. Из трех форм прошедшего времени наиболее употребительной остается и здесь форма на *-джэ*: *jējā ēld javdžē* 'дед уехал в деревню'; *enk džovloң үджджэ* 'она перенесла много горя'.

В подговоре отсутствует несколько суффиксов деепричастий, употребляющихся в арухорчин-баринском говоре параллельно с другими суффиксами,

например *-магч* (предварительное деепричастие), *-ја̄ч* (уступительное деепричастие), *-ха̄р* (деепричастие цели).

В остальных разрядах слов (наречие, послелог, союзы, частицы) их-мянганский подговор не имеет особых отклонений от арухорчин-баринского говора, если не учитывать некоторые явления, связанные с фонетическими процессами в подговоре.

Фонетические и морфологические данные их-мянганского подговора больше всего совпадают с данными арухорчин-баринского говора. Можно допустить, что малочисленная группа ойратов, оказавшись много веков назад в другой языковой среде, постепенно усвоила и перешла на речь окружавшего ее местного населения — монголов восточной части Внутренней Монголии. Несмотря на малочисленность носителей, их-мянганский подговор функционирует как средство общения на узкоограниченной территории, сохраняя общие восточномонгольские черты.